

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Периодическое издание

Выпуск № 4

2023 год

ISSN 2587-6023

ГБОУ ВО
«Донбасская аграрная
академия»

МАКЕЕВКА

2023 год

ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия» приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, опубликовать рукописи в электронном журнале «Правовая позиция».

Основное заглавие: **Правовая позиция**

Место издания: **г. Макеевка, Донецкая Народная Республика**

Параллельное заглавие: **Legal position**

Формат издания: **электронный журнал в формате pdf**

Языки издания: **русский, украинский, английский**

Периодичность выхода: **1 раз в месяц**

Учредитель периодического издания: **ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия»**

ISSN: **2587-6023**

Редакционная коллегия издания:

1. Сынова Елена Михайловна – доктор юридических наук, профессор, ГБОУ ВО «Донецкий национальный университет».
2. Моисеев Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия».
3. Лукина Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
4. Кинаш Ярослав Иванович – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
5. Горбатый Роман Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
6. Терзи Елена Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
7. Рыжкова Елизавета Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
8. Губарь Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
9. Герасименко Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
10. Смирнов Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент ГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе ДНР»
11. Завгородняя Анастасия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия»
12. Пефтиев Олег Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского)
13. Балко Елена Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
14. Мурашев Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, ВНИИ МВД России (г. Москва).
15. Сирик Марина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», филиал в г. Тихорецке.
16. Шошин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».
17. Вестов Федор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Выходные данные выпуска:

Правовая позиция. – 2023. – № 4 (40).

ISSN 2587-6023

9 772587 602007 >

**ОГЛАВЛЕНИЕ ВЫПУСКА
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ»**

**Раздел «Теория и история права и государства,
история учений о праве и государстве»**

Стр. 6 Терзи Е.С., Селютина Т.В.

Реакционная сущность фашизма и нацизма: историко-правовой аспект

**Раздел «Гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право»**

Стр. 13 Кинаш Я.И., Белинская В.В., Воищев В.В.

Особенности модели государственной регуляции страховых правоотношений

Стр. 19 Кинаш Я.И., Шершнева В.В., Шепутис Р.Р.

Теоретические аспекты понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда

Стр. 27 Куликов Д.В.

Проблемы применения компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления

**Раздел «Уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право,
уголовный процесс»**

Стр. 34 Леонова А.А., Архипов М.Е., Буланов Д.А.

К вопросу об исполнении ареста как уголовного наказания в России

Стр. 38 Борисова Д.С., Вербнякова П.М., Воднева Н.Г.

Цели уголовно-исполнительного законодательства

Стр. 42 Голов П.С., Иванов А.Д., Иванов Д.О.

К вопросу об уклонении исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью

Стр. 46 Кондратьев М.В., Мамыш М.С., Башанова С.Б.

Международное пенитенциарное право и российское уголовно-исполнительное законодательство

Стр. 51 Кульков Г.Е., Гордеев М.Г., Воднева Н.Г.

Исправительные учреждения объединенного типа в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации

Стр. 55 Никитин Д.Н.

Дескриптивный подход при моделировании криминогенной ситуации в процессе разработки криминологического прогноза

**Раздел «Криминалистика, судебно-экспертная
деятельность, оперативно-розыскная деятельность»**

Стр. 63 Исакова Э.Ф., Давлетгареева А.С.

Форензика как раздел криминалистики: понятие, характеристика и особенности

**Раздел «Судебная деятельность, прокурорская деятельность,
правозащитная и правоохранительная деятельность»**

Стр. 70 Потапова Л.С.

Evolution of the legal status of a representative in the Russian civil litigation

Раздел «Административное право, административный процесс»

Стр. 78 Жигadlo Н.П., Кондратьев М.В., Рябцева С.Ю.

Опыт пенитенциарной борьбы с коррупцией в Индонезии и перспективы его применения в уголовно-исполнительной системе России

Стр. 83 Жигadlo Н.П., Шумская В.А., Рябцева С.Ю., Рождественский И.К.

Специальный административно-правовой режим военного положения

Стр. 89 Кондратьев М.В., Топчий М.В., Чуханов Р.Н., Карасев Н.С.

К вопросу о соотношении административной ответственности с административным принуждением

Стр. 94 Лыморева Г.О., Леонова А.А., Росликова Е.С.

К вопросу о реализации прав сотрудников УИС в различных отраслях права

Стр. 98 Станковский С.А., Булгаков С.Д., Козырев Д.И., Загороднев В.Ю.

История становления национальной правовой защиты персонала пенитенциарных учреждений

Стр. 103 Сыджилова А.А., Дубчак С.А., Калашник В.А., Воднева Н.Г.

Уголовно-исполнительная политика как результат государственного управления в сфере исполнения наказаний

Стр. 109 Хатуев И.А., Мельник Е.А., Калашник В.А.

Конфликт интересов на службе в уголовно-исполнительной системе: причины возникновения и профилактика

Стр. 113 Шумская В.А., Нестеренко В.В., Гасан В.И., Зорин М.А.

Феномен коррупции в уголовно-исполнительной системе

УДК 32:94

**РЕАКЦИОННАЯ СУЩНОСТЬ ФАШИЗМА
И НАЦИЗМА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Терзи Елена Станиславовна, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка, E-mail: andrey.terzi@mail.ru

Селютина Татьяна Викторовна, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка, E-mail: selutina.tat@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются историко-правовые аспекты зарождения и становления фашистской и нацистской идеологий на протяжении первой половины XX века. Раскрывается антигуманная сущность вышеупомянутых идеологий как проявлений концепций тоталитарного направления. Делается вывод о значительных темпах распространения этих идеологий в отдельных регионах, что является серьезной проблемой современности.

Abstract. The article analyzes the historical and legal aspects of the origin and formation of the fascist and nazism ideologies during the 20th century. The inhumane essence of the above-mentioned ideologies as manifestations of totalitarian concepts is revealed. The conclusion is made about the significant rates of spread of these ideologies in certain regions which are serious problems of our time.

Ключевые слова: фашизм, неофашизм, нацизм, мировое сообщество, антифашизм.

Key words: fascism, neo-fascism, nazism, neo-nazism, anti-fascism, the world community.

В XX веке итальянский фашизм и немецкий нацизм были названы наиболее агрессивными формами национал-социализма. Несмотря на то, что фашистские режимы в европейских странах были ликвидированы, а новые попытки, уже во второй половине XX века, установить профашистские режимы в ряде стран увенчались провалом, такие идеологии как фашизм и нацизм не исчезли, а приспособившись к новым историческим условиям, генерировали в различные модификации неофашизма и неонацизма. В данном контексте является актуальным вопрос об изучении становления и развития этих идеологий в историко– правовых аспектах с целью недопущения их распространений в мировом масштабе.

Целью данной статьи является анализ историко-правовых аспектов зарождения, становления и развития фашистской и нацистской идеологий на протяжении первой половины XX века.

Данная проблема поднималась в работах Л. Люкса, В. Пустогарова, А. Богучевского и других.

Фашизм (от итал.: fascismo – объединение, союз) – политическое течение антидемократического, расистского направления, сформировался в Западной Европе в условиях политического, экономического и социального кризисов после Первой мировой войны, а также противостояния ведущих государственно-правовых идеологий либерального демократизма, консерватизма, коммунизма, социализма и национализма [1, с. 87].

Общественная деморализация и социальные стрессы, вызванные войной, стойкие традиции немецкого национализма, осложненные поражением в войне, а также откровенное неприятие определенными слоями населения республиканско-демократического уклада по Конституции Германии в 1919 г. и переоценка возможностей централизованной власти как условия возрождения сильного национального государства способствовали активной репродукции в общественном сознании идей фашизма.

Эклектически собрав в одну систему разные государственно-правовые идеи, идеологи фашизма объединили общество с помощью одного политического приема: обещанием всем всего. Фашистам, отмечал один из основателей этой идеологии Б.Муссолини, нужно покончить со всеми традиционными политическими теориями, они – аристократы и демократы, революционеры и реакционеры, пролетарии и антипролетарии, пацифисты и антипацифисты. Достаточно иметь единственную отправную точку – нацию. Все другое – очевидное.

Первое политическое образование этого направления (*fasci combattimento* – союз борцов, отсюда и название фашизма) появилось в марте в 1919 г. в Италии, на базе которого 7 ноября в 1921 г. Бенито Муссолини (1883-1945) создал Национальную фашистскую партию.

Возглавив в 1922 г. правительство Италии, Б.Муссолини установил в государстве тоталитарный фашистский режим. Одновременно в начале 1919 г. фашистская партия возникла в Германии. В 1920 г. она получила название национал-социалистической немецкой партии рабочего класса, которую в 1921 г. возглавил Адольф Гитлер (Адольф Шикльгрубер, 1889-1945). В 1933 г. он стал рейхсканцлером, а через год, объединив эту должность с должностью президента, установил в Германии фашистский режим с признаками крайнего национализма и расизма.

Впоследствии такой режим был установлен в Испании, а в годы Второй мировой войны – в Румынии, Словакии, Венгрии и Хорватии.

Идеологами итальянского фашизма были Джованни Джентиле (1875-1944), Альфредо Рокко (1875-1935), а также Бенито Муссолини. Концепция фашизма изложена Д. Джентиле в работе «Генезис и структура общества». Мыслитель был сторонником монархии, критиковал парламентскую форму правления, оправдывал насилие в деятельности государства, утверждал, что оно имеет революционный, прогрессивный характер [2, с. 172-190].

С помощью силы государство, построенное на принципах фашизма, эффективно осуществляет общественные реформы, изменяет несовершенный тип слабого государства, становится сильным. Такое государство стоит над законом. Оно поддерживает религию и содействует развитию самоуправления «правдивого производителя», формирует согласно принципам общепризнанной идеологии фашизма ценностно-ориентационную и правовую системы, согласно которым осуществляет воспитание своих граждан. Принципам индивидуализма либерального государства Д. Джентиле противопоставлял особенный тип коллективизма, в пределах которого человек может реализовывать свободу. Важно место в обществе должен занять «авторитет», задачей которого является обеспечение свобод людей, индивидуальных и коллективных интересов.

Способом существования нации считал фашизм Альфредо Рокко, который, совмещая в свое время должности главы парламента и министра юстиции Италии, а затем ректора Римского университета. Он приложил немало усилий как для разработки доктрины фашизма, так и для формирования правовой системы режима. В своей речи «Исторический генезис фашизма» он утверждал, что фашизм имеет глубокие исторические корни, его принципы были заложены еще во времена Древнего Рима в форме государственной иерархии и дисциплины. Такая форма организации общества является прогрессивной и наоборот, индивидуализм, который имел место в некоторых обществах, привел к их гибели. А. Рокко доказывал, что Италия является духовной преемницей Римской империи, а демократия – это кульминация упадка и анархии, которые начались с падением Рима. Воплощение в социальную практику общественного идеала фашизма он рассматривал как революцию, которая осуществляется «сверху», направленная на излом либерально-демократической государственности, установления «прогрессивного» авторитаризма, изменение менталитета и понимание сущности государства в общественном сознании [3, с. 111].

Идеальное фашистское государство в воображении этого мыслителя возглавляется главой государства – представителем династии с чрезвычайно широкими полномочиями, установленными законами. Общество должно строиться на принципах корпорации и синдикализма. Благодаря этому обеспечивается единство общества, к нему принадлежат все: каждый класс и каждый интерес должен работать вместе в интересах нации. Фашизм видел необходимость изолирования синдикального феномена от социализма, который усложнял его всеми антинациональными, интернациональными, пацифистскими, гуманистическими, бунтарскими идеологиями своей политической доктрины, которая не имеет ничего общего с синдикальной организацией. Фашизм, создавая национал-синдикализм, вдохновлялся исключительно патриотическим чувством и национальной солидарностью.

Концепция фашистского государства и политической системы идеологически заангажированного общества изложена Б. Муссолини в статье «Доктрина фашизма». Основой национализма, писал он, есть концепция государства, ее характер, обязанность. Фашизм рассматривает государство как абсолют, в сравнении с которым все индивиды или группы являются относительными и должны рассматриваться только относительно государства. Фашистское государство является воплощенной волей к власти и управлению. Все другие государственно-правовые теории – либерализм, социализм, марксизм – является несовершенными. В этом плане, по утверждению Б. Муссолини, фашизм является учением, которое наилучшим способом приспособлено представлять интересы и надежды народа Италии, который долгое время унижался и угнетался. Антииндивидуалистическая фашистская концепция жизни, писал он, подчеркивает значение государства и воспринимает индивидуальное настолько, насколько его интересы совпадают с интересами государства, которое олицетворяет совесть и универсальную волю человека как исторической сущности. Фашизм противостоит классическому либерализму, который отрицал государство ради интересов индивида, он подчеркивает права государства как выразителя действительной сущности индивида.

Свобода индивида, по мнению Б. Муссолини, – это нереальная категория, выдуманная либерализмом. Единственной свободой, которая имеет ценность, является свобода Государства и индивида в Государстве. Фашистская концепция государства всеобъемлюща. Вне государства не существует ни человеческих, ни духовных ценностей. Фашизм является тоталитарным, а его государство является синтезом, объединением, которое вбирает все ценности, – объясняет, развивает и предоставляет воодушевления всей жизни народа. Вне государства нет индивидов или групп (политических партий, культурных объединений, экономических союзов, социальных классов).

Государство, утверждал идеолог итальянских фашистов, создает право на национальную независимость. Нация, выраженная в государстве, является живым, этическим бытием настолько, насколько она прогрессивна. Таким образом, он делает вывод о том, что государство – не только авторитет, который управляет и придает законную форму и духовную ценность индивидуальным волям, а также власть, благодаря которой к их воле относятся с уважением за рубежом. Государство отождествляет себя с волей человека, развитие которого не может быть остановлено никакими преградами, и которая путем самоутверждения демонстрирует свою собственную безграничность.

В отмеченной статье Б.Муссолини обосновывает тоталитарный аспект фашистского государства. Он отмечает, что фашизм является не только законодателем и основателем институтов, но и воспитателем, и покровителем духовной жизни. Объектом его влияния являются не только формы жизни, а также их содержание – человек, его характер и вера. Для достижения этой цели фашизм внедряет дисциплину и использует авторитет, входя в душу, осуществляет беспрекословное властвование. Поэтому он избрал своей эмблемой символ единства, силы и справедливости. Из таких сам позиций руководитель «Fasci Italiana di combattimento» обосновывает агрессивную внешнюю политику, применение силы относительно других народов [4, с. 15-23].

Война, отмечал он в этом плане, единственное, что поднимает на высшую ступень всю человеческую энергию и подчеркивает воспитанность людей, которые должны мужество ее встретить. Дух антипацифизма вносится фашизмом даже в индивидуальную жизнь, потому фашист рассматривает жизнь как обязанность, борьбу и завоевание.

Крайний немецкий национализм (шовинизм) приспособил к своим целям известные широкой общественности социалистические лозунги и фразеологию.

В то же время в Германии начали появляться труды, содержанием которых был откровенный национализм, который пропагандировал идею пангерманизма, объединения всех этнических немцев в единое государство. В частности, в работе Эрнста Арндта (1769-1860) «Германия и Европа» обосновывалась идея создания такого государства в пределах от Рейна до Балтики.

Признание этнического аспекта решающим фактором общественного прогресса в сочетании с идеей превосходства немецкой нации над другими нациями и народами пропагандировал представитель социального дарвинизма Хьюстон С. Чемберлен (1855-1927). Он переносил биологические законы борьбы за существование непосредственно на отношения между нациями,

народами и государствами и пропагандировал идеи о естественном неравенстве рас, их деление на «полноценных» и «неполноценных». «Война всех со всеми» в обществе способствует выживанию лучших и более сильных, биологически полноценных индивидов, которые образуют ведущие слои общества. Так же борьба «благородных» рас с «неполноценными» есть, по утверждению Х.С. Чемберлена, позитивным явлением.

Суть расистских идей, которые составляли основу национал-социализма раскрыта в работах теоретика расизма Ханса Гюнтера, профессора Йенского университета в 1930 году, то есть еще до прихода Гитлера к власти, он возглавлял созданную там кафедру «расовой науки». Его книга «Краткий курс расовой теории немецкого народа», написанная в 1929 году, до 1943 года разошлась в 272 тысяч экземпляров и неоднократно переиздавалась. Гюнтер проповедует идею о том, что впоследствии члены определенных человеческих содружеств приобрели некоторые преобладающие характеристики. Таким образом, и создавался «идеальный тип». И хоть не все арийцы относятся к нордической ветви, они все равно принадлежат к этому типу. Что же касается евреев, то они являют собой смесь разных рас. В расовой теории большое значение имел физический вид людей. Для определения чистоты расы Гюнтер проводил антропологические измерения черепа и давал описание внешнего вида арийцев.

В концентрированном виде государственно-правовая доктрина немецкого фашизма была изложена в работе Адольфа Гитлера «Моя борьба», а также в программе Национал-социалистической немецкой партии рабочего класса. Книга Гитлера «Майн кампф» содержит все элементы национал-социалистического мировоззрения: стремление к расширению пространства, антимарксизм, антисемитизм, убедительным образом защищает принцип безжалостной борьбы всех против всех и победы сильных над слабыми [5, с. 48].

В отмеченной работе падение второго немецкого рейха объяснялось несостоятельностью оценить важность расы. В ней утверждалось, что социальный прогресс – это борьба за выживание, в процессе которой побеждает более сильный, а слабый – погибает. Эта борьба начинается внутри расы, результатом ее является формирование элиты. Еще одним проявлением такой борьбы является борьба между расами и культурами. Все расы в этом учении разделяются на культуротворческую (арийскую); культураносные, которые воспринимают и адаптируют эту культуру; третьей расой является культурууничтожающая – это евреи. Арийская раса нуждается в постоянном труде и обслуживании со стороны других рас («вспомогательных») [5, с. 57].

Общественный идеал национал-социализма был пронизан антисемитизмом, который использовался для того, чтобы объединить разные ненависти, страхи, обиды и классовые противоречия в страх перед единственным реальным врагом. Страх перед коммунизмом превратился в страх перед еврейским марксизмом; возмущение против предпринимателей стало ненавистью к еврейскому капитализму; национальная опасность – еврейским заговором на мировое господство; экономическая опасность – ненавистью к еврейскому контролю над крупным капиталом. То, что все эти безосновательные утверждения о еврейском господстве были преувеличенными, не имело никакого значения.

В противовес марксизму, согласно которому вся история трактовалась как борьба классов, для Гитлера была история как борьба нации за жизненное пространство. Он возводил общественные закономерности к биологическим. Борьба за существование рассматривалась им как вечный и неизменный закон не только природы, но и человеческого общества. Ведущим аспектом национал-социалистической государственно-правовой доктрины была теория жизненного пространства, которая обосновывала планы расширения немецкого государства в Центральной и Восточной Европе.

Главной ошибкой второго рейха, отмечал А. Гитлер в работе «Моя борьба», была ориентация на развитие промышленности и торговлю, вместо решения вопроса о расширении территории, не учитывалось, что немцы прирожденные вожди и правители, а государства – это организмы, отношения между которыми определяются естественным отбором. То государство, которое не реализует свое право на расширение, – слабеет и гнивает [5, с. 49].

По мнению представителей нацизма никакие международные договоры и право не могут сдерживать силы народа и естественный процесс расширения государства. В доктрине национал-социализма интеграционным фактором общества и выразителем его интересов является тоталитарная политическая власть, которая осуществляет управление и контроль за всеми общественными сферами. Возглавляет властную вертикаль фюрер, который персонифицирует волю народа и является выразителем духа народа. Власть его – над-законна, источником права является сам фюрер, лишь он наделен правом определять, что является правовым и что – неправовым.

Составляющими политической системы общества рассматривались лишь национал-социалистическая немецкая партия рабочего класса, государство в лице ее аппарата, а также народ – немцы, которые объединены в непартийные и негосударственные структуры. Причем партия признавалась ведущим элементом политической системы, поскольку объединяла наилучших представителей нации – элиту, руководителей государства и его учреждений. Она признавалась носителем немецкой государственности. Партийная государственная власть, в соответствии с идеалом национал-социализма, формировалась по принципу: решение – сверху вниз; ответственность – снизу вверх.

В «материальном правовом государстве», которое создавалось нацистами, отсутствовали «иллюзорная демократия», индивидуализм и другие недостатки «ленивого государства». Она формируется на расовой основе, которая структурируется по общественным слоям, работающим ради удовлетворения интересов всей нации. Такое правовое состояние, как гражданство в государстве, отсутствует: все немцы являются подданными и должны выполнять свой долг служения государству.

Государственно-правовая доктрина немецкого фашизма и социал-демократии отбрасывала «нормативную юриспруденцию», «субъективное право», «правоспособность» и другие правовые категории ценностно-правовой системы цивилизации. Шла речь лишь об обязанностях подданных, а не их правах.

В нацистской идеологии правотворческим фактором и исходным источником права признавалась раса, национальный дух. Утверждалось, что право обусловлено расой, является ее продуктом, по своей сути оно есть то, что

арийцы определяют как «право». Носителями права могут быть лишь субъекты, которые принадлежат к этой расе, народной общности. Преступлением считалось деяние, которое карается согласно здравому смыслу народа.

Латинский термин «*natio*» изначально означал то же, что греческое понятие «этнос» и российский термин «народ». Именно как «народ, этнос» – он воспринимался в течение основного времени всемирной истории. Национализм – это любовь к историческому взгляду и творческому акту своего народа. Национализм является верой в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национальное чувство является духовным огнем, ведущий человека к служению и жертвам, а народ – к духовному расцвету.

Существует фаза национализма – национализм агрессивный, который основан на враждебном отношении к другому народу или группе народов, – «шовинизм». Есть еще более агрессивная и негативная форма национализма – «нацизм». Нацизм включает в себя не только враждебное отношение к другим нациям, он опирается на идею национального преимущества. Следовательно, именно фашизм и нацизм стали наиболее антигуманными идеологиями XX века, практическая реализация которых повлекла за собой большие человеческие жертвы.

Подводя итоги, можно отметить, что несмотря на свою реакционную сущность, темпы распространения фашизма и нацизма в первой половине XX века были достаточно велики. Это привело представителей этих идеологий к власти вполне законными путями. Последствиями этих событий стала гибель миллионов людей как на полях войн, развязанных фашистскими и нацистскими идеологами, так и в обычной жизни. На наш взгляд, как власть, так и общественные организации, стоящие на позициях демократии должны прилагать максимальные усилия, чтобы в будущем подобные трагедии не повторялись.

Список использованной литературы:

1. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922-1982 / Вольфганг Випперман; Пер. с нем. А.И. Федорова. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2000. – 229 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>
2. Игрицкий Ю. Концепция тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе / Ю. Игрицкий // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 172-190.
3. Пустогаров В.В. Неофашизм и международная безопасность / В.В. Пустогаров. – М.: Наука, 2009. – 239 с.
4. Богушевский А. Неофашизм в Германии: вчера, сегодня, завтра / А. Богушевский // Гудок. – 2009, 26 июня. – С. 15-23.
5. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? / Л. Люкс // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 48-57.

УДК 347.4

**ОСОБЕННОСТИ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
РЕГУЛЯЦИИ СТРАХОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

*Кинаш Ярослав Иванович, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка,
E-mail: yamudriy@bk.ru*

Белинская Валерия Васильевна, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка

Воищев Вадим Владимирович, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка

Аннотация. В статье дано понятие страхования, рассматриваются особенности страхования, проанализированы цели государственной регуляции страховой деятельности, рассмотрены модели страхования.

Abstract. The article gives the concept of insurance, discusses the features of insurance, analyzes the goals of state regulation of insurance activities, and considers insurance models.

Ключевые слова: страхование, классификация, формы страхования, виды страхования, объект страхования.

Key words: insurance, classification, forms of insurance, types of insurance, object of insurance.

Страховой рынок как часть финансовой сферы является объектом государственного регулирования и контроля. Государственное регулирование направлено на обеспечение формирования и развития рынка страховых услуг, который эффективно работает, создание необходимых условий для деятельности страховщиков различных организационно-правовых форм, недопущение на страховой рынок спекулятивных и фиктивных компаний, которые могут причинить вред как страховому делу, так и имущественным интересам страхователей, и соблюдения требований законодательства о страховании [1].

Основные факторы, которые определяют необходимость государственной регуляции страховой деятельности, связаны с защитой страхователя и экономической политикой, которая проводится государством [2].

Главной целью государственной регуляции страховой деятельности является обеспечение формирования страховщиками достаточного объема средств, за счет которых они смогут выполнить свои обязательства перед страхователями при любых обстоятельствах, то есть обеспечение платежеспособности каждого конкретного страховщика [3].

Государственная регуляция развития страхового бизнеса осуществляется в таких направлениях:

- прямое участие государства в становлении системы страховой защиты имущественных интересов;
- законодательная регуляция (принятие государством базовых законов и нормативно правовых актов);
- осуществление специального надзора за деятельностью в соответствии с интересами страхователей и общегосударственными потребностями [4, с.133-136].

Целостный механизм государственной регуляции страховой деятельности включает прямые и косвенные методы влияния государства и ее вмешательства в осуществление страховой деятельности и развитие страхового рынка.

К рыночным, то есть косвенным методам государственной регуляции относятся проведение государством специальной налоговой (фискальной) политики, а также тарифной, ценовой, кредитной, денежной и инвестиционной политики.

Прямое государственное вмешательство в механизм функционирования страхового бизнеса осуществляется при помощи законодательной базы и надзора за страховой деятельностью [3]. Социальное обеспечение граждан является одной из задач государства.

Одной из наиболее острых проблем реформирования социального обеспечения есть создание новой системы социального страхования. Социальное страхование – это один из важнейших институтов права граждан на социальное обеспечение и является составляющей системы конкретных форм социального обеспечения. В настоящее время активно происходит процесс законодательного формирования института социального страхования. 30 апреля 2015 года были приняты Законы ДНР «Об основах всеобщего социального страхования» и «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств». Отмеченные Законы закрепляют правовой статус новых субъектов социального страхования и новые формы страхования, в частности негосударственного пенсионного страхования [5; 6].

Основой существующих вариантов социального страхования, в том числе пенсионного, есть три классических модели социального страхования, которые предусматривают определены правовые методы и институты: модель (план) Бевериджа; модель Бисмарка; модель личного (коллективного) пенсионного страхования трудоспособного населения [7, с. 69].

Модель Бевериджа разработана в 1942 году в Великобритании лордом Бевериджем, возглавлявшим межминистерскую комиссию по подготовке мероприятий, направленных на улучшение социального обеспечения. Беверидж был разработчиком системы социального страхования на случай безработицы в 1908 и в 1915 годах и, создавая новую систему социального страхования, руководствовался практическими результатами, используя предыдущий опыт работы в социальной сфере. Беверидж пытался создать систему, которая бы максимально соответствовала жизненным реалиям, могла работать сразу после ее введения и не требовала бы немедленных глобальных преобразований в экономике и законодательстве. Основные положения и принципы новой системы социального обеспечения были изложены Бевериджем в докладе, представленном Комитету социального страхования и смежных услуг опубликованных в 1942 году. Идеологической основой модели Бевериджа является положение о том, что основой системы социального обеспечения является право человека на труд, и задачи государства заключается в создании всех условий для обеспечения занятости населения, ликвидации безработицы. Лицо, имеющее работу, способно не только самостоятельно поддерживать необходимый для себя уровень жизни, но и создать условия для обеспечения себя после наступления нетрудоспособного возраста. Основой эффективной социальной системы должно быть взаимодействие социальной политики,

политики здравоохранения и политики полной занятости населения. Государство должно установить и поддерживать систему социальных стандартов (прожиточного минимума, минимальной заработной платы, пенсий и т.д.), стимулировать развитие предпринимательства, личных стремлений каждого индивидуума к получению дохода более высокого, чем минимальные стандарты; создать систему социального страхования для социально незащищенных слоев населения, соответствующую реалиям прогресса. Беверидж отмечал, что эффективность функционирования социальной системы зависит от того, является ли государство, юридические и физические лица, которые участвуют в этой системе, полноправными социальными партнерами [7, с. 70].

Модель Бевериджа базируется на трех основных принципах: универсальности социального обеспечения; единство в социальном обеспечении; интеграции разных форм социального обеспечения.

Принцип универсальности социального обеспечения основывается на солидарности нации и заключается в предоставлении минимальных социальных гарантий на случай наступления социального риска для всех слоев населения, независимо от того, лицо нуждается в защите, работающее на момент наступления риска, или оно работало в прошлом, или вообще не работало. Поскольку основной социальной функцией государства является поддержание достойного уровня жизни населения, борьба с бедностью, то принцип единства в социальном обеспечении означает адекватность социальных выплат, предоставляемых государством, уровню нормальных потребностей человека в конкретной ситуации, без привязки к сумме получаемой конкретным индивидом заработной платы. Данный принцип проявляется также в создании единой унифицированной системы социального страхования, управляемой государственными органами (соответствующими министерствами), основанной на едином социальном взносе. Исключением из этой системы есть только социальное страхование от несчастных случаев на производстве, а также семейные пособия, источником финансирования которых были общественные фонды [7, с. 70].

Принцип интеграции разных форм социального обеспечения означал взаимодействие страхования, социальной помощи и сберегательных касс.

Для внедрения и эффективного практического действия отмеченных принципов Беверидж предложил систему социального обеспечения на основе страховых взносов, плательщиками которых были бы работник, работодатель и государство. Социальные выплаты осуществляются в такой системе в соответствии с принципом солидарности, которая опирается на поддерживаемую и стимулируемую государством полную занятость работоспособного населения [7, с. 70].

В модели социального обеспечения Бевериджа доминирует государственное социальное обеспечение, которое финансируется из бюджета. Другие институты социальной защиты, хотя и достаточно развитые, исполняют роль дополнительных систем защиты. Важнейшая роль института государственного социального обеспечения заключается в борьбе с бедностью на основе перераспределения доходов между богатыми и бедными, реализующиеся с помощью налоговой системы [7, с. 70].

Очевидно что, план Бевериджа значительно повышал роль государства в регуляции социальных процессов. Внедрение новой системы социального страхования завершилось в 1948 году. Система предусматривала выплату государственной помощи в связи с безработицей, болезнью, потерей работоспособности (в том числе в результате профессионального заболевания или производственной травмы), рождением и воспитанием ребенка, выплатой пенсий по старости, вдовам, инвалидам детства и на захоронение. В общенациональном страховом фонде наибольшая часть взносов – больше трети – приходилась на самих трудящихся, кое-что меньше трети поступало от работодателей (предпринимателей) и больше четверти – из государственного бюджета. Системой социального страхования были охвачены свыше 23 млн. человек. Основные элементы модели Бевериджа характерны для системы социальной защиты таких современных стран как, Великобритания, Австралия, Ирландия, Канада [7, с. 70]. Следует отметить, что эта модель успешно функционирует в странах с развитой экономикой, стабильной налоговой системой, высоким уровнем занятости, сбалансированной демографической ситуацией.

Модель Бисмарка названа в честь ее разработчика канцлера Германии Отто фон Бисмарка, который в законодательном порядке ввел систему, ядром которой стал институт обязательного социального страхования. В 1881 году Бисмарк объявил о наступлении «эры рабочего законодательства». С этой целью в Германии были приняты базовые законы о социальном страховании: «О страховании на случай болезни» 1883 год, «О страховании от несчастных случаев» 1884 год, «О страховании на случай старости и инвалидности» 1889 год. Последний закон предусматривал выплату за счет государства пенсии рабочим и устанавливал пенсионный возраст с 70 лет. Модель Бисмарка применяется в Германии, Австрии, Франции, Италии, Греции, Швейцарии.

Цель социального страхования состоит в том, чтобы в случае наступления определенного социального риска предотвратить внезапное снижение уровня дохода трудоспособного населения. Организационно-правовая форма этой системы базируется на следующих принципах:

- обязательная солидарная взаимопомощь работников и работодателей. Поскольку в основе модели лежит принцип страхования, то устанавливаются паритетные соотношения между взносами наемных рабочих и работодателей, а также между выплатами и взносами;

- социальным обеспечением управляют непосредственно работодатели и работающие. При этом существует самостоятельная ответственность работников при создании страховых фондов, обеспечивающих каждому застрахованному лицу возможность самостоятельно перераспределять свои доходы в соответствии рискованных обстоятельств (пенсия, болезнь, несчастный случай на производстве);

- социальное обеспечение зависит от трудовой деятельности и распространяется только на тех лиц, которые получили право на социальное обеспечение благодаря собственному труду;

- обязательное социальное обеспечение устанавливается только для тех работников, которые получают минимальную заработную плату или ниже

установленного минимума и не имеют возможности осуществлять индивидуальные страховые взносы [8, с. 171].

Для США, стран Латинской Америки, Португалии присуща модель личного (коллективного) пенсионного страхования трудоспособного населения, несущая черты индивидуальной защиты. В организации данной системы используется принцип эквивалентности страховых взносов и выплат, вносят и получают конкретные лица. Основными субъектами такой системы являются негосударственные фонды, в том числе негосударственные пенсионные фонды. Идея создания негосударственных пенсионных фондов возникла в начале XIX века в США, в ее основе лежит принцип корпоративного управления капиталом. Основоположителем идеи создания негосударственных социальных фондов является известный финансист и политический деятель США А. Гамильтон, который в 1801 году участвовал в составлении проекта завещания состоятельного капитана Р. Рэндэлла, оставивший часть своего капитала для создания специального пенсионного фонда моряков. Гамильтон предложил создать отдельную корпорацию, которая на правах доверительного собственника выполняла бы волю собственника по управлению и распоряжению капиталом. Такая корпорация была зарегистрирована в 1806 году и выплачивала пенсии морякам с доходов, полученных от использования имущества, которое было передано для основания фонда капитаном Рэндэллом [9, С. 110-113].

Количество негосударственных социальных фондов начало заметно расти в середине XX в. В середине 80-х годов численность участников негосударственных пенсионных фондов в США равнялось около 50% общего количества занятых в производстве. Размеры накопленных негосударственным пенсионным фондом активов составляли: в 1974 году – 285 миллиардов долларов, в 1980 году – 633 миллиардов долларов, в 1985 году – 1100 миллиардов долларов, в 1989 году – 1700 миллиардов долларов. Сейчас частные пенсионные фонды контролируют в США капитал в 1,7 триллиона долларов. Популярными частными пенсионными фондами также в Великобритании, Швейцарии, Нидерландах, Чили [7, с. 71].

Основой негосударственного страхования являются личные взносы застрахованного лица. Размер страховых взносов при личном частном страховании зависит от старения дохода застрахованного лица, а также от факторов, влияющих на здоровье конкретного человека (возраст, профессия, образ жизни) и демографических факторов (средняя продолжительность жизни, период жизни после выхода на пенсию и т.д.). На наш взгляд негативными моментами данной модели является наличие высокой степени риска сохранения накопленных средств, связанного с инфляционными процессами, колебаниями нормы доходности активов фондов, доходности инвестиционных проектов, политическими процессами. Кроме того, участвовать в данной системе могут лица, имеющие стабильный высокий доход, а для малообеспеченных и лиц со средним уровнем дохода участие в системе частного страхования практически недоступно.

Таким образом, основная задача, которую необходимо решить в процессе определения концепции социального страхования в государстве заключается, во внедрении оптимальных пропорций применения различных форм социального страхования. С этой целью следует разработать научный инструментарий для

оценки социальных рисков и обоснования соответствующих уровней социальных гарантий и на такой основе упорядочить организационные, финансовые и правовые формы государственного, корпоративного, личного страхования.

Для Донецкой Народной Республики страхование является способом защиты бизнеса и благосостояния людей, а также видом деятельности, приносящим доход.

Список использованной литературы:

1. В ДНР заговорили о страховании. Не рановато ли? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://patriot-donetsk.ru/15043-kommunalnye-gayki-krutyatsya-dolzchnikam-prigotovitsya.html> (дата обращения: 10.01.2023)
2. Страхование риски по-Донецки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://patriot-donetsk.ru/15087-v-dnr-zagovorili-o-strahovanii-ne-ranovato-li.html> (дата обращения: 10.01.2023)
3. О страховании в Донецкой Народной Республике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/marina-zhejnova-prodlenie-sroka-nastupleniya-administrativnoj-otvetstvennosti-za-otsutstvie-polisa-osago-v-narodnom-sovete-ne-rassmatrivaetsya/> (дата обращения: 29.12.2022)
4. Вовчак О. Д. Страхование дело: учебник / О.Д. Вовчак – К.: Знание, 2011. – 391 с.
5. Закон ДНР «Об основах общеобязательного социального страхования», принят Постановлением Народного Совета 30 апреля 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-obshheobyazatelnom-sots-strahovanii/> (дата обращения: 28.12.2022)
6. Закон ДНР «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» Принят Постановлением Народного Совета 24 мая 2019 года (с изменениями, внесенными Законом от 05.07.2019 № 47-ПНС, от 04.09.2019 № 56-ПНС, от 14.11.2019 № 69-ПНС, от 30.12.2019 № 89-ПНС, от 26.05.2020 № 149-ПНС, от 17.07.2020 № 168-ПНС, от 24.09.2020 № 192-ПНС, от 20.11.2020 № 216-ПНС, от 05.03.2021 № 252-ПНС). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-obyazatelnom-strahovanii-grazhdanskoj-otvetstvennosti-vladeltsev-transportnyh-sredstv/> (дата обращения: 29.12.2022)
7. Татаренко Г. Модели социального страхования в контексте истории / Г. Татаренко // Предпр., хоз. и право. – 2004. – № 7 – С. 69-72.
8. Долгошея Н.О. Страхование в вопросах и ответах: учеб. пособ. / Н.О. Долгошея – К.: Центр учебной литературы, 2010. – 318 с.
9. Косаренко Н. Н. Государственно-правовое регулирование страховой деятельности страховщиков в Российской Федерации. Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата / Н. Н. Косаренко. – 2014. – № 1 (32). – С. 110-113.

УДК 347.426

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» В СПОРАХ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Кинаш Ярослав Иванович, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка,
E-mail: yamudriy@bk.ru

Шершинева Валерия Владиславовна, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка
Шепутис Римас Римасович, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка

Аннотация. В статье рассматривается толкование морального вреда, а также проблемы законодательного обоснования юридических фактов, дающих право на компенсацию морального вреда. Характер и степень физических и нравственных страданий. Проанализированы индивидуальные особенности человека и их проявления через объективные внешние критерии. Условия возникновения и величина внешнего воздействия на лицо, которому причинен моральный вред. Изучена степень внутреннего сопротивления личности внешнему воздействию при причинении морального вреда.

Abstract. The article discusses the interpretation of moral harm, as well as the problems of legislative justification of legal facts that give the right to compensation for moral harm. The nature and degree of physical and moral suffering. The individual characteristics of a person and their manifestations through objective external criteria are analyzed. The conditions of occurrence and the magnitude of the external impact on the person to whom moral harm has been caused. The degree of internal resistance of the individual to external influence when causing moral harm is determined.

Ключевые слова: морального вреда, компенсация морального вреда, характер морального вреда, степень физических, нравственных страданий.

Key words: moral harm, compensation for moral harm, the nature of moral harm, the degree of physical, moral suffering.

Права, свободы человека и гражданина признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам, в соответствии с Конституцией Донецкой Народной Республикой, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом [1].

В Донецкой Народной Республики вопрос определения размера компенсации морального вреда был и остается одним из самых дискуссионных, это связано с отсутствием определенных критериев, при применении которых было бы возможно упорядочить данный вопрос. Очевидно, что в одних и тех же случаях суд назначает кардинально отличающиеся суммы подлежащие выплате компенсации морального вреда.

Приведенные в гражданском кодексе ДНР положения, которыми руководствуется суд и отсутствие законодательной трактовки этих положений, не позволяет объективно и в полной мере их использовать для справедливого вынесения судебного решения о размере компенсации морального вреда. В связи с этим перечисленные объективные пробелы в законодательстве вынуждают

судий самостоятельно, основываясь на свое усмотрение и жизненный опыт, применять и определять размер денежной компенсации морального вреда.

В соответствии с гражданским кодексом ДНР трактовка самого понятия моральный вред выглядит, как физические или нравственные страдания действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага [2].

Компенсация морального вреда в юридической литературе рассматривается как безусловность требований разумности и справедливости сочетается с диспозитивностью нормы, устанавливающей правила реализации данных требований. Поскольку ст.151 ГК РФ, в которой она сформулирована, предусматривает оценку судом степени вины причинителя вреда и степени физических, нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред [3]. Анализируя юридическую практику гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан возникают сложности реализации данной нормы которая связана с решением следующих вопросов: как именно влияет установленная судом степень физических и нравственных страданий потерпевшего на размер компенсации морального вреда; как именно влияет установленная судом степень вины ответчика на размер компенсации морального вреда, если последняя не должна ассоциироваться с публично-правовой по своему характеру функцией наказания?

Конвертация нравственных страданий в деньги – довольно деликатная тема. Для устранения заложенного в ней ценностного диссонанса имеет смысл перенести ее рассмотрение в контекст ценностно-ориентированных норм-принципов защиты прав и законных интересов человека, связанных с неотчуждаемыми нематериальными благами.

В поиске эффективных подходов к решению обсуждаемой проблемы следует исходить из того, что каждое из перечисленных в ч. 1 ст. 150 ГК РФ нематериальных благ, являющихся предметом гражданско-правовой защиты, представляет собой одно из необходимых условий благополучия гражданина демократического правового государства, позиционирующего себя как «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [3; 4]. При этом нужно подчеркнуть, что благополучие человека – это целостная, неделимая характеристика, составляющие которой взаимосвязаны и необходимы для реализации конституционного права гражданина на достойную жизнь.

Поскольку законные интересы это охраняемые законом условия благополучия гражданина, постольку в практике гражданско-правовой защиты законных интересов, связанных с определенными нематериальными благами, необходимо учитывать значимость последних для полноценной жизненной самореализации гражданина, обратившегося в суд с иском о компенсации морального вреда [5, с.44]. С этой точки зрения при оценке эффективности норм, входящих в правовой институт гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан, важна трактовка взаимосвязанных понятий «жизнь» и «здоровье». Данные понятия в перечне нематериальных благ, являющихся предметом гражданско-правовой защиты, указаны законодателем

первыми, поскольку служат основой всей совокупности нематериальных благ и неимущественных прав человека.

В гражданско-правовом контексте право на жизнь должно трактоваться не только как закрепленная ч. 1 ст. 20 Конституции РФ абсолютная прерогатива человека не подвергаться смертоносным воздействиям, зависящим от действий каких-либо субъектов, но и как право на достойную жизнь и свободное развитие, установленное ч. 1 ст. 7 Конституции РФ. В экономических, социальных и культурных сферах право на достойную жизнь включает в себя право на здоровье каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья. Согласно Конституции РФ «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [4].

Исходя из того, что в конституционных нормах о правах человека смысл понятий «здоровье» и «жизнь» не сводится к формальным параметрам и сосредоточен на ценностных, качественных аспектах, целесообразно рассмотреть возможность юридикации междисциплинарного понятия «качество жизни». «Качество жизни – междисциплинарное понятие, характеризующее эффективность всех сторон жизнедеятельности человека, уровень удовлетворения материальных, духовных и социальных потребностей» [6, с. 20].

Общий смысл таких формулировок, как «свободное развитие человека» и «наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья», может быть определен как "полноценная самореализация человека". Признание в системе прав человека приоритета полноценной самореализации личности, обеспеченной государственными гарантиями, легитимирует юридический смысл термина «качество жизни». В общественном сознании XX и XXI вв. именно самореализация человека признана в качестве подлинного смысла жизни. Эта концепция, основанная на идеях выдающегося мыслителя XIX в. Г. Фихте, в XX в. была развита в русле экзистенциализма теория самообъективации человека – Ж.П. Сартр и психоаналитической философии стремление человека к самореализации – К. Хорни [7, с. 120].

В число прав и законных интересов гражданина входят защищенность и стабильность качества жизни. В контексте гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан понятие «качество жизни» должно рассматриваться сквозь призму права человека на полноценную самореализацию. Нарушение личных неимущественных прав и посягательство на нематериальные блага могут расцениваться как причинение морального вреда, сопряженное со снижением качества жизни гражданина, которому причинен вред. В правоприменительной практике гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан такой подход может найти применение при оценке степени нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

Поскольку, как уже отмечалось, материальные нормы, входящие в институт гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации, носят диспозитивный характер, то особого внимания требует процессуальное обеспечение их эффективной реализации.

Отличительная особенность дел по спорам между физическими лицами о компенсации морального вреда состоит в том, что в подобного рода спорных отношениях так или иначе присутствует злонамеренное нарушение принципа равенства граждан во взаимном соблюдении личностной суверенности. Очевидно, что это нарушение не имеет места в тех случаях, когда сторонами или одной из сторон являются субъекты, в принципе неспособные испытывать или понимать какие-либо чувства (например, организации, предприятия, официальные органы). Деятельность таких субъектов носит безличный характер, поэтому страдания потерпевшего от их действий, как правило, не включают в себя личную обиду. Но если ущерб достоинству, чести или деловой репутации гражданина нанесен действиями физического лица, то потерпевший испытывает тяжело переносимое, унижительное чувство обиды.

Получив такой вызов, человек попадает в ситуацию внезапного обесценивания базовых устоев своей жизни по произволу недоброжелателя. Констатируя унижительное изменение своего положения в привычном и ранее достаточно комфортном личном и общественном пространстве, гражданин вынужден соответствующим образом реагировать, что требует от него эмоциональных и временных затрат. Все это снижает качество жизни потерпевшего. Принимая во внимание определенную стереотипность подобных обстоятельств, логично полагать, что в суде степень испытываемых потерпевшим нравственных страданий должна оцениваться с учетом того, что в них сочетаются сильные переживания: личная обида и возмущение фактом циничного пренебрежения человеческими ценностями в целях самоутверждения причинителя морального вреда. Совокупность данных обстоятельств может рассматриваться судом как основание для признания степени нравственных страданий потерпевшего предельно высокой.

Качество жизни определяется достигнутым уровнем физического, душевного и социального благополучия, неотделимого от права на защиту достоинства, чести, доброго имени и репутации в сфере культурно-коммуникативной и профессиональной самореализации человека. Поэтому в подобной ситуации обоснованным представляется размер компенсации морального вреда, сопоставимый с возмещением существенного вреда жизни и здоровью – не в сугубо медицинском, а в широком, гуманистическом смысле, предполагающем физическое, душевное и социальное благополучие.

В число критериев качества жизни входят такие характеристики психического здоровья и душевного благополучия, как эмоциональный фон жизнепроживания, степень сохранности и активизированности креативных личностных потенциалов, сбалансированность организации трудовой и бытовой деятельности человека. У человека, которому нанесен моральный вред, меняется общий эмоциональный фон жизнепроживания: снижается инициативность, теряется «вкус жизни», что деструктивно влияет на потенциал полноценной самореализации. Такие последствия характерны для ситуаций нанесения ущерба именно достоинству, чести, деловой репутации, поскольку в основе посягательств на эти нематериальные блага всегда лежит нарушение действиями ответчика по отношению к истцу базовых жизненных ценностей.

С точки зрения изложенного подхода роль предусмотренной законом компенсации морального вреда в восстановлении и защите прав и законных интересов истца состоит прежде всего в купировании травмирующей истца ситуации. Компенсация морального вреда должна служить восстановлению нормальной самооценки потерпевшего, соответствующей принципу равенства граждан во взаимном соблюдении личностной суверенности. Выплату ответчиком истцу назначенной судом денежной компенсации морального вреда, связанного с его покушением на принадлежащие истцу нематериальные блага, можно рассматривать как свидетельство ликвидации закрепившегося за ответчиком статуса неуязвимого в своем произволе субъекта.

В образе практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденном Президиумом Верховного суда РФ 16 марта 2016 г., отмечается, что Европейский суд по правам человека считает целью компенсации «возмещение заявителю действительных неблагоприятных последствий нарушения, а не наказание ответчика...». По поводу недостаточно обоснованного занижения судом суммы компенсации морального вреда сделан следующий вывод: «Несоразмерно малая сумма компенсации, присужденной заявителю, может свидетельствовать о том, что суды не рассмотрели надлежащим образом требования заявителя и не смогли действовать в соответствии с принципом адекватного и эффективного устранения нарушения». И хотя приведенные заключения касаются прежде всего споров, в субъектный состав которых входят организации и предприятия, они, как и многие другие, сторонами которых являются только физические лица [8].

Если проблему определения размера компенсации морального вреда рассматривать с точки зрения снижения качества жизни гражданина, которому причинен вред, то нельзя не учитывать, что, пережив стресс от грубого, противоречащего принятым в обществе моральным и правовым нормам вторжения в свою жизнь, человек не может не задумываться о справедливом «курсе» конвертации в денежный эквивалент тяжелых переживаний, при этом сопоставляя их с теми конъюнктурными параметрами престижа, ради обеспечения которых ответчик готов цинично снизить качество жизни другого человека. Учитывая результаты этого сопоставления, пострадавший может обоснованно прийти к выводу, что практика применения в различных областях более-менее унифицированных тарифов возмещения существенного вреда жизни и здоровью может служить мерилom справедливости и разумности при определении размера денежной компенсации снижения качества его жизни. Причем это не противоречит утверждению, основанному на прецедентной практике Европейского суда по правам человека: «Не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство, нравственное страдание и тоску» [8].

Речь в данном случае идет о возможности формирования в общественном сознании представлений о справедливости и разумности компенсации морального вреда, которые могут не только найти выражение в усмотрении пострадавшего гражданина, но и стать внутренним ориентиром для суда при определении размера денежной компенсации морального вреда.

Как отмечалось ранее, реализация диспозитивной нормы, регулирующей установление судом размера компенсации морального вреда, предполагает выяснение принципиально разных обстоятельств с одной стороны, степени нравственных страданий потерпевшего, а с другой – степени вины нарушителя. Второе на практике не менее сложно, чем первое, и также является предметом научного изучения и анализа.

В исследовании вопроса о том, как именно влияет установленная судом степень вины ответчика на размер компенсации морального вреда, следует четко определить юридически значимый смысл понятия вины, учитывая, что размер денежной компенсации связанного с ней морального вреда никоим образом не должен ассоциироваться с публично-правовой по своему характеру функцией наказания.

В гражданском праве, как и в ряде других областей юриспруденции, под виной понимается «психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к своему противоправному поведению и его результатам» [7, с. 579]. Исходя из того что в принятом в цивилистике определении вины присутствуют публично-правовые аспекты, при рассмотрении понятия степени вины, кроме психологической, уместно обратиться и к учитываемой в публично-правовом регулировании оценочной концепции вины, согласно которой вина определяется путем оценки судом обстоятельств, связанных с противоправными действиями [9, с. 60-62].

Включение в понятие степени вины ценностного компонента сопряжено с расширением спектра процессуальных аспектов рассмотрения судами дел по спорам между физическими лицами о компенсации морального вреда. По делам данной категории определение судом степени вины причинителя вреда прежде всего зависит от оценки формы вины. При установлении степени умышленной вины вполне обоснованно практикуемое в уголовно-правовом правоприменении «исследование интеллектуально-волевой составляющей умышленной вины» [9, с. 61].

Нам видится, что данный подход применим в области не только публично-правового, но и гражданско-правового регулирования, когда речь идет об умысле. Использование этого подхода в уголовно-правовом правоприменении преследует гуманные цели.

Именно такого подхода требуют ситуации причинения морального вреда, в которых имеет место умысел, состоящий во вполне осознанном, целенаправленном, «просчитанном» причинении вреда физическому лицу другим физическим лицом, мотивированном нездоровым соперничеством на стезе творческих достижений, карьерного продвижения, получения властного статуса. Судебные процессы по таким делам характеризуются высоким уровнем сложности, поскольку подобного типа спорные отношения возникают на таких социальных платформах, где нематериальные блага (например, деловая репутация, авторство) так или иначе ассоциируются с вполне материальными и легко переводимыми в денежный эквивалент параметрами профессионального, статусного и иных видов социального престижа. Чрезвычайная загруженность дел обсуждаемой категории материалами, представленными сторонами,

свидетелями или по запросу суда в качестве доказательств, подтверждающих правовые позиции сторон, требует особой процессуальной скрупулезности [6, с. 120-122].

Уместно в связи с этим отметить, что назревает потребность в законодательном закреплении ответственности сторон в случае установления судом факта представления той или иной стороной заведомо ложных доказательств, поскольку такими действиями гражданин не только препятствует осуществлению правосудия, затрудняет работу судей, но и демонстрирует неуважение к суду.

Исходя из комплексного подхода к трактовке понятия степени вины, сочетающего в себе психологические и ценностные аспекты, выделим обстоятельства, которые необходимо установить для определения степени вины ответчика – физического лица в деле о защите чести, достоинства и деловой репутации.

1. Являлись ли действия ответчика преднамеренными, т.е. имеющими целью реализацию собственных его интересов (например, личная выгода, неосновательное обогащение, устранение неудобного конкурента)? Установление преднамеренности действий ответчика может также включать в себя учет эгоистических или конъюнктурных мотивов (например, самоутверждение, личная неприязнь, месть, желание угодить). Преднамеренность действий ответчика должна подтверждаться документально и фактами, свидетельствующими о предумышленности и целенаправленности действий ответчика, причинившего моральный вред истцу.

2. Пытался ли ответчик предотвратить или сгладить негативные для истца последствия своих действий?

3. Продолжал ли ответчик свои действия, зная о наступивших негативных для истца последствиях?

Применение указанной схемы установления степени вины причинителя морального вреда способствует максимально эффективной реализации материальных норм, предусмотренных ГК РФ [3]. Поскольку позволяет достаточно точно выяснить, имеет ли место такое обстоятельство, как враждебная преднамеренность действий ответчика, и тем самым определить характер связи между степенью страданий потерпевшего и степенью вины причинителя; если враждебная преднамеренность не доказана, то злонамеренного умысла нет и степень страданий потерпевшего не может быть квалифицирована как предельно высокая, а если враждебная преднамеренность судом установлена, то легитимируется юридически значимое основание для судебного установления степени вины причинителя и степени страданий потерпевшего, а также соответствующего данным обстоятельствам размера компенсации морального вреда.

Следует подчеркнуть, что четко выражена позиция Верховного Суда РФ относительно морального вреда, причиненного лишением гражданина возможности вести активную общественную жизнь [8]. Поскольку активная общественная жизнь – существенная составляющая качества жизни, то для установления степени вины причинителя и степени страданий потерпевшего в судебных разбирательствах по делам о возмещении морального вреда

эффективным может быть использование разработанной на основе трактовки понятия степени вины, сочетающей в себе психологические и ценностные аспекты, схемы, позволяющей выяснить, имеет ли место такое обстоятельство, как враждебная преднамеренность действий ответчика, и тем самым определить характер связи между степенью страданий потерпевшего и степенью вины причинителя.

Список использованной литературы:

1. Конституция ДНР от 14.05.2014 года: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://donbass.name/4056-konstituciya-doneckoy.html> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Гражданский Кодекс Донецкой Народной Республики, принят Постановлением Народного Совета 13 декабря 2019 года (с изменениями, внесенными законами от 24.04.2020 № 140-НС, от 04.05.2020 № 146-ПНС) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (дата обращения: 10.12.2022).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации, принят 30 ноября 1994 года: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.12.2022).
4. Конституция Российской Федерации, принята 12 декабря 1993 года: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/> (дата обращения: 10.12.2022).
5. Малинова А.Г. Интерес как правовая категория, его специфика в семейном праве / А.Г. Малинова: учеб. пособие. – Екатеринбург, 2002. – С. 344.
6. Ковынева О.А., Герасимов Б.И. Управление качеством жизни / О.А. Ковынева, Б.И. Герасимов. – Тамбов, 2006. – С. 320.
7. Гражданское право: учеб. / Под ред. В.Л. Слесарева. – М., 2016. – Т. 2. – С. 967.
8. Практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденном Президиумом Верховного суда РФ 16 марта 2016 г.: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 10.12.2022).
9. Шабалин Л.И. О теориях вины // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – № 1. – С. 60-62.

УДК 347.42

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА,
ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

Куликов Денис Валерьевич, Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, E-mail: denisqa153@yandex.ru

Научный руководитель: Гаврилов Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов

Аннотация. Рассматриваемая тема является достаточно актуальной в настоящее время, поскольку определение проблем реализации ст.16.1 ГК РФ позволит в дальнейшем разработать методiku исправления ошибок, допускаемых на практике. Это в последующем окажет положительное влияние на защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Проведен анализ законодательства РФ и мнений ведущих цивилистов. В рамках выявленных проблем предложены средства их разрешения.

Abstract. The topic under consideration is quite relevant at the present time, since the definition of problems in the implementation of Article 16.1 of the Civil Code of the Russian Federation will allow us to further develop a methodology for correcting errors made in practice. This will subsequently have a positive impact on the protection of the rights and legitimate interests of citizens and legal entities. The analysis of the legislation of the Russian Federation and the opinions of leading civilists is carried out. Within the framework of the identified problems, the means of their resolution are proposed.

Ключевые слова: компенсация ущерба, правомерные действия, вина, пределы, проблемы, процедура.

Key words: compensation for damage, lawful actions, guilt, limits, problems, procedure.

Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления (ст. 16.1 ГК РФ), является очень специфичной нормой. Это объясняется своеобразием регулируемых отношений. Споры о том, какой правовой природой она обладает, ведутся по настоящее время. Значение рассматриваемой нормы невозможно недооценивать, несмотря на ее относительную новизну. Тот спектр прав, которым она наделяет потерпевшего, можно считать впечатляющим, но действительно ли положения статьи соответствуют идеальным представлениям? Это и предстоит выяснить, а также выявить недостатки, требующие доработок. Статья 16.1. ГК РФ [1] демонстрирует развитие в гражданском праве основополагающих конституционных принципов защиты прав и свобод человека и гражданина, фокусируя внимание на защите права собственности [2]. Важно упомянуть, что часть цивилистов рассматривают данную статью как единую

систему норм гражданского и конституционного права. Одной из представителей этой позиции является А.В. Петухова, которая считает конституционные нормы базисными по отношению к ст.16.1 ГК РФ [3]. Целью исследования является поиск и обоснование проблемных вопросов, а также формулирование рекомендаций для их устранения и совершенствования ст.16.1 ГК РФ. При этом, значительная часть цивилистов считает, что рассматриваемые правоотношения не относятся к обязательствам из причинения вреда, а представляют своеобразную группу правоотношений, именуемую «квазиобязательствами» [4, с. 169]. Безусловно, с ними трудно не согласиться, поскольку рассматриваемые правоотношения не являются мерой ответственности, возникают не между причинителем вреда и потерпевшим, а между государством в лице финансовых органов с одной стороны, и лицом, которому в результате правомерной деятельности, государственными органами и органами местного самоуправления причиняется ущерб, с другой стороны. Данную субстанцию можно отнести к общей классификации, которой придерживается большинство исследователей.

Немаловажным является мнение, напрямую затрагивающие правоотношения компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, о том, что они находятся в начале становления и развития, поскольку стремительная гуманизация общества требует возмещения вреда в наиболее полном объеме [5, с. 123]. Соответственно, усовершенствование ст.16.1 ГК РФ, а, следовательно и ее законное применение позволит гражданскому праву выйти на новый качественный уровень.

Для того, чтобы углубленно рассмотреть проблемные аспекты компенсации ущерба, который возникает в результате правомерной деятельности органов государства и органов местного самоуправления, следует привести ряд наиболее распространенных случаев, в результате которых применяются положения ст. 16.1 ГК РФ. Такими являются: реквизиция, ущерб при тушении пожаров сотрудниками МЧС, при наложении ареста на имущество сотрудниками таможенных органов, ГИБДД и некоторые другие случаи.

На практике же указанная норма применяется не так часто, в силу особого субъектного состава, а также специфичного возникновения возможности компенсации ущерба. При применении ст. 16.1 ГК РФ не все так однозначно, несмотря на то, какое представление может сформироваться при первоначальном ознакомлении.

Стоит начать со слабо развитого понятийного аппарата, при этом архиважно отметить, что указанная проблема характерна для ГК РФ. Законодатель не стремится сформулировать понятие даже таких базисных понятий как «вред», «ущерб». А специальные нормы вообще остаются в тени и только немногие теоретики занимаются разработкой и интерпретацией существующих положений с целью выяснения истинных намерений законодателя.

В ст. 16.1 ГК РФ отсутствует определение «компенсации ущерба», что вызывает массу вопросов при применении ее на практике. Поскольку данная

дефиниция является основополагающей для формирования представления о предназначении нормы и характере возмещения. Научное сообщество не выработало единой позиции по вопросу соотношения понятий «вред», «ущерб», «убытки», а «компенсация ущерба» является более усложненной категорией. При этом немаловажно отметить, что понятие «компенсация» и «ущерб» многократно встречаются в ГК РФ, но при этом конкретное определение отсутствует, что не позволяет своевременно и единообразно использовать право защиты, сформулированное в ст. 16.1 ГК РФ.

Также необходимо подчеркнуть, что отсутствует процедура компенсации ущерба, возникшего в результате правомерных действий органов государственного аппарата и органов муниципальной власти. Учитывая вышеизложенное, необходимо обратить должное внимание на то, что использование порядка, упомянутого в ст. 15, 16 ГК РФ по аналогии не допускается [6]. Это еще раз свидетельствует о разнородности правоотношений и позволяет говорить, что исследуемая норма обладает особыми характеристиками и индивидуальным статусом. Можно предположить, что порядок компенсации не закреплён на законодательном уровне по причине отсутствия полного перечня случаев возникновения компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственной власти и органов местного самоуправления, т.к. это обусловлено специальным характером нормы. Но в любом случае это отрицательно влияет на реализацию ст.16.1 ГК РФ. Конечно, не полный перечень позволяет расширить сферу действия нормы, но отсутствие единого порядка возмещения ущерба является проблемой. Поскольку гражданское право является динамичной отраслью, количество случаев, при которых возможно применение ст.16.1 ГК РФ, будет только увеличиваться, а отсутствие единой процедуры приведёт к противоречиям между основными положениями и частными случаями.

Следует обратиться к п.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33, в котором зафиксировано то, что моральный вред не подлежит компенсации в случае, если он причиняется действиями органов государственной власти и органов муниципалитета в рамках выполнения служебных обязанностей [7].

Но отсутствует какие-либо препятствия для возможности получения компенсации от лица, *по вине которого* произошло правомерное причинение ущерба. Например, противоправные действия виновного лица, в виде захвата заложника привели к ранению потерпевшего органами, выполняющими операцию по спасению. Уместным является взыскание компенсации морального вреда с виновного лица в пользу потерпевшего.

Некоторые исследователи в области права считают, что если ущерб причинен в результате противоправных действий виновного лица, то это вина государства, поскольку оно допустило совершение такой деятельности и должно нести полную ответственность. Это обусловлено тем, что государство должно было не только предотвратить негативные действия, а вообще не допустить их наступления. Однако такая позиция не является логичной [8, с. 1132].

Соответственно целесообразно добавить в ст. 16.1 ГК РФ положения п.13 ПП ВС РФ и следующую приблизительную формулировку: «Компенсация морального вреда возможна за счет виновного лица, при наличии с его стороны противоправных действий, которые повлекли к причинению правомерного ущерба органами государственной власти».

Это означает, что моральный вред должен быть возмещен виновным в том случае, если его деятельность *спровоцировала* применение соответствующих правомерных действий государственных органов и органов местного самоуправления, в результате которых наступили неблагоприятные последствия.

Следующей проблемой компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления, необходимо считать отсутствие размера ущерба, который подлежит возмещению. Наличие в вышеуказанном ППВС РФ таких понятий как «разумность», «справедливость» и «соразмерности» не способны в полной мере установить *пределы* возмещения ущерба. Соответственно на практике это приводит к занижению сумм компенсации, что негативно влияет на реализацию прав потерпевших. Такая проблема существует и при определении размеров неимущественного вреда, что подтверждается не одной работой исследователей [9, с. 73].

Представляется, что необходимо законодательно установить пределы компенсации ущерба путем введения единообразной формулы исчисления. Этим будут решены две масштабные задачи, во-первых, минимальная граница не позволит уменьшить размер компенсации для потерпевшего, во-вторых, максимальный предел сэкономит государственный или муниципальный бюджет. Баланс этих двух элементов позволит достичь компромисса между лицом, которому причинен ущерб правомерными действиями, и финансовыми органами, представляющими интересы государства. Важность данного аспекта нельзя недооценивать, так как на практике зачастую происходят необоснованные расхождения позиций судов и в схожих обстоятельствах размер возмещенного вреда сильно варьируется. Но в правовом государстве такое недопустимо. Целесообразным является введение единой формулы исчисления убытков. Именно такой подход стабилизирует судебную практику по вопросам размера возмещения вреда.

При этом помимо вышеизложенного, необходимо особое внимание уделить тому обстоятельству, что отсутствует и единообразная *процедура* компенсации ущерба, которой был причинен органами государственной власти и органами местного самоуправления. Невзирая на наличие положений ст. 16.1 ГК РФ, законодательство, регулирующие компетенцию и правовой статус отдельных органов власти предусматривает свои процедуры компенсации, что не способствует развитию единообразного применения рассматриваемой нормы. Поскольку положения ГК РФ носят фундаментальный характер, то на их основе должны создаваться иные акты рассматриваемого характера.

Необходимость разрешения указанных проблемных вопросов отмечается и Н.А. Малышевой, которая считает, что нужно подготовить и принять Постановление Правительства РФ «Порядок компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, органов

местного самоуправления или должностных лиц этих органов...». Вышеизложенный подход обусловлен отсутствием универсального правового механизма по рассматриваемому вопросу. Действительно, трудно не согласиться с ее мнением, поскольку законодательством урегулирована лишь процедура компенсации ущерба, возникшего при осуществлении правомерных действий с целью пресечения террористического акта [10]. Оставшиеся же ситуации, для которых отсутствует специализированный акт, определенно нуждаются в детальном регламентировании. В случае же принятия соответствующего постановления в нем будут содержаться единые положения компенсации ущерба, возникшего в результате действий правомерного характера. А также будут закреплены особенности взаимодействия основных положений исследуемой статьи и специализированных норм по возмещению вреда конкретного специального органа.

Должное внимание следует уделить систематизации случаев по наступлению которых применяется ст. 16.1 ГК РФ, поскольку нормы имеют разнородный характер их поиск осложняется, а единого списка или перечня нет. С одной стороны можно сделать вывод, что норма имеет широкий спектр применения, так как перечень является открытым, но с другой – возникают трудности поиска случаев, на которые распространяется исследуемая статья. Цивилисты не охотно берутся за формирования единого перечня, с опаской указывая на возможность применения исследуемой нормы, и не утверждая ничего однозначно.

Для улучшения и решения вышеобозначенных проблемных аспектов необходимо провести ряд изменений и уточнений в законодательстве, которые позволят не только устранить недостатки, но и усовершенствовать существующие положения:

Во-первых, принять универсальное постановление Правительства, которое позволит учитывать все возможные ситуации, подпадающие под сферу действия ст. 16.1 ГК РФ, путем создания единого порядка компенсации по указанной норме. В этом постановлении должно быть сформулировано положение о субъектном составе, а именно: кто включается в понятие «должностное лицо» государственного аппарата и органов муниципалитета.

Во-вторых, сформулировать определение «компенсации ущерба» в ст.16.1 ГК РФ, что позволит более детально вычленить норму от смежных с ней. А также поможет окончательно понять идею законодателя о предназначении этой нормы.

В-третьих, определить пределы «компенсации ущерба», именно это позволит достичь баланса частных и публичных интересов. В научном сообществе имеется ряд цивилистов, которые предлагают формулы для определения морального вреда, но законодатель не спешит их применять на практике, хотя положительный результат явно перевешивает возможные негативные последствия. Формула является довольно емкой и при этом способна учитывать все обстоятельства произошедшего, что позволит более детально разобраться с размером компенсации за причиненный вред [11]. Аналогичный подход, по мнению автора, можно применить и к правоотношениям, возникающих в рамках ст. 16.1 ГК РФ.

В-четвертых, дополнить ст.16.1 ГК РФ положением о возможности производить компенсацию морального вреда за счет средств виновного лица, тем самым продемонстрировав приоритет защиты потерпевшего. Данное нововведение откроет более широкие возможности для компенсации морального вреда пострадавшему, и сделает норму более доступной. То есть несмотря на наличие понимания того, что действия правомерного характера предотвращают более серьезный вред, возмещение морального вреда возможно не со стороны государства, а посредством взыскания с виновного лица. В случае если отсутствует возможность компенсации анализируемого вреда с виновного, возмещение не состоится в силу того, что общественные интересы выше интересов конкретного физического лица. Права конкретного лица должны уступить ради общественного блага, которое достигается через действия государственного аппарата. Необходимо также исходить из того, что «компенсация» подразумевает под собой именно восстановительный характер, и нужно учитывать эту тонкую грань, исследуя моральный вред в рамках проблематики научной статьи.

В-пятых, необходимо разработать критерии, которые позволят однозначно определить: возможно ли случать, предусмотренный специальной нормой, отнести к ст.16.1 ГК РФ и реализовать права, предусмотренные указанной нормой? Например, введение критериев позволит установить: соотносится ли положение рассматриваемой статьи со специальной нормой, устанавливающей полномочия и статус органа? Важно отметить, что формирование полного перечня случаев, при наступлении которых применяется исследуемая статья, приведет к сужению прав потерпевшего. Поэтому целесообразно отказаться от такой идеи и создать общие критерии для определения сферы применения указанной нормы.

Рассмотренные проблемные вопросы, возникающие при применении ст. 16.1 ГК РФ препятствуют реализации защиты прав граждан. Решение обозначенных проблем возможно при помощи вышеуказанных рекомендательных мер, что позволит полноценно реализовать потенциал компенсации ущерба, причиненного действиями правомерного характера. Сформулированные рекомендации по устранению возникших проблем применения исследуемой статьи ГК РФ избавят от злоупотребления правом со стороны как потерпевшего, так и причинителя вреда в виде соответствующих органов. Детальное регламентирование данной нормы откроет новые пути развития гражданско-правовых отношений. Что позволит установить баланс между интересами конкретного гражданина и государства, которое действует в интересах всего общества. А также в действительности будет способствовать реализации основополагающих принципов, наиболее важным из которых является приоритет прав и свобод человека и гражданина, должное внимание уделяя праву собственности.

Список использованной литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2022. – № 16. – Ст. 2601.

2. Бочаров А.Н. Правовая и экономическая сущность категории «компенсация ущерба» в статье 16.1 ГК РФ / А.Н. Бочаров // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 146-148 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/181/10403/> (дата обращения: 04.04.2023).

3. Петухова А.В. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: новое направление развития деликтных обязательств // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Государство и право. – 2013. – № 3(2). – С. 163-166.

4. Малышева Н.А. Компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: дисс. канд. юрид. наук: 12.00.03. – М., 2021. – 206 с.

5. Малышева Н.А. Реализация компенсационной функции государства через ст. 16.1 ГК РФ // Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики. – Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2021. – С. 120-123.

6. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 сентября 2015 г. № Ф10-3133/15 по делу № А83-2207/2014 // Доступ из Справ. правовой системы «Гарант-Максимум».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. – 2022. Выпуск от 25 ноября.

8. Мащенко В.М. Некоторые вопросы обязательств за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами // Научный электронный журнал «Инновации. Наука. Образование / Отв. ред. Сафронов А.И. – Тольятти: – 2020. – № 22 (ноябрь). – 2028 с. – С. 1130-1134.

9. Гаврилов В.Н., Федотова М.М. Перспективы развития компенсации репутационного вреда как способа защиты деловой репутации // Вестник экономики, права и социологии. – 2022. – № 1 (январь-февраль-март). – 192 с. – С. 72-76.

10. Постановление Правительства РФ от 28 декабря 2019 г. № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 1. – Ст. 106; 2023. – № 10. – Ст. 1708.

11. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания. Научно-практическое пособие. – М.: Издательство ВЕК, 1998. – 173 с.

УДК 343.914

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ АРЕСТА КАК УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИИ

Леонова Ангелина Александровна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: la576042@gmail.com

Архипов Максим Евгеньевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: maxarhipov200383@gmail.com

Буланов Дмитрий Алексеевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: bulanov10dima@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Уголовный закон предусматривает различные по своей строгости, характеру и особенностям воздействия на осужденного виды наказания. Разнообразие видов наказаний дает возможность суду учесть тяжесть совершенного преступления, опасность лица, его совершившего, и назначить осужденному справедливое наказание, которое будет максимально способствовать не только его исправлению, но и восстановлению социальной справедливости и предупреждению новых преступлений – как основных целей уголовного и уголовно-исполнительного законодательства. Авторами рассмотрен такой вид уголовного наказания как арест, выявлены его особенности, а также различные точки зрения о целесообразности его применения.

Abstract. The criminal law provides for different types of punishment in their severity, nature and peculiarities of the impact on the convicted person. The variety of types of punishments makes it possible for the court to take into account the severity of the crime committed, the danger of the person who committed it, and to assign a fair punishment to the convicted person, which will maximally contribute not only to his correction, but also to the restoration of social justice and the prevention of new crimes – as the main goals of criminal and penal enforcement legislation. The authors consider such a type of criminal punishment as arrest, identifies its features, as well as various points of view on the expediency of its application.

Ключевые слова: преступность; осужденные; арест; уголовное наказание уголовно-исполнительная система, цель уголовного наказания.

Key words: crime; convicts; arrest; criminal punishment the penal system, the purpose of criminal punishment.

В связи с интенсивным развитием различных сфер общества возникают новые правоотношения, которые требуют регулирования. Уголовно-правовые отношения не являются исключением. Одним из важных направлений развития

уголовного законодательства является усовершенствование системы наказаний, которая должна отвечать определенным принципам, таким как гуманизм, справедливость, законность и др.

Имеющаяся на сегодняшний день система наказаний имеет свои недостатки и требует определенной доработки, для того чтобы наиболее эффективно воздействовать на осужденного. Данную цель можно достигнуть, например, путем внедрения альтернативных видов наказаний. Для начала разберемся с тем, что такое наказание, и обратимся к ч. 1 ст. 43 УК РФ, в которой указано, что «Наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда [1]. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных настоящим Кодексом лишении или ограничении прав и свобод этого лица». В рамках рассматриваемой темы нас интересует арест. Согласно ч. 1 ст. 54 УК РФ, «Арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества и устанавливается на срок от одного до шести месяцев. В случае замены обязательных работ или исправительных работ арестом он может быть назначен на срок менее одного месяца».

В Особенной части УК РФ представлены преступления, за совершение которых предусмотрено наказание в виде ареста.

Укажем некоторые из них:

- 1) преступления против жизни и здоровья – ч. 1 ст. 112, ч. 1 ст. 115;
- 2) преступления против свободы, чести и достоинства личности – ч. 1 ст. 127;
- 3) преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина – ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 139 и другие.

Стоит указать, что законодатель предполагает назначение наказания в виде ареста за преступления небольшой и средней тяжести. Данный вид наказания хоть и получил регламентацию и в УК РФ, и в главе 10 УИК РФ, но так и не был применен судами. Однако в практике были случаи применения ареста в отношении военнослужащих.

Следовательно, возникает вопрос: нужен ли арест как вид наказания? Теоретики в данном вопросе расходятся во мнениях.

В прошлом столетии такие ученые, как В.С. Сутягин говорили о необходимости введения краткосрочного лишения свободы, то есть речь шла об аресте [5, с. 112]. Однако условия содержания осужденного при аресте более строгие, чем при лишении свободы в тюрьме, что входит в противоречие, так как лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы в тюрьме, совершили наиболее тяжкие преступления.

Кроме того, это противоречит ст. 44 УК РФ, в которой санкции расположены в порядке возрастания: от менее строгого к более строгому.

Другие ученые считают, что наибольшая строгость условий содержания при аресте, чем в тюрьме, противоречит принципу справедливости [2, с. 9].

Третья группа ученых считает, что от ареста, как вида наказания, можно вовсе отказаться и это не повлечет никаких неблагоприятных последствий, то есть эффективность системы наказаний не снизится [3, с. 570].

Некоторые теоретики считают, что арест не нужен, так как не отвечает целям наказания, например, таким как исправление осужденного, поскольку его невозможно достигнуть в короткие сроки. Из вышеуказанного можно сделать вывод о том, что основная группа ученых выступает против существования ареста как вида наказания, а также считает его нецелесообразным [4, с.186].

Второй вопрос, который логично возникает: в каких учреждениях должен исполняться арест? В этом вопросе тоже возникает определенная проблема. В ст. 16 УИК РФ закреплено, что арест исполняют в арестных домах и на гауптвахтах. Ряд ученых считает, что изначально осужденные к аресту должны были отбывать наказание в СИЗО и в тюрьмах, однако из-за того, что данные учреждения переполнены, пришлось от этой идеи отказаться.

Теоретики предлагают различные варианты решения этой проблемы: создание арестного дома как самостоятельного учреждения уголовно-исполнительной системы; возложение обязанности исполнения ареста на действующие исправительные учреждения; арестный дом как изолированный участок на территории исправительного учреждения. Но, для того, чтобы реализовать хотя бы одну из моделей создания арестного дома, необходимы определенные ресурсы, которые государство не готово и по сей день вкладывать в решение этой проблемы.

Поэтому, стоит согласиться с мнением ученых, которые считают, что силы и средства, которые будет затрачивать государство на содержание осужденных к наказанию в виде ареста, не будут оправдываться.

Также стоит отметить тот факт, что из статьи 88 УК РФ, в которой указан перечень наказаний, назначаемых несовершеннолетним, был исключен арест. Можно согласиться с тем, что это было целесообразно по некоторым причинам. Во-первых, арест предполагает строгую изоляцию от общества, что приостанавливает процесс социализации индивида.

Для несовершеннолетнего это недопустимо, так как будут утеряны определенные социально-значимые качества, приобрести которые позднее будет затруднительно [6, с. 24-25].

Во-вторых, лицо теряет на определенный срок возможность получать основное общее образование, что может сказаться на психическом и умственном развитии несовершеннолетнего. Это вступает в коллизию с Конституцией РФ и нарушает право на образование. Следовательно, исключение ареста из наказаний, назначаемых несовершеннолетним, является благоприятным шагом и свидетельствует о гуманизации системы наказаний.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система наказаний устарела и требует определенных изменений. Арест стоит исключить из системы наказаний, так как он не отвечает принципам справедливости, целям наказания,

его практическая реализация требует вложения огромного количества финансовых средств, что на данный момент невозможно в связи с социально-экономической ситуацией в стране.

Однако не стоит исключать возможность оставления ареста для военнослужащих, так как его практическая реализация не затруднена.

Список использованной литературы:

1. Упоров А.Г. Особенности взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел при исполнении условного осуждения лиц несовершеннолетнего возраста / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 3(20). – С. 24-32.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ, – № 25. – Ст. 2954.

3. Сутягин, В. С. Арест как вид уголовного наказания: проблемы и перспективы // Современные проблемы юридической науки: Материалы XVII Международной научно-практической конференции молодых исследователей, Челябинск, 22-23 апреля 2021 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Южно-Уральский государственный университет Юридический институт. Том Часть II. – Челябинск: издательский центр ю, 2021. – С. 111-113.

4. Атрощенко М.В. Особенности применения уголовного наказания в виде ареста в отношении несовершеннолетних // Курсантские исследования: Сборник научных работ / Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Том Выпуск 6. – Могилев: Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2019. – С. 7-9.

5. Кузьменкова С.В. К вопросу о реализации требований общих начал назначения наказания в виде ареста // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях, Красноярск, 04-05 апреля 2019 года / Отв. ред. Н.Н. Цуканов. Том Часть 1. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 185-187.

6. Упоров А.Г. Особенности взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел при исполнении условного осуждения лиц несовершеннолетнего возраста / А. Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 3(20). – С. 24-32.

УДК 343.8

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Борисова Дарья Сергеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: darya-borisova-2022@mail.ru

Вербнякова Полина Максимовна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: polikmaksimovna18@gmail.com

Воднева Надежда Геннадьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: vodnevanad@yandex.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, касающийся целей уголовно-исполнительного законодательства. На сегодняшний день в научной доктрине нет единого подхода к пониманию целей уголовно-исполнительного законодательства и их прикладного значения. Цели уголовно-исполнительного законодательства непосредственно закреплены в Уголовно-исполнительном кодексе РФ, а именно в ч. 1 ст. 1. Они достаточно схожи с целями уголовного наказания, а точнее, они дублируются, но в отличие от Уголовного закона, в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует цель восстановления социальной справедливости. Многие авторы спорят по поводу целесообразности закрепления целей «исправление осужденных» и «предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами», так как эти цели уже закреплены в нормах Уголовного закона.

Abstract. The article deals with the issue concerning the purposes of penal enforcement legislation. To date, there is no single approach in the scientific doctrine to understanding the goals of penal enforcement legislation and their applied significance. The goals of the penal enforcement legislation are directly enshrined in the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, namely in Part 1 of Article 1. They are quite similar to the goals of criminal punishment, or rather, they are duplicated, but unlike the Criminal Law, there is no goal of restoring social justice in the penal enforcement legislation. Many authors argue about the expediency of fixing the goals of "correction of convicts" and "prevention of the commission of new crimes by both convicts and other persons", since these goals are already fixed in the norms of the Criminal Law.

Ключевые слова: уголовно-исполнительный кодекс РФ, уголовно-исполнительное законодательство, исправление осужденных, предупреждение совершения преступления, осужденные, уголовно-исполнительная система, Уголовный кодекс РФ, цели уголовно-исполнительного законодательства.

Key words: the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, penal enforcement legislation, correction of convicts, prevention of the commission of a crime, convicts, the penal enforcement system, the Criminal Code of the Russian Federation, the goals of penal enforcement legislation.

Уголовно-исполнительное право как отрасль права формировалось и развивалось достаточно длительное время. Нормативно-правовые акты, регламентирующие вопросы исполнения и отбывания уголовных наказаний как в досоветский, так и в постсоветский период, не регламентировали цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) впервые закрепил конкретные цели уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.

Итак, целями уголовно-исполнительного законодательства РФ, согласно ст. 1 УИК РФ, являются:

- 1) исправление осужденных;
- 2) предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Указанные цели стоят также и перед уголовным наказанием, только к ним еще добавляется цель по восстановлению социальной справедливости. Данный факт породил за собой некоторые споры в научных кругах по поводу правильности формулировки целей уголовно-исполнительного законодательства РФ в УИК РФ.

Многие авторы предложили унифицировать цели уголовно-исполнительного законодательства и уголовного наказания, аргументируя это тем, что они между собой очень взаимосвязаны и практически дублируют друг друга [1, с. 89]. В противовес данной точки зрения выступает Теохаров А.К., говоря, что «унификация целей уголовно-исполнительного законодательства и наказания недопустима, тем самым нарушается логическая форма законодательной техники, так как разные по правовой природе категории не могут иметь схожие цели» [2, с. 155].

Также возникают споры относительно самостоятельности и целесообразности закрепления в УИК РФ некоторых целей уголовно-исполнительного законодательства. Так, Полубинская С. В. отрицает самостоятельность цели исправления осужденных, она также считает, что цель исправления осужденных – это только лишь метод, позволяющий способствовать предупреждению совершения новых преступлений [3, с. 30]. Некоторые авторы полагают, что данная цель имеет место быть, но она поглощает другую цель уголовно-исполнительного законодательства – предупреждение совершения новых преступлений осужденными [4, с. 377].

Исходя из указанных мнений некоторых ученых пенитенциаристов, можно сделать вывод о том, что в науке нет единого понимания целей уголовно-исполнительного законодательства. Возникает необходимость в принятии единого общепринятого подхода к понятию целей уголовно-исполнительного законодательства России.

Из двух целей, указанных в УИК РФ, пристальное внимание уделено понятию «исправление осужденных», оно закреплено в ст. 9 УИК РФ. «Исправление осужденных — это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения».

Осмысливая положение данной статьи УИК РФ и обращаясь к самому термину «Цель» по толковому словарю В. И. Даля «Цель – это конечное желанье, стремление, намеренье, чего кто силится достигнуть» [5], то можно прийти к выводу о том, что цель, это конечный, будущий результат. Следовательно, исправление осужденных – это не цель уголовно-исполнительного законодательства, а некая деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по формированию у осужденных указанных выше качеств.

Такое положение ставит под сомнение существование категории «исправление осужденных» в качестве цели уголовно-исполнительного законодательства. И возникают новые вопросы, среди которых вопрос по поводу определения социально-полезной цели уголовно-исполнительного законодательства РФ.

Следующая цель уголовно-исполнительного законодательства – предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В отличие от цели «исправление осужденных», данная цель не получила самостоятельного закрепления в отдельных нормах УИК РФ, понятия также законодатель не определяет. Было бы предпочтительно внести изменения в УИК РФ, а именно дать определение данной цели уголовно-исполнительного законодательства, если законодатель считает, что данная цель необходима в процессе всего функционирования уголовно-исполнительного права.

Данная категория в науке уголовно-исполнительного права в основном выражена в двух аспектах:

1. Общая превенция;
2. Частная превенция.

Общее предупреждение направлено на все субъекты уголовно-исполнительных правоотношений, следовательно, данный вид предупреждения является неперсонифицированным. В таком случае, уголовно-исполнительный закон возлагает на каждого правоисполнителя юридическую обязанность — воздерживаться от посягательств на охраняемые уголовным законом объекты. Различается здесь только лишь отношение каждого субъекта уголовно-исполнительных правоотношений к уголовной ответственности: одни относятся к ней осознанно и добровольно, другие же сознательно-принудительно (из-за страха перед наказанием) [6, с. 31].

Частное предупреждение направлено на конкретных субъектов уголовно-исполнительных правоотношений – осужденных, дабы они, отбывая уголовные наказания, впредь не совершали новые общественно-опасные деяния [7, с. 121].

В Уголовном законе нет такого четкого деления на частную и общую превенции. Данное положение имеет большое значение, так как содержание частной превенции говорит о том, что надо сдерживать лицо не от совершения преступления вообще, а от совершения нового (повторного) преступления. Таким образом, можно утверждать, что общей превенцией обладает только предупредительная задача уголовного закона, а частной – предупредительные цели уголовно-исполнительного законодательства России. Указанные ранее виды предупреждения различаются не только субъектами воздействия, но и

осуществляются через разные принципы реализации: общая – удержание субъекта от криминальной деятельности; частная – удержание субъекта от возвращения к криминальной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цель предупреждения совершения новых преступлений, регламентированная Уголовным законом РФ и тождественная цель уголовно-исполнительного законодательства – едины, они направлены на один и тот же результат, разница заключается только в разных промежутках времени. Следовательно, необходимость в регламентации указанной цели в УИК РФ вызывает сомнения, так как основной механизм предупреждения преступлений заложен в материальном уголовном праве – Уголовном кодексе РФ.

Список использованной литературы:

1. Ветошкин С.А. Определение целей российского уголовно-исполнительного законодательства / А.С. Ветошкин // Теория и практика современной юридической науки: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Самара, 2015. – № 2. – С. 87-91.
2. Теохаров А.К. О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства / А.К. Теохаров // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 9 (70). – С. 151-158.
3. Полубинская С.В. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М., 2011.
4. Жалинский А.Э. Уголовное право России. Общая часть / Отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – М., 2016.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovariyanet.ru/~книги/Толковый_словарь_Даля/
6. Упоров А.Г. Особенности взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел при исполнении условного осуждения лиц несовершеннолетнего возраста / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 3(20). – С. 24-32.
7. Бочарова, О. В. Уголовно-исполнительное право: учебное пособие. – Новочеркасск: ЮРГТУ, 2009. – 140 с.

УДК 343.24/.29

**К ВОПРОСУ ОБ УКЛОНЕНИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ
ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ**

Голов Павел Сергеевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: pavelgolov2001@mail.ru

Иванов Артём Дмитриевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: 101008817@mail.ru

Иванов Данил Олегович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: lifegood2003@mail.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В данном исследовании авторы рассматривают проблему отсутствия правовых последствий уклонения осужденных от исполнения наказания в форме лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Авторы делают акцент на изменении целевой нагрузки данного вида наказания, связанный, в первую очередь, с усилением тенденцией гуманизации в уголовно-исполнительной сфере.

Abstract. In this study, the authors examine the problem of the absence of legal consequences of the evasion of convicts from the execution of punishment in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities. The authors focus on the change in the target load of this type of punishment, associated primarily with the increasing trend of humanization in the penal sphere.

Ключевые слова: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, осужденные, криминализация, уголовное наказание, цель наказания.

Key words: deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, convicts, criminalization, criminal punishment, the purpose of the punishment.

На протяжении всей истории пенитенциарная система рассматривалась как важнейшее средство борьбы с преступниками, хотя с течением времени ее функции менялись. Именно исправительные учреждения, где содержались лица осужденные к лишению свободы, становились приютом для бродяг, лечебницей для душевнобольных, местом для очищения и обновления [1, с. 44].

В Российской Федерации за последние десятилетия произошли изменения в применении альтернативных мер наказания и иных мер уголовно-правового характера. Интеграция России в международные организации, подписание различных конвенций, принятых в ходе международных конференций, послужило приведению уголовного и уголовно-исполнительного законодательства соответственно с международными нормами [1, с. 45].

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является одним из видов уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ. Содержание данной меры наказания состоит в запрещении занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления либо заниматься определенной профессиональной или иной деятельностью, что также предусмотрено в ст. 47 УК РФ. Законодатель определяет, что лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью используется в отношении тех граждан, которые злоупотребили своим правом, из-за чего возникла опасная обстановка с неблагоприятным исходом. Целью данного наказания является защита субъектов общественных отношений от лиц, которые используют предоставленное им право заниматься определенной деятельностью или занимать определенную должность для удовлетворения личных интересов.

Законодатель предполагает, что реализация данного вида наказания не позволит виновному вновь совершить уголовное преступление, связанное с применением права заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности.

Стоит отметить, что в УК РФ ничего не сказано о последствиях уклонения от исполнения данного вида наказания. Однако в ч. 1 ст. 35 УИК РФ содержится положение, которое можно рассматривать как правовое последствие неисполнения (нарушения) установленного приговором запрета: в срок указанного наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимал запрещенные для него должности либо занимался запрещенной для него деятельностью.

Особое внимание стоит уделить на то, что данный вид наказания устанавливается на срок от 1 года до 5 лет в качестве основного вида наказания и на срок от 6 месяцев до 3 лет в качестве дополнительного, но, в случаях, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, срок увеличивается до 20 лет в качестве дополнительного вида наказания.

Уголовное законодательство зарубежных стран имеет свои черты и особенности. Так, например, в странах Европы ярко выражена тенденция в увеличении наказаний, связанных с ограничением профессиональных, служебных и иных прав осужденного. Особенностью является применение более длительных сроков лишений или ограничений (от 10 лет до пожизненного) [2, с. 18].

При исполнении данного наказания главной проблемой является невозможность осуществления контроля за осужденными. При этом, сотрудники уголовно-исполнительной инспекции не имеют возможности применить к ним меры воздействия, способствующие исправлению осужденного, так как эффективных средств и способов воздействия крайне мало. Данная проблема никак не урегулирована нормами уголовно-исполнительного права, что создает трудности в работе сотрудников УИИ. Проблемой является и неполнота норм, регулирующих неисполнение ими наказания. Цель наказания – исправление осужденного – не может быть достигнута, так как осужденные игнорируют приговор суда и занимаются деятельностью, которая запрещена, так как никаких уголовно-правовых мер к ним не может быть применено [3, с. 204].

Стоит обратить внимание на то, что в Уголовном кодексе РСФСР была предусмотрена уголовная ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 188.2 УК РСФСР). По статье 188.2 УК РСФСР несли ответственность как осужденный, так и должностные лица. Санкция была в виде штрафа от трех до десяти минимальных месячных размеров оплаты труда. В этот период начинает прослеживаться связь назначаемого наказания с занимаемой должностью [4, с. 15].

Следует отметить, что эффективность наказания зависит от обеспечения его исполнения, наличия правовых последствий уклонения от отбывания наказания. Судебная практика демонстрирует рост числа случаев назначения данного наказания [5]. Если в первом полугодии 2020 г. количество лиц, которым был назначен данный 81 вид наказания в качестве основного, составляло 55 человек, дополнительного – 28 939, то уже в первом полугодии 2021 г. количество лиц, которым было назначено наказание в качестве основного, составило 69 человек, дополнительного – 33 755. В связи с этим вопрос об ответственности за уклонение от отбывания данного вида наказания становится актуальней и требует законодательного решения.

По нашему мнению, в случае уклонения от исполнения осужденным наказания, необходимо производить замену данного наказания на более строгое, например, на лишение свободы на определенный срок, что будет предусмотрено в ст. 47 УК РФ.

Суд в приговоре может определять вид и размер наказания, на которое будет заменено первоначальное в случае уклонения осужденного от его исполнения. Также осужденный должен быть уведомлен о возникновении последствий в случае уклонения от исполнения данного наказания, под роспись.

Также считаем, что необходимо рассмотреть вопрос о замене данного вида наказания на принудительные работы, однако стоит учитывать количество исправительных центров в России.

Вполне эффективным предложением видится применение конфискации транспортного средства к осужденным, которые нарушают предписание суда на запрет использования автомобиля, путем введения изменений в гл. 15.1 УК РФ.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что изменение уголовного законодательства в части исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью может в большой мере способствовать исполнению целей наказания, а также превентивировать преступления.

Список использованной литературы:

1. Упоров А.Г. Сотрудничество Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества / А.Г. Упоров, О.В. Драгун // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3(34). – С. 44-49.
2. Боровиков С.А. Об уклонении от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью // *Ius Publicum et Privatum*. – 2018. – № 2(2). – С. 17-19.
3. Бармаченко Н.А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: уголовно-правовая характеристика, проблемы назначения // Образование и наука в современных реалиях: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Чебоксары, 04 июня 2017 года. Том 2. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью "Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс", 2017. – С. 202-204.
4. Афанасьев М.В. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: вопросы ответственности за уклонение // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 1(224). – С. 10-17.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 7 апреля 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400457008/> (дата обращения: 31.03.2023).

УДК 343.914

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРАВО И РОССИЙСКОЕ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

Кондратьев Максим Витальевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: Maksim.kondratev.0101@mail.ru

Мамыш Максим Сергеевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: maksim.mamysh2003@mail.ru

Башанова Снежана Борисовна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: S.bashanova02@mail.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Авторы в данной статье рассматривают содержание целей, задач, стоящих как перед уголовно-исполнительным правом России, так и всей пенитенциарной системой зарубежных стран. Далее, по мнению авторов, название целей УИК имеют сходства с наименованиями некоторых целей, стоящих перед уголовным наказанием и иными мерами уголовно-правового характера зарубежных стран. Это в конечном итоге приводит к тому, что в юридической литературе в их содержании закладываются различные научные идеи. В заключение авторы приходят к необходимости исключить размытость в толковании норм о положении в иерархии по юридической силе между уровнями, тем самым устранив коллизии.

Abstract. The authors in this article consider the content of the goals, tasks facing both the penal law of Russia and the entire penitentiary system of foreign countries. Further, according to the authors, the name of the goals of the PEC has similarities with the names of some goals facing criminal punishment and other measures of a criminal law nature of foreign countries. This ultimately leads to the fact that various scientific ideas are laid in their content in the legal literature. In conclusion, the authors come to the need to eliminate the vagueness in the interpretation of the rules on the position in the hierarchy by legal force between levels, thereby eliminating conflicts.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, осужденные, пенитенциарная система, международные конвенции, права человека.

Key words: penal law, convicts, the penitentiary system, international conventions, human rights.

На сегодняшний день одним из своеобразных критериев определения государства демократическим является наличие тенденций развития и совершенствования системы исполнения наказаний. Сами же причины необходимости улучшения и совершенствования связаны с тем, что в Российской

Федерации обладает достаточно большой историей, в том числе и той, когда она использовалась как машина для репрессий и реализации труда осужденных. В наши дни УИС является большой паутиной, состоящей из таких единиц как колонии, следственные изоляторы, уголовно-исполнительные инспекции, тюрьмы и так далее.

Тенденции современной практики и применения законодательства показывают курс на уменьшение количества лиц, содержащихся в местах лишения свободы.

Принятый в 1997 году Уголовно-исполнительный кодекс намного ближе и детально приблизил законодательство страны и стандарты к международным [5, с. 320]. Так, более отчетливо была выражена система надзора и контроля за деятельностью учреждений УИС. Впервые были закреплены на законодательном уровне функции судебного контроля, прокурорского надзора, ведомственного контроля и так далее.

В результате произошло разделение условий содержания в учреждениях – на обычные, строгие и облегченные, в воспитательных колониях – к тем же добавились льготные.

Сравнение отечественного законодательства с нормами международного права в сфере пенитенциарной деятельности необходимо начать с основного закона – Конституции.

В качестве основного принципа важно отметить, что национальное законодательство никаких образом не может давать меньших гарантий на обеспечение и защиту прав, нежели нормы международного уровня, но может и больше.

На практике общепризнанные принципы и нормы международного уровня по причине их большей обязательности для всех государств практически минимизируют возможность возникновения коллизий между национальным и международным правом. Однако применение международных договоров как раз и приводит, в свою очередь, к тем самым коллизиям в силу того, что они не являются общепринятыми, порождают коллизии [1, с. 121].

Внедрение и применение норм международного права, которое может затронуть основные права человека невозможна, если при это не был издан соответствующий акт, который бы ратифицировал это положение. А если государство издает такой акт, то оно принимает на себя обязательства по его соблюдению, ведь такие положения являются уже частью и их права в том числе.

В уголовно-исполнительном кодексе в статье 3 мы имеем противоречие. Во-первых, в статье говорится о том, что юридическая сила категории «учитывает» достаточно неоднозначна. Во-вторых, с одной стороны, первая и вторая части статьи говорят о международных договорах в целом, с другой стороны в части первой наблюдается отрицание приоритета международных договорных обязанностей, вытекающих из них, когда же вторая часть прямо соответствует нормам Конституции.

Закон РФ «О международных договорах Российской Федерации» говорит о том, что в Россия выступает за обязательное соблюдение норм международного

права, тем самым, не нарушая основной принцип – добросовестного выполнения обязанностей [2, с.120].

Приверженность своим обязательствам на международном уровне является важным критерием правового государства.

В реальности же в процессе ратификации самих договоров, которые так или иначе могут затронуть права граждан, абсолютно каждое государство может допускать оговорку. То есть закрепить то, что оно не будет нести ответственность за несоблюдение каких-либо положений договора. То есть государство как бы принимает договор, но в тех частях, которые ему будет выгодно и в меньшей степени приведет к потере контроля или же затратам ресурсов.

Правовая неопределенность национального уголовно-исполнительного законодательства в ч.1 ст. 3 по отношению к международным актам, а также Конституции, не может быть оправдано. То есть, фактически законодатель оставил возможность различного толкования нормы в зависимости от ситуации и положения субъектов в нем. Например, когда международный договор будет противоречить интересам, будет толковаться в первую очередь норма национального права, а когда же что-то будет не урегулировано, или же необходимо будет сослаться на взаимодействие государств, то международный уровень снова берет верх.

Если говорить вкратце о ч. 3 ст. 3 УИК РФ, то формулировка же самой части напоминает выдержку из выступления представителя государства на заседании международных представителей: «...уголовно-исполнительной законодательство и практика его применения...». Данная формулировка вовсе не подходит под текст уровня – Федеральный закон. Полагаем, что здесь косвенно говорится о подзаконных актах, основанных же на вышеупомянутых источниках.

Следующая часть – четвертая – говорит о возможности реализации международных рекомендаций, связанных с вопросом исполнения наказаний и обращения с заключенными только при наличии экономических и социальных возможностей государства. По сути же, норма также декларативна, ведь как должным образом оценить эти возможности, кто их должен оценить и понять, что именно сейчас мы будем реализовывать эти рекомендации.

Генеральная Ассамблея ООН рекомендовала странам-членам предпринять все от них зависящее для выполнения Минимальных стандартных правил обращения с заключенными при управлении пенитенциарными учреждениями, а также чтобы они учитывали их при разработке своего национального законодательства.

Одобрив эти правила, Экономический и социальный совет ООН в 1955 г. рекомендовал правительствам информировать Генерального секретаря ООН каждые пять лет о прогрессе, достигнутом в их применении.

В свете неподготовленности как политических, так и социальных систем различных государств в области реализации вышеупомянутых международных стандартов в полном объеме, в число которых входит и Россия, принцип уважения прав человека, который является одним из основных принципов

пенитенциарной системы, подразумевает под собой программный характер. На основе данного факта можно сказать, что не было необходимости в УИК РФ уверять международное сообщество, что отечественная система встанет на путь стандартизации международным нормам в области обращения с осужденными.

Обращаясь к статье 3 УИК РФ можно заметить, что в данном случае доктрина некоторого соотношения между нормами международного права и нормами уголовно-исполнительного законодательства находит своё отражение. Данная тема является «инновацией» для отечественной науки в сфере пенитенциарного законодательства. Но несмотря на это, ряд отечественных учёных задавались этими вопросами в своих работах, что и позволяет выявить разработку целостной концепции.

В отечественной литературе закрепляется и раскрывается категория международных стандартов, которая связывается с наличием объектов одного рода, а теми сферами законодательства, которые говорят об обязательных правилах поведения в зависимости от вида жизнедеятельности. Но даже при условии разделения документов, которые содержат в себе международные стандарты в вышеупомянутой области, по их содержанию, целевому назначению и влиянию на группы, не был учтён один факт – их юридическая сила.

Для разработки классификации был использован способ группировки международных актов. Примером может послужить ситуация, когда поступило предложение о внесении международных договоров, носивших императивный характер, в ту же классификацию, куда и была вынесена резолюция ООН, которая характеризуется диспозитивным характером.

Важнейшим документом, которому посвящается каждая классификация механизмов порядка обращения с заключёнными является – Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными. Этот документ был принят Конгрессом ООН по вопросам предупреждения преступлений и обращений с правонарушителями в г. Женеве в 1955 году. Сегодня же эта основа не перестаёт быть той темой для беспокойств ученых [4, с.730].

Отбросив внешнеполитический оттенок этого вопроса, отметим, что в последнее время возросла роль международных органов контроля, задача которых оказывать содействие и помощь государствам в выполнении ими международных обязательств путем принятия соответствующих решений и рекомендаций.

Но недопустимо к сравнению допускать Всеобщую декларацию прав человека и Правила по критерию юридической силы. Сегодня же права и свободы, провозглашенные во Всеобщей декларации, считаются юридически обязательными для государств, несмотря на то, что она была принята в форме резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и была всего лишь рекомендательным документом.

В нынешнее время наделены диспозитивным характером кодексы поведения, которые были приняты в форме резолюции. Примером такового являются минимальные стандартные правила. Они характеризуются определённой моделью поведения в области принятия конкретных норм на

уровне законодательства внутри государства. Из этого следует сделать вывод о том, что необходимо не только соблюдать лишь рекомендуемую модель поведения, но также и учитывать её при применении тех или иных международных норм.

Для более эффективной деятельности государства необходимо равное отношение как к международным договорам, федеральным законам, так и Конституции. Это обосновывается тем, что в тексте международных соглашений изначально указываются области и варианты применения данных норм в реалии.

Карташкин В.А. справедливо замечает, что после того, как Россия ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод нужно Российской Федерации и Совету Европы установить по договоренности определенные сроки для применения норм на национальном уровне [3, с.135].

В заключение хотелось бы сказать, что порядок имплементации международно-правовых норм включает в себя как уровень международный, так и национально-правовой. При этом, инструменты применения этих норм определяют суверенную волю государства.

Также необходимо исключить размытость в толковании норм о положении в иерархии по юридической силе между уровнями, тем самым устранив коллизии.

Список использованной литературы:

1. Бриллиантов А.В. Уголовно-исполнительное законодательство России и международные правовые акты в сфере обращения с заключенными // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2017. – № 2 (773). – С. 119-129.

2. Вознесенская Н.Н. Роль сравнительного правоведения при разработке и применении международного частного права // Закон. – 2013. – № 6. – С. 112-122.

3. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. – М., 1995. – 135 с.

4. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект. – 2013. – 784 с.

5. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. – М.: НОРМА. – 1996. – 432 с.

УДК 343.81

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО ТИПА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кульков Григорий Евгеньевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: grisha.kulkov2000@gmail.com

Гордеев Максим Григорьевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: maks030103@mail.ru

Воднева Надежда Геннадьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: vodnevanad@yandex.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, касающийся создания и разработки пилотного плана по функционированию исправительных учреждений объединенного типа в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, или, как их называют в правовой доктрине, «мультиучреждения», «мультирежимные» учреждения. Несмотря на то, что в Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года говорится о том, что внедрение указанного плана должно быть уже к 2024 году, на 2023 год нет ни одного «мультирежимного» учреждения, имеются только небольшие предпосылки к его созданию.

Abstract. The article deals with the issue concerning the creation and development of a pilot plan for the functioning of correctional institutions of a unified type in the penal system of the Russian Federation, or, as they are called in the legal doctrine "multi-institutions", "multi-mode" institutions. Despite the fact that the Concept of the development of the penal system until 2030 states that the implementation of this plan should be by 2024, there is not a single "multi-mode" institution for 2023, there are only small prerequisites for its creation.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации, пенитенциарная система, исправительные учреждения, осужденные, мультиучреждения, мультирежимные учреждения, учреждения объединенного типа, Федеральная служба исполнения наказаний.

Key words: the penal enforcement system of the Russian Federation, the penitentiary system, correctional institutions, convicts, multi-institutions, multi-regime institutions, institutions of the combined type, the Federal Penitentiary Service.

Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Концепция 2030) определило основные направления деятельности по развитию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС), одна из которых – разработка и реализация проекта

создания учреждения объединенного типа. Некоторые авторы в научных трудах и средства массовой информации называют данные исправительные учреждения «мультиучреждения», «мультирежимные» учреждения [1, с. 44]. Это принципиально новый вид исправительных учреждений для пенитенциарной системы Российской Федерации.

Данная идея возникла еще в период существования Главного управления исполнения наказаний Минюста России (ГУИН Минюста России), уже тогда начальники ГУИНа Калинин и Зубков указывали на необходимость изучения многофункциональных исправительных учреждений и возможности их внедрения в УИС РФ. Но данные предпосылки не нашли ни нормативного ни практического отражения в УИС.

На сегодняшний день уголовно-исполнительная политика идет по пути сокращения «тюремного населения», это можно заметить, обратившись к статистическим данным, представленным на официальном сайте Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН России):

- в 2018 году в учреждениях ФСИН России содержалось 563165 осужденных, в том числе несовершеннолетних, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- в 2019 году в учреждениях ФСИН России содержалось 524928 осужденных, в том числе несовершеннолетних, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- в 2020 году в учреждениях ФСИН России содержалось 482546 осужденных, в том числе несовершеннолетних, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений;
- в 2021 году в учреждениях ФСИН России содержалось 465259 осужденных, в том числе несовершеннолетних, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [2].

Приведенная выше тенденция к сокращению численности лиц, содержащихся в учреждениях УИС, привела к недостаточному укомплектованию исправительных учреждений спецконтингентом. Высвобождение большого количества помещений привело к ликвидации и самих исправительных учреждений, в целях экономии государственного бюджета. Все это и подвигло законодателя принять решение о необходимости разработки плана создания новых учреждений, которые бы могли удовлетворить потребности современной пенитенциарной системы Российской Федерации.

Сущность деятельности по созданию новых исправительных учреждений заключается в том, что государству необходимо разработать план одного исправительного учреждения (центр), в котором будут размещаться участки, функционирующие как абсолютно разные исправительные учреждения, такие как: исправительная колония (общего, строгого и особого режимов), воспитательная колония, колония-поселение, лечебно-исправительное учреждение, тюрьма и следственный изолятор [3, с. 11].

Реализация положения Концепции 2030 о создании «мультиучреждений» должна быть реализована к 2024 году, но начало данной деятельности должно начаться уже сейчас. Реализация должна осуществляться по следующим двум направлениям. Первое направление, нормативно-правовое – создание правовой

базы для нормального функционирования «мультирежимных» исправительных учреждений. Второе направление, организационно-техническое – создание материальной базы, решение организационных вопросов и т.д. [1, с. 45].

Исправительные учреждения объединенного типа должны быть максимально многофункциональными и многопрофильными для того, чтобы реализовывать возложенные на них обязанности, реализацию прав, свобод и законных интересов как осужденных, подозреваемых и обвиняемых, так и других лиц.

Представляется, что на первоначальном этапе создания таких «мультиучреждений» в одном исправительном учреждении будут сконцентрированы наиболее необходимые объекты, например, участок, функционирующий в режиме следственного изолятора (ПФРСИ). Законодателю следует принимать планы новых исправительных учреждений поэтапно, учитывая положительный опыт пилотного проекта, который уже разрабатывается в Министерстве юстиций Российской Федерации.

В марте 2021 года экс-директор ФСИН России Александр Петрович Калашников заявил, что в Калужской области будет создано первое исправительное учреждение объединенного типа. В то же время, министр юстиции Константин Анатольевич Чуйченко высказался по поводу того, что должны быть созданы комфортные условия для работы адвокатов и общественных организаций, а также судов, органов прокуратуры и следователей.

В сентябре 2022 года министр юстиции Константин Анатольевич Чуйченко на торжественном собрании сообщил, что к первому пилотному проекту по созданию исправительного учреждения объединенного типа, должны приступить в Калужской области [4].

Создание новых исправительных учреждений не противоречит ни отечественным нормативно-правовым актам, ни нормам международного права. Поскольку в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными 1955 года говорится о том, что «Различные категории осужденных содержатся в различных заведениях или в разных частях этого же заведения» [5, с. 12].

Необходимо отметить положительные черты создания «мультирежимных» исправительных учреждений:

- 1) сокращение расходов на конвоирование осужденных в случае изменения вида исправительного учреждения по судебному решению, либо при других перемещениях осужденных;
- 2) повышение уровня безопасности и выполнения режимных требований;
- 3) реализация общепризнанных принципов международного права по поводу материально-бытового обеспечения осужденных, ввиду того, что новые исправительные учреждения должны строиться по современным требованиям науки и техники;
- 4) вывод исправительных учреждений за пределы муниципальных образований.

Выделяя определенные положительные моменты, нельзя забывать и о рисках, которые могут возникнуть при создании учреждений нового типа. Во-первых, потребуется значительное вложение денежных средств, необходимых для возведения данных исправительных учреждений.

Во-вторых, утрата осуждёнными социально-полезных связей, ввиду удаленности исправительного учреждения, поскольку Концепция 2030 предусматривает создание одного «мультиучреждения» на один субъект Российской Федерации.

В-третьих, снижение трудовой активности лиц, которые будут содержаться в «мультиучреждениях».

Подобных проектов в России не было, в связи с чем существует объективная неопределенность в вопросах о конкретных этапах осуществления данной работы, их последовательности, предполагаемых сроках выполнения, условиях и многом другом. Однако это позволяет начать научный диспут, к которому приглашают авторы, относительно предмета исследования в целях выявления всех проблемных моментов в этой работе, определения наиболее оптимальных подходов к формированию модели учреждения объединенного типа, создания правовых основ его функционирования.

Список использованной литературы:

1. Упоров А.Г. Сотрудничество Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества / А.Г. Упоров, О.В. Драгун // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3(34). – С. 44-49.
2. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 30.03.2023).
3. Антипов А.Н. Учреждения объединенного типа: постановка проблемы / А.Н. Антипов, Ю.Н. Строгович // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2022. – № 1(236). – С. 9-12.
4. Официальный сайт. Российская газета Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/gazeta/rg/svezh> (дата обращения: 31.03.2023).
5. Уткин В.А. "Мультирежимные" исправительные учреждения: реальность и перспективы // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 4 (21) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/multirezhimnye-ispravitelnye-uchrezhdeniya-realnost-i-perspektivy> (дата обращения: 01.04.2023).

УДК 343.9

ДЕСКРИПТИВНЫЙ ПОДХОД ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ КРИМИНОГЕННОЙ СИТУАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАЗРАБОТКИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗА

Никитин Дмитрий Николаевич, Владимирский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний, г. Владимир, E-mail: nik-78-
78@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможностей дескриптивного метода моделирования для описания криминогенной обстановки, определения степени влияния на нее различных факторов. С этой целью разработан прогноз криминогенной ситуации в субъекте Российской Федерации (на примере условной Петровской области), определены основные пути воздействия на состояние преступности в регионе. Подчеркнута необходимость научно обоснованных прогнозов и региональных правоохранных стратегий, базирующихся на всестороннем анализе существующих угроз правопорядка.

Abstract. The article is devoted to the possibilities of a descriptive modeling method for describing the criminogenic situation, determining the degree of influence of various factors on it. For this purpose, a forecast of the criminogenic situation in the subject of the Russian Federation has been developed (on the example of the conditional Petrovsky region), the main ways of influencing the state of crime in the region have been identified. The necessity of scientifically based forecasts and regional law enforcement strategies based on a comprehensive analysis of existing threats to law and order is emphasized.

Ключевые слова: криминогенная обстановка, дескриптивный метод моделирования, криминологический прогноз, региональная правоохранный стратегия.

Key words: criminogenic situation, descriptive modeling method, criminological forecast, regional law enforcement strategy.

Последнее десятилетие оставило нам массу социальных проблем, которые нередко выходят за рамки деятельности правоохранных органов, но без решения которых практически невозможно полномасштабно вести борьбу с преступностью. Безработица, экономический спад, социальная депривация и резкое падение качества жизни на фоне внешнеполитических факторов, связанных с введением США и странами ЕС, антироссийских экономических санкций, а также принятием Россией ответных защитных мер, породили в каждом субъекте Российской Федерации и в целом по стране принципиально новую, не имеющую аналогов, криминогенную ситуацию. Эта ситуация предопределила характер и масштабы современной преступности во всем многообразии ее проявлений, углубила коррупцию, усилила негативную динамику организованной преступности, терроризма, криминальной миграции, наркобизнеса, торговли оружием.

По мере нарастания тревожных факторов в социально-экономической обстановке, расширения негативных тенденций в структуре и динамике указанных видов преступлений порог социальной терпимости общества к уровню правонарушений существенно снижается. Этим в частности объясняется характер изменения интереса общества к тому, что происходит вокруг, усилено внимание общественности и к своевременности принимаемых мер противодействия преступности, подавления ее наиболее опасных проявлений. В свою очередь это обуславливает актуальность мониторинга и прогнозирования изменений криминогенной обстановки на региональном, и, особенно, на районном уровне.

Криминологический прогноз разработан по результатам моделирования воздействия на криминогенную обстановку в субъекте Российской Федерации (условной Петровской области) социально-экономических факторов, имеющих математически доказанную связь с показателями криминальной активности населения по дескриптивному алгоритму, описанному в работе [1]. Использование факторной модели противоправного поведения субъектов противоправной деятельности позволяет достичь относительно высокой точности прогноза, особенно вероятного осложнения криминальной ситуации на территории обслуживания в ближайшей и среднесрочной перспективе.

Основной целью подготовки криминологического прогноза является обоснование вырабатываемых решений в сфере оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов в субъекте Российской Федерации, а также разработка региональной правоохранительной стратегии, включающей в себя подготовку комплексных оперативно-профилактических мероприятий, направленных на снижение уровня тревожности населения перед криминальной угрозой и повышение степени доверия граждан к деятельности органов государственной власти. При этом региональную правоохранительную стратегию необходимо рассматривать как многоуровневый механизм, включающий в себя исполнение внутренних стратегических управленческих решений каждым из правоохранительных ведомств, а также решений, выработанных во взаимодействии с органами государственной власти и контрольно-надзорными органами.

Анализ модели показал, что вероятность осложнения криминальной ситуации в наибольшей степени зависит от изменения численности трудоспособного населения, как дающего наибольший вклад в преступность, а также от соотношения численности нетрудоспособного населения (детей и пенсионеров) к численности наиболее активного и трудоспособного населения (уровень социальной нагрузки) в субъектах Российской Федерации.

Второе место по значимости воздействия на общий массив регистрируемой преступности занимает уровень бедности.

Далее по степени влияния на уровень преступности расположены следующие факторы:

- уровень безработицы;
- имущественное и социальное неравенство;
- культурно-образовательный уровень населения;

- уровень потребления алкоголя;
- уровень наркотизации;
- влияние СМИ и Интернет;
- уровень правосознания;
- несовершенство законодательства;
- безнадзорность несовершеннолетних;
- уровень миграции;
- организация досуга населения;
- эффективность правоохранительной деятельности;
- прочие факторы.

Ниже приводятся прогнозируемые направления обострения криминогенной ситуации в субъекте Российской Федерации.

Если взять последние пятнадцать-двадцать лет, то, например, в 2005 году по сравнению с 2019 годом уровень регистрируемой преступности уменьшился более чем в два раза (с 36 862 – в 2005 г. до 16 787 – в 2019 г.). Статистика преступлений падала и в целом по стране. Среди причин – демографическое старение и эмиграция наиболее активной части трудоспособного населения – молодых людей в возрасте до 35 лет. По данным исследования аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, основанном на данных Росстата, только с декабря 2021-го по декабрь 2022 года число трудящихся россиян в молодом возрасте (до 35 лет) сократилось на 1,33 млн человек. По итогам 2020 года снижение численности работников этой возрастной группы составило 1,34 млн человек. В результате в декабре 2022 года количество молодых работников на рынке труда составило 21,5 млн человек, или 29,8% всех занятых, – это минимум с 2006 года [2].

На еще один повлиявший фактор указывает криминологическая «теория секьюритизации» (основным источником употребляемых терминов является зарубежная литература по социологии и криминологии). Она говорит о том, что с развитием современных информационно-телекоммуникационных технологий, за счёт широкого распространения цифровых информационных систем, предикативной аналитики, технологий дистанционного контроля, которые позволяют очень быстро фиксировать следы преступления, снижается число социальных контактов, способствующих возникновению потенциальных ситуаций, в которых могут произойти преступления [3]. Это действительно так, если не принимать во внимание растущий сегмент преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее: IT-преступления). Так, в период с 2014 по 2021 годы число зарегистрированных в стране IT-преступлений, увеличилось более чем в 25 раз (2014 год – 11 тыс.; 2021 год – 517,7 тыс. преступлений). Количественный рост обусловлен быстрым распространением относительно не сложных в реализации даже низкоквалифицированными злоумышленниками алгоритмов в сфере IT-технологий и социальной инженерии на фоне низких рисков понести наказание (нет привязки к месту совершения преступления, нет визуального контакта преступника с потерпевшим как, например, в случае грабежа или разбоя).

Тем не менее, в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации преступность носит преимущественно бытовой характер, что

предсказуемо подтверждают приводимые ниже криминологические наблюдения, характерные для большинства регионов страны. Самое распространённое преступление в условной Петровской области – кража (41,2%). На втором месте насильственные преступления (20%), на третьем – мошенничества и другие имущественные преступления (кроме кражи, грабежа и разбоя), затем следуют корыстно-насильственные преступления (грабёж, разбой) и на последнем месте – преступления против половой свободы и неприкосновенности личности.

Интересная ситуация, которую можно наблюдать, связана со статистической аномалией в распределении преступлений по социальным группам. Так, представители социальной группы «рабочие» совершают каждое пятое преступление (21,5%) и дают свыше трети (опять же максимум) всех лиц, ставших жертвами преступлений (35,1%) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Социально-экономический статус
потерпевших и преступников (в процентах)

Ф2.18, Ф5.12 Социальное положение, Ф.2.19, Ф5.13 Должностное положение	Количество потерпев- ших (Ф.5)	Количество преступни- ков (Ф.2)
Руководитель, заместитель руководителя	0,4	1,2
Служащий, работник, сотрудник	2,8	1,8
Рабочий, наемный рабочий	35,1	21,5
Студент	0,5	0,3
Пенсионер (по старости, по выслуге); лицо, находящееся на социальном обеспечении	13,5	4,2
Безработный	0,1	0,3
Сотрудник правоохранительных органов	1,1	0,5

В криминологии это явление носит название «маргинально-маргинальная» преступность, т.е. это ситуация, когда люди не высокого социального статуса совершают преступления в отношении таких же как и они людей. Данная ситуация не очень хорошо характеризует социально-экономическое положение региона, потому, что считается, что «маргинально-маргинальная» преступность говорит о некотором замыкании социальных групп. Более того, доля «рабочих» наверняка занижена, потому, что это люди, которым сложнее мобилизовать право. И это люди, которые вообще-то виктимизируются чаще, чем это видно в статистике. Но даже в статистике виден огромный перекося в этом направлении.

Вторая интересная ситуация, которую мы можем наблюдать, анализируя данные таблицы 1, связана с довольно высокой долей пенсионеров и получателей социальных пособий, ставших жертвами преступлений, при

относительно невысокой их доли в числе лиц, совершивших преступления. С одной стороны, они легче обращаются в полицию, чем условно говоря, «безработный», становясь жертвами преступлений, с другой – тоже находятся в социально уязвимом положении и часто становятся жертвами т.н. «спонтанных» преступлений.

И ещё одна вещь, на которую следует обратить внимание – это сотрудники правоохранительных органов, которые довольно часто становятся жертвами преступлений. Дело в том, что являясь юридически грамотными, сотрудники правоохранительных органов очень легко мобилизуют право, что логично в силу выполняемых ими служебных обязанностей. В результате в статистике они более виктимные, чем это можно было бы ожидать.

Важным наблюдением является то, что 15,4% преступников, совершивших кражу; 14,6% – грабеж, разбой; 8,5% – мошенничество были ранее знакомы с жертвой. Для насильственных преступлений эта доля составляет 33% (см. таблицу 2). Также невысок процент групповых преступлений: около 10% насильственных преступлений совершались группой лиц; менее трети мошенничеств, краж, грабежей и разбоев были совершены в составе группы; и преступления в сфере IT – это относительно индивидуальные преступления (хотя в этом случае жертва с большой вероятностью не подозревает о существовании группы). Показательно и то, что более половины грабежей и разбоев были совершены в состоянии алкогольного опьянения (55,7%). Для насильственных преступлений эта доля достигает 70,2%.

Анализ приведенных данных подтверждает тезис о том, что в условной Петровской области преступления совершаются внутри одной социальной среды, а не являются агрессией со стороны криминальной субкультуры в отношении других граждан.

Что касается места преступления, 5% всех преступлений были совершены по средствам Интернет-ресурсов – то есть были удаленными по своей природе (см. таблицу 3). Среди преступлений, предполагающих визуальный контакт преступника с потерпевшим, чаще всего местом преступления было жилое помещение – квартира, дом или дача (33,6%). Вторыми по частоте являются здания публичных организаций: магазины, кафе, банки и т. п. (27,4%). На третьем месте находятся открытые места – улица, дорога, парковка, парки и природные пространства (10,8%). Относительно немного преступлений было совершено на территории работы или учебы (9,1%), а также в подъездах и во дворах (5,1%). В личном автомобиле или такси, на транспорте (автобус, поезд) и на территории, связанной с транспортной инфраструктурой (вокзалы, остановки общественного транспорта), произошло 7,9% всех преступлений.

Материальный ущерб от типовых преступлений невелик (рис. 1). Почти в половине случаев он не превышает 10 тыс. рублей. Самые массовые преступления связаны с ущербом на 4-8 тыс. рублей. Средний ущерб порядка 25-26 тыс. рублей.

Таблица 2

Характеристика преступников по видам преступлений (в процентах)

Ф2.21, Ф5.07 Статья УК РФ	Количество потерпевших (Ф.5)	Количество лиц, совершивших преступления (Ф.2)				
		знакомы с потерпевшим	действовали не в группе	мужского пола	Находились в состоянии алкогольного опьянения	являлись должностными лицами
Преступления, сопряженные с насильственными действиями ¹	14,2	33,3	93,9	86,1	70,2	0,1
Кража (ст.ст. 158-158.6 УК РФ)	48,4	15,4	73,3	82,6	38,6	0,1
Грабеж, разбой (ст.ст. 162, 163 УК РФ)	4,3	14,6	81,7	93,7	55,7	0,0
Мошенничество (ст.ст. 159-159.6 УК РФ)	13,4	8,5	86,4	66,1	11,0	3,0
Преступления в сфере информационно-компьютерных технологий ²	15,7	16,7	84,4	73,3	19,0	1,3
Всего	100,0	15,0	87,4	83,1	39,4	1,0

Пояснение:

¹ ст.ст. 105-128, 131-135, 150-153, 161 ч.2 п. «г», 162, 163, 205, 206, 209, 211-213, 227, 230, 239, 240, 241 ч. 2 п. «б», 241 ч. 3, 277, 295, 296, 301, 302, 317, 318, 357 УК РФ.

² ст.ст. 138.1, 159.6, 272-274.1, либо п."Г" ч.3 ст.ст.158, либо реквизит Способ совершения (коды 048-050, 055-060, 072-073, 086-092).

Рис. 1 Распределение величины материального ущерба (в рублях)

Таблица 3

Место совершения и виды преступлений (в процентах)

Ф1.19 Место совершения преступления (справочник №2)	Всего зарегистрированных преступлений (статкарточка Ф.1 поступила в отчетном периоде), из них	Преступления, сопряженные с насильственными действиями	Грабеж, разбой (ст.ст. 162, 163 УК РФ)	Кража (ст.ст. 158-158.6 УК РФ)	Мошенничество (ст.ст. 159-159.6 УК РФ)	Преступления в сфере информационно-компьютерных технологий
Квартира, дом, дача (в т. ч. в гостях)	33,6	79,0	17,5	31,5	17,9	30,0
На улице, дороге, парковке, на природе	10,8	3,1	1,3	4,4	0,8	11,2
Общественные здания (магазины, кафе, банки, поликлиники)	27,4	4,0	76,9	37,0	55,7	42,2
На работе, учебе, в закрытых учреждениях	9,1	2,9	1,7	6,6	25,6	14,7
В подъезде или во дворе	5,1	3,9	0,3	8,0		
На транспорте (в автомобиле, поезде, на вокзале)	7,9	4,1	1,0	11,2	0,8	2,6
Нет привязки к месту (напр., украли деньги с банковской карты)	5,0	—	—	—	—	—

Основные выводы, которые можно сделать по результатам анализа приведенных данных, сводятся к нескольким важным замечаниям, которые необходимо учитывать для понимания внутренней динамики процессов, определяющих состояние криминальной ситуации в ближайшей перспективе. Мы видим, что в субъекте Российской Федерации доминирует бытовая преступность, что официальная виктимность (вероятность стать зарегистрированной жертвой преступления) очень сильно связана с социальным положением лица, которое оказалось жертвой преступления, то есть человек должен быть укоренен в соответствующей социальной среде, чтобы стать пострадавшим. И второе, отмечается тяготение преступности в регионе к жилым помещениям и сравнительно меньшая и специфическая криминогенность общественных пространств.

В заключении, кратко перечислим основные пути воздействия на состояние преступности, исходя из прогноза криминогенной ситуации.

Наиболее актуальным аспектом воздействия на уровень преступности, в настоящее время выглядит вопрос о профилактическом воздействии на состояние и структуру преступности.

Очевидно, что стратегическим приоритетом первой очереди для субъекта Российской Федерации является профилактика преступности против личности, объектами которой выступают рецидивная преступность, преступления, совершаемые в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, подростковая и иная преступность.

Приоритетом второй очереди является борьба с хищениями средств с дебетовых и кредитных банковских карт с использованием вредоносных компьютерных программ и специальных технических «считывающих» устройств – в том числе из банкоматов («скимминг»); третьей очереди – борьба с коррупцией и защита экономики региона от криминального влияния, включая финансовый сектор; четвертой очереди – противодействие организованной преступности, которая помимо «классического формата», дополнительно смещается в сторону специализации этнических ОГ и ПС на совершении убийств с целью завладения чужим имуществом, квалифицированных разбойных нападений с использованием огнестрельного оружия, краж банкоматов, хищений автомашин с применением современных информационных технологий, средств визуального и технического контроля.

Необходимо отметить, что преступность является следствием социально-экономических процессов и по большинству составов УК РФ лишь в относительно небольшой степени зависит от эффективности правоохранительной деятельности. Таким образом, с одной стороны это создает объективные предпосылки для разработки среднесрочного прогноза криминогенной ситуации, а с другой – позволяет использовать данные прогноза для планирования борьбы с преступностью на перспективу, что позволит поднять уровень руководства этой деятельностью, а следовательно, и успешно решать стоящие перед государственными органами задачи.

Список использованной литературы:

1. Никитин Д.Н. Моделирование влияния факторов внешней среды функционирования органов правопорядка на криминальную ситуацию в регионе / Д.Н. Никитин // Правовая позиция. – 2022. – № 11 (35). – С. 46-52.
2. Исследование аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, основанном на данных Росстата [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/11/04/2023/6433e7499a7947356c70a065> (дата обращения: 11.04.2023).
3. Криминология: учебник для аспирантов / Под. ред. И.М. Мацкевича. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – 368 с.
4. Источники данных о преступности: Состояние преступности в Российской Федерации. Сведения за год, полугодие, квартал. ГИАЦ МВД России; Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://crimstat.ru>

УДК 343.9

**ФОРЕНЗИКА КАК РАЗДЕЛ КРИМИНАЛИСТИКИ:
ПОНЯТИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСОБЕННОСТИ**

Искакова Элиза Федаильевна, Давлетгареева Анна Сергеевна, Научный руководитель: Курбачевская Карина Идрисовна, Российский государственный университет правосудия», г. Челябинск, E-mail: serebro1514@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены точки зрения ученых в отношении форензики как «новой» отрасли криминалистической науки. Проанализирована характеристика и особенности форензики, определено место и роль форензики и ее влияние на криминалистическую и следственную практику. Следует отметить, что форензика рассматривается как специфическая межотраслевая отрасль, которая по мнению некоторых ученых относится только косвенно к криминалистической науке. В целом форензика широко применяется при расследовании преступлений, которые связаны с информационно-коммуникационными ресурсами, которые становятся вещественными доказательствами и объектами содержания необходимой следственной информации.

Abstract. The article examines the scientists' points of view regarding forensics as a "new" branch of forensic science. The characteristics and features of forensic science are analyzed, the place and role of forensic science and its impact on forensic and investigative practice are determined. It should be noted that forensics is considered as a specific intersectoral branch, which, according to some scientists, refers only indirectly to forensic science. In general, forensics is widely used in the investigation of crimes that are associated with information and communication resources, which become material evidence and objects of the content of the necessary investigative information.

Ключевые слова: криминалистика, киберпреступность, компьютер, компьютерная криминалистика, форензика, криминалистические информационные системы, криминальная практика, информационные технологии.

Key words: criminalistics, cybercrime, computer, computer forensics, forensics, forensic information systems, criminal practice, information technology.

На сегодняшний день все чаще наблюдаются преступления, совершаемые с использованием информационных технологий. Так, согласно статистическим данным МВД России и Генеральной Прокуратуры Российской Федерации за 2022 год, было зарегистрировано на 22,5 % меньше криминальных деяний в сфере компьютерной информации. Также сообщается, что раскрываемость преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий, в 2022 году повысилась на 4,4% [4].

На преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, приходится около четверти (25,8 %) от всех зарегистрированных преступлений. Их массив продолжил сокращаться (-4,9 % 470,1 тыс.). Почти три четверти (72,8 %) таких преступлений совершается с использованием сети «Интернет» (+1,9%) [5].

Такой рост раскрываемости киберпреступлений связан с тем, что правоохранительные органы все чаще применяют обновленные методы и способы раскрытия преступлений, совершаемых с помощью информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Форензика является важной областью криминалистики, которая изучает и выявляет доказательства преступлений, а также их источники. Форензика является неотъемлемой частью судебных расследований и играет важную роль в установлении правды и справедливости. В данной статье рассмотрим понятие, характеристику и особенности форензики как раздела криминалистики.

Форензика (от латинского *forensis* – судебный) является методом исследования преступлений для выявления доказательств, связанных с преступлением, и определения их значимости для установления истины в суде. Форензика также изучает техники и методы поиска, сбора и анализа доказательств, которые могут использоваться в следственной деятельности.

Форензика почти не связана с такими традиционными разделами криминалистики, как баллистика, дактилоскопия, портретная экспертиза, трасология, баллистика, тэд, дактилоскопия, почерковедческая, экспертиза холодного оружия, фотографическая экспертиза.

Предмет форензики – это исследование и применение научных методов для расследования преступлений и выявления доказательств в судебных процессах. Он включает в себя изучение следов на месте преступления, сбор и анализ физических, химических и биологических доказательств, использование технических средств для восстановления событий, экспертизы и исследования.

Предмет форензики также включает в себя правовые аспекты, связанные с судебными процессами и правами подозреваемых, обвиняемых и свидетелей. Форензика используется в различных областях, таких как криминалистика, судебная медицина, бухгалтерский учет, компьютерная форензика и др.

Основная сфера применения форензики – исследование преступлений и выявление преступников. Форензика применяется в следующих областях:

1. Судебно-медицинская экспертиза: определение причины смерти, установление факта насильственной смерти, определение возраста и пола жертвы, идентификация по останкам тела и другие.

2. Криминалистическое и следственное исследование: исследование следов преступления на месте происшествия, исследование общих признаков и характеристик преступлений, установление связей между преступлениями и другие.

3. Киберфорензика: исследование компьютерных преступлений, обмана в Интернете и взлома информационных систем.

4. Финансовая форензика: исследование финансовых преступлений, включая мошенничество, отмывание денег и коррупцию.

5. Мобильная форензика: исследование мобильных устройств и изъятие информации, которая может быть использована в уголовном производстве [3, с. 15].

Для достижения цели, форензика использует различные методы и технологии. Вот некоторые из них:

1. Методы сбора доказательств:

– осмотр места происшествия: сбор и фиксация микроследов, пыли, волос, крови и других следов на месте преступления;

– сбор и анализ показаний свидетелей: получение информации от людей, которые были свидетелями преступления или имеют какие-либо иные сведения, относящиеся к уголовному делу;

– использование мобильных технологий: регистрация и анализ данных, полученных с мобильных устройств, GPS-навигации и других технологий;

– анализ финансовых транзакций: изучение финансовых отчетов, налоговых деклараций и других документов, связанных с финансовой деятельностью подозреваемого.

2. Методы анализа доказательств:

а) дактилоскопия: исследование отпечатков пальцев, поверхности кожи и других частей тела для идентификации личности подозреваемого;

б) анализ ДНК: изучение генетического материала, чтобы идентифицировать или исключить подозреваемых из списка подозреваемых лиц;

в) баллистика: анализ оружия и амуниции, использованной при преступлении, для установления источника выстрелов и их маршрута;

г) токсикология: анализ тканей и жидкостей, взятых из тела потерпевшего, для обнаружения наличия наркотиков, алкоголя или ядовитых веществ.

3. Методы интерпретации доказательств:

– экспертные заключения: исследование и анализ доказательств, полученных в процессе расследования, для обобщения выводов и вынесения экспертного заключения в уголовном деле;

– математическое моделирование: использование статистических и математических методов, для анализа, оценки и предсказания доказательств, которые могут использоваться в уголовном деле;

– криминалистический профайлинг: создание профиля подозреваемого или преступника на основе анализа его действий и поведения во время преступления.

Эти методы форензического анализа часто используются совместно друг с другом, чтобы получить максимально полное представление о преступлении и подозреваемом.

Форензика является неотъемлемой частью расследований уголовных дел. С помощью методов форензической экспертизы устанавливаются факты, необходимые для обвинения подозреваемых в преступлениях. Например, при расследовании убийства эксперты по форензике проводят исследование

обстановки места происшествия, анализируют доказательства и определяют причины смерти.

Важное значение форензика имеет и в судебных процессах. Форензические доказательства могут быть использованы для опровержения или подтверждения обвинений против подозреваемых. Экспертные заключения по форензической экспертизе могут являться ключевым доказательством в суде.

Форензическая экспертиза может иметь ряд форм. К примеру, при исследовании трупа очень важно провести патологоанатомический анализ, чтобы выяснить причины смерти. Эта информация может помочь полиции в локализации подозреваемых. Далее, при исследовании следов преступления, к примеру, крови, важно провести радиодиагностику для определения возраста и рода жертвы, анализ ДНК и т.д.

Таким образом, применение методов форензики является важным этапом в расследовании уголовных дел и судебных процессах. Эти методы позволяют выявить истину и обеспечить справедливое решение в деле.

Одной из особенностей форензики является то, что следы компьютерного преступления нематериальны, выходит, что обычный криминалист не сможет провести их изучение, так как не обладает познаниями в сфере IT-технологий. Именно поэтому для такого вида следов привлекаются IT-специалисты.

Как правило, форензикой занимаются криминалисты из IT-сферы, ведь при проведении следственных действий необходимо грамотно изучить, а также не повредить и не уничтожить все следы преступления, которые могли остаться, что порой бывает невозможно.

Процессуальное положение данных криминалистов закреплено в статье 57-58 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) [2].

При осуществлении осмотра вещественных доказательств и места происшествия, выемки и обыска необходимо участие специалиста, согласно ст. 57 УПК РФ.

А при осуществлении компьютерной экспертизы – эксперта, который правомочен давать заключение в пределах своей компетенции (ч.3 ст. 58 УПК РФ) [2].

Кроме того, форензические эксперты должны быть в состоянии определить правильность использования улик в суде. В этом задании ключевыми являются анализ компьютерной информации, телефонных записей и т.д. Также эксперты должны быть в состоянии правильно интерпретировать результаты медицинских экспертиз.

Сегодня форензическая наука является одной из самых важных областей криминалистики, и учитывая динамику развития современных технологий, эта область будет приобретать еще большее значение в будущем. Следовательно, борьба с преступностью будет еще более эффективной и комплексной. Важно отметить, что форензические исследования возможны только при наличии квалифицированных специалистов и современного оборудования.

Также к особенностям форензики можно отнести индивидуальность доказательств. В отличие от других областей криминалистики, таких как следственные методы и техники, которые основаны на стандартизированных процедурах, форензика является сильно индивидуализированной. Это означает, что доказательства должны быть тщательно изучены и анализированы, чтобы быть подтверждены в суде.

Еще одной особенностью форензики является ее быстрое развитие. Новые методы, технологии и техники постоянно разрабатываются и внедряются в работу форензических специалистов. Это требует постоянного обучения и повышения квалификации, чтобы быть в курсе всех последних разработок и технологий в этой области.

Форензический анализ использует различные технологии и инструменты для получения и анализа цифровых данных, которые могут помочь в раскрытии преступлений. Некоторые из них включают:

1. Имеющиеся файловые системы – можно найти различные файлы и цифровые следы преступника.
2. Специальное программное обеспечение для восстановления данных – для восстановления удаленных файлов и информации.
3. Операционные системы и базы данных – для поиска и анализа данных, наличие которых могут свидетельствовать о противоправных действиях.
4. Сетевые протоколы – для выявления активности преступника в сети.
5. Хакерские инструменты – для моделирования атак и поиска возможных источников утечек.
6. Криптографические алгоритмы – для расшифровки зашифрованных данных.
7. Интернет-следы – для выявления противозаконной активности в сети, включая поисковые запросы, электронную почту, социальные сети, интернет-трафик и другое.
8. Математические и статистические методы – для анализа полученных данных.

Все эти технологии помогают экспертам по форензике анализировать и логически связывать информацию с целью составления полной картины и раскрытия преступлений.

Примерами удачных расследований с использованием форензической экспертизы могут служить:

- 1) Решение убийства Кеннеди. Форензические эксперты смогли использовать материалы, полученные со снарядов, найденных на жертвах, для определения точного местоположения и направления выстрела.
- 2) Разрушение террористического лагеря Осамы бен Ладена. Форензические эксперты были использованы для идентификации погибших террористов, и для извлечения информации из найденных материалов.
- 3) Расследование дела о кровавом серийном убийце Джефффри Даммера. Форензические эксперты помогли выявить скрытые доказательства на местах преступлений, как например, резиновые наручники и хранилище изуродованных частей тел.

Недостатками и ограничениями этой области знаний могут быть:

а) ошибки в экспертизе, которые могут привести к невиновному осуждению или освобождению виновника.

б) недостаточная научная обоснованность в некоторых областях.

в) распространение мошенничества, когда многие псевдо-эксперты представляют себя как специалисты, но на самом деле не имеют должной квалификации и опыта.

Форензические методы могут быть применены в различных ситуациях для решения криминальных дел, а также для обеспечения безопасности информации в компьютерных системах. Ниже приведены несколько выводов и рекомендаций по применению форензических методов:

1. Форензические методы необходимо применять в соответствии с законодательством. Это важно для обеспечения юридической правомерности и недопущения нарушений прав и свобод человека.

2. Форензические методы могут помочь в расследовании кражи и других преступлений, а также помогают найти улики, которые могут помочь в решении дела.

3. Компьютерные форензические методы могут использоваться для обнаружения и защиты от кибератак. Такие методы могут выявить точку входа хакера, анализировать данные об атаке и попытаться восстановить утраченную информацию.

4. Рекомендуется использовать современные технологии и программные обеспечения для форензического анализа, так как они обладают большей точностью и эффективностью.

5. Эксперты-форензики должны иметь должный уровень квалификации и профессиональных знаний, чтобы обеспечить точность результатов анализа и справедливость решений в рамках права.

6. Для того, чтобы обеспечить форензическую безопасность в компьютерных системах, необходимо следить за обновлением антивирусного программного обеспечения, контролировать работу сетевых устройств, управлять доступом в систему и шифровать все важные данные.

7. Рекомендуется проводить регулярные проверки на безопасность для компьютерных систем и среды хранения данных, чтобы осуществлять своевременные корректировки и предотвращать возможные уязвимости.

8. Форензический анализ может быть полезен для тех, кто занимается бизнесом, так как позволяет сохранять информацию и предотвращать возможные потери при краже данных или же при рассмотрении спорных ситуаций.

9. Наконец, форензические методы могут быть использованы для выявления проблем с безопасностью в грузовых и пассажирских транспортных средствах, что поможет обеспечить безопасность пассажиров и пассажирских прав в целом.

В заключение можно сказать, что тема форензики становится все более актуальной в наше время. Развитие компьютерных технологий сделало

возможным расследование преступлений, основываясь на электронных доказательствах, таких как цифровые следы на жестком диске, мобильном телефоне или в интернете.

Форензические технологии используются не только в криминалистике, но и в корпоративной сфере, например, для проверки нарушений информационной безопасности.

Основные задачи форензики включают сбор, анализ, интерпретацию и представление доказательств в суде. Это требует высокой компетенции специалистов в области информационных технологий и криминалистики.

Одной из основных трудностей в работе форензиков является быстрое развитие технологий, которые создают новые способы совершения преступлений и оставления следов.

Таким образом, форензика остается одним из наиболее важных направлений в борьбе с преступностью и защите информационной безопасности. Важно поддерживать высокий уровень обучения и подготовку специалистов в этой области, а также разрабатывать новые методы и технологии для эффективного расследования преступлений.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации 17.06.1996, № 25, ст. 2954.

3. Федотов Н.Н. Форензика – компьютерная криминалистика: монография / Н.Н. Федотов. – Изд. «Юридический мир», 2020. – 360 с.

4. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/?year=2023&month=1&day=20/> (дата обращения: 20.04.2023)

5. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России // Генеральная Прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 20.04.2023)

УДК 340.15+ 342.56

**EVOLUTION OF THE LEGAL STATUS OF A REPRESENTATIVE
IN THE RUSSIAN CIVIL LITIGATION**

*Potapova Lyubov Sergeevna, Law Institute of Sevastopol State University, Sevastopol,
E-mail: LybovPSsev@yandex.ru*

Abstract. *The article analyzes the history of the formation and development of legal regulation of the status of a judicial representative. The imperfection of the experience of legal constructions at certain stages of the development of society is noted. Together, based on the historical experience of the formation and development of judicial representation, it is concluded that it is necessary to conduct a comprehensive study of the current state of this sphere, taking into account constitutional principles, in terms of finding optimal solutions for unified legal regulation to a gradual transition to the course of professionalization of representatives.*

Аннотация. *В статье проводится анализ истории становления и развития правового регулирования статуса судебного представителя. Отмечается несовершенство опыта правовых конструкций на отдельных этапах развития общества. В совокупности, опираясь на исторический опыт становления и развития судебного представительства, делается вывод о необходимости проведения комплексного исследования современного состояния данной сферы с учетом конституционных начал в части поиска оптимальных решений унифицированного правового регулирования к постепенному переходу на курс профессионализации представителей.*

Key words: *litigation process, judicial representation, representative, attorney at law, advocate.*

Ключевые слова: *судебный процесс, судебное представительство, представитель, присяжный поверенный, адвокат.*

The formation of a modern legislative model of judicial representation, in particular, the formation of the legal status of a judicial representative, in the domestic legal system is the result of the consistent natural formation and development of this institution, which is due to internal historical processes occurring in society at different stages of its consciousness. The gradual transformation of emerging social relations, acquiring the character of legal relations, in their rich diversity (social, cultural, economic, legal, including procedural), proceeded inextricably with the formation of statehood, the complication of the legal system, in particular, the emergence of the judicial sphere, an integral element which were the norms on judicial representation. In the history of the development of the legal regulation of judicial representation, the following main periods are rightly distinguished [1].

The first stage covers the period before the reform of 1864. The oldest legal monument of Ancient Rus' is Russkaya Pravda of the 10th-12th centuries. did not contain any mention of judicial representation. It is customary to count the formation of the origins of judicial representation in scientific circles with the fixing of written

norms on judicial representation in such legal sources as the Pskov and Novgorod (XV century) judicial charters [2].

The text of the articles of the Pskov Judicial Charter contains the concepts of «mercenary fighter» and «accomplice». The so-called accomplices, original representatives, were initially allowed to have women, minors, monks, deep elders and the deaf, then everyone received this right. According to Art. 21 defendants (an elderly person, a minor, a handicapped person, a priest or a monk) were given the right, in the event of a judicial duel-field (one of the evidence in the absence of other convincing evidence in the dispute from the parties), to put forward a mercenary fighter for herself, and a woman could put up a mercenary in litigation with a man [3]. Another limitation of the Pskov Charter forbade representing a person endowed with power (Article 69) [4], since, apparently, the latter could influence the court with authority and authority. More humane in terms of representation was the Novgorod Judicial Charter, which allowed almost all citizens to hire attorneys [5]. The laws of Novgorod and Pskov provided both litigants with an equal right to the attention of the court, and judicial representation at that time began to be hired or related in nature and was widespread.

Later acts – the Sudebniks of 1497 and 1550 also retained adversarial principles and did not separate the civil and criminal proceedings, only the system of crimes was separately fixed. As for the norms on legal representation, this right could be used and hired by the elderly, children, priests, monks, women, interests could also be represented by solicitors and guarantors. The norms of the Council Code of 1649 established the possibility of participation in the court of a representative acting on behalf of the plaintiff or defendant in case of their illness [5].

In the early period of the development of the state, with the strengthening of management functions in the monuments of Russian law, the formation of the norms of judicial law is observed, in which a view is formed on the procedural representation, reflecting its essential purpose – to act in defense of other persons. The emerging legal relations were imperfect, giving the right to freely choose any person to replace the interests, however, only to certain categories (women, the elderly, priests, etc.), but the common denominator, indicating the proximity and the first prototypes of the institution of representation, was the right to represent the interests of relatives, as well as hirelings.

Detailing the procedural sphere continues in the era of the reign of Peter I. The accession to the throne of Peter I changed not only the socio-economic and political development of Russia, but also influenced the formation of a new judicial system [6] since there was a complete transition to absolutism, which marked the concentration of all power in the hands of the king. In the early period, adopted by the Decree of Peter I «On the abolition of confrontations in court cases, on the existence of interrogation and search instead of them, on witnesses, on the removal of them, on the oath, on the punishment of perjurers and on duty money» dated February 21, 1697 essentially, the «court» (adversarial process) is canceled and only «search» [7] (civil and criminal) is introduced in all cases, which implied the strengthening of the role and full conduct of the process by the court (and in especially important cases by the king himself) to prevent violations of the established legal order and in order not to delay the process.

Subsequently, the competitiveness in the process was restored and for the first time in Russia in 1715, the Military Regulations of Peter I fixed the term «advocate» [8], which is interpreted as permission for the petitioner, the defendant, in the presence of important reasons or illness, to send advocate or another person to court instead of himself. Then, by the Decree of Peter I “On the form of the court” of November 5, 1723, the search was canceled and the court was reintroduced as the only form of process in all categories of cases [7], the parties were allowed to send any person to the court only with letters from believers, a kind of power of attorney, confirming status.

Later, in 1832, the first in Russia Charter of Commercial Litigation [9] was adopted, which partially regulated the activities of judicial representatives in the trade sphere. This activity could be carried out only by persons registered in a commercial court (prototypes of arbitration courts) as a court solicitor. To get on the list and register in this status, the applicant had to submit to the court the documents that he himself recognizes as necessary, for example, a certificate, service record and other certificates of rank and behavior. In this case, the court either registered the person as a court solicitor, or announced a verbal refusal without explanation.

In general, the law of the pre-reform period can be spoken of as a stage in the formation of legal regulation in the field of judicial law, including representation. Despite the consolidation of certain procedural norms, for example, the introduction of the category «advocate» under Peter I, the establishment of commercial courts in which the activities of court solicitors were carried out, there was no indication in the sources of the right to the status of a judicial representative in terms of determining his rights and obligations, responsibility, as well as the decision to become a representative in court remained free for all persons. The individual attempts made to organize admission to commercial courts with confirmation of authority by the documents provided, indicating the professional suitability and skills of the person, could not reflect the effectiveness of this structure, since the requirement was not mandatory and the documents were presented only at the discretion of the candidate.

A new round – the period of great reforms (1860-1870) during the reign of Alexander II was due to fundamental changes in the entire system of society, in particular, the previous abolition of serfdom in 1861 and the emergence of millions of free peasants, as a result of which the ordering of social relations was required.

The judicial reform of 1864 brought fundamental changes, in the course of its implementation a new type of judiciary and legal proceedings was laid down – general and world judicial institutions were created, replacing the system of pre-reform courts, charters were developed and adopted, on the basis of which the process was to be carried out, institutions of the prosecutor's office were established, notaries, sworn attorneys.

The preparation of the judicial reform began as early as 1857 with the participation of well-known lawyers and lasted until November 20, 1864, when, after consideration in the State Council, the tsar approved the Judicial Charters. The new legislative act consisted of four parts: 1) the statute of civil proceedings, 2) the statute of criminal proceedings, 3) the statute on judicial places (or the establishment of judicial establishments) and 4) the statute regulating the activities of newly established magistrates' courts [10], there was a process of fundamental renovation of the judicial

system, its democratization, which seriously expanded the legal sphere of citizens, fixing an open, competitive process with the participation of a corps of representatives – jurors and private attorneys.

Section II of Chapter IX of the institution of judicial rulings is devoted to the legal status of sworn attorneys, which defines the general requirements for these persons, and Chapter II «on attorneys» of the charter of civil proceedings, which fixed the procedure for the entry into the process of sworn attorneys, including other persons, along with attorney.

The legal status of sworn attorneys is fixed in detail, the requirements for this category of persons are established: 25 years of age; educational qualification – a diploma of higher educational institutions is required to complete the course of legal sciences; professional experience – at least five years in judicial activity. Separately, a list of persons who did not have the right to acquire the status of an attorney is established (illiterate, underage, clergy, foreigners, persons under investigation, guardianship, students before graduation, expelled from service for vices, etc.). To acquire the status, a sworn attorney had to submit a petition and be admitted to the board of attorneys, which was assigned to the court chamber and acted in a certain territory at the location of regional courts [11]. The signs of corporatism and self-government of the organization of the corps of judicial representatives are fixed: their own governing bodies are formed – the council and the general meeting. It should also be noted that the circle of powers and duties of a sworn attorney is fixed, the observance of which is mandatory and, in case of deviation from these requirements, may be an independent subject of consideration at a meeting of the council. Attention is paid to the duties of the attorney to keep the secret of the subject of the appeal of the litigant.

Along with the attorney, other persons who were not members of the judicial chambers had the right to represent, whose status was not regulated in detail, but, by definition, was subject to the general rules of the charter of legal proceedings, in terms of the prohibition to act as attorneys for certain categories of persons. Attorneys at law and other persons elected as such had the right to enter the process either at the verbal statement of the litigant, about which he signed in the judge's journal, or stated in the written petition of the litigant, or when indicated in a special power of attorney written on plain paper [eleven]. Also, a special basis for the entry of an attorney into proceedings in a civil case was the appointment at the direction of the jury when the litigant applied, as well as by decision of the chairman of the court.

In the era of the reign of Alexander II, the judicial system was modernized – the fundamental principles of publicity and competitiveness of legal proceedings were approved, the guarantee of the functioning of which was the approval of a corps of sworn attorneys who had a full legal status to represent the interests of the principal, acting on the basis of professionalism and self-government, which undoubtedly consolidated and strengthened the role of the institution of representation and predetermined the existence of an effective mechanism for protecting the rights of citizens. Taking into account the experience of reforming the judicial system of 1846, in particular, the institution of representation under study, which includes the norms defining the legal status of attorneys, which, in fact, were general and partly applied to

all persons entitled to represent, is relevant and has common features in its legal structure. relevant institution in modern legal regulation.

The third stage comes with the change of power, the Soviet period begins in Russia, which begins in 1917 with the October Revolution and will last until 1991. With the change of power, the legal order is being updated, which has also affected the judicial representation, which is going through hard times in its development. The very first Decree of November 22 (December 5), 1917 No. 1 «On the Court» [5] abolished representation and ruled: «Every person can act as a defense advocate, as long as he or she has a correct consciousness» t.e. representation as a procedural institution, which had certain criteria since 1864, loses its status, and from that moment on, any Soviet citizen can be a human rights defender in court without presenting any requirements.

On the way to finding an alternative to the abolished institution of attorneys, state-subsidized collegiums of legal defenders are being established in the form of public protection, provided for by the Decree of February 15, 1918 No. the right to choose their own representative.

After the adoption of the Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 30, 1918, which approved the Regulations on the People's Court of the RSFSR, the colleges of defenders began to be called collegiums of defenders, prosecutors and representatives of the parties in civil proceedings, acting under district and provincial executive committees approved by the Soviets, receiving a monetary allowance in the amount of salary [12]. The interests of citizens in civil cases could be represented by members of the collegium, and only upon a petition filed with the Collegium Council with a request to appoint a representative, close relatives (parents, children, spouses, brothers, sisters), as well as legal advisers of Soviet institutions. This situation required certain adjustments, taking into account the socio-economic situation, and did not last long until the adoption of a new procedural law that established the institution of representation and the decision to create a Soviet advocacy.

On May 26, 1922, by a resolution of the III session of the All-Russian Central Executive Committee of the IX convocation, the Regulations on the Bar – the Bar Association, which had a special structure and independent functions, were approved. It was pointed out that, in addition to members of the collegium, family representation, state institutions, trade unions, other public associations and professional organizations were allowed, a separate category was representation by other persons, which were allowed only with the special permission of the court [13].

Already in 1923, by the Decree of the All-Russian Central Executive Committee, the first Civil Procedure Code of the RSFSR was put into effect, which singled out 9 articles in a separate chapter that institutionalized representation in court. The norms of this procedural code provided for the right of the parties to speak in person or to involve a representative (on a voluntary basis, as well as by appointment), among which could be legal representatives, persons who were members of the college of defenders, representatives of trade unions and work collectives, as well as other persons admitted court in a particular case. Representatives were empowered to exercise all procedural rights upon an oral application of a party in court or by a special power of attorney, with the exception of special powers, about which a

reservation was necessary [14], which marked the beginning of the formation of legal regulation of the institution of judicial representation in the Soviet period, taking into account the principle of adversarial parties.

On August 16, 1939, the Soviet Russian Bar Association was finally formed with the adoption by the Council of People's Commissars of the USSR of the «Regulations on the Bar Association of the USSR», in accordance with which bar associations were created to help the population, acting on the basis of self-government on all issues of the functioning of the board. Members of the collegium could be persons who had a higher legal education with at least one year of practical experience in justice [13].

Then, in the 1960s, the codification of Soviet law took place, in particular, the specification of the norms of the institution of judicial representation continued in Chapter 5 of the Code of Civil Procedure of the RFSFS of 1964. A wider circle of representatives was determined in comparison with the procedural code of 1923 (advocate; legal representatives – parents, guardians; employees of state institutions and organizations, trade unions, persons authorized by law or the charter of organizations, as well as other persons admitted by the court). The circle of persons who did not have the right to act as representatives is outlined. The representative had the right to exercise all procedural rights, which had to be confirmed by a notarized power of attorney or a power of attorney certified by the head of the organization, the institution where the principal studies, works, on behalf of the legal entity, the power of attorney of the head of the organization was issued, the advocate must be provided with an order issued by legal advice [15]. The range of special powers should have been reflected in the power of attorney. Moreover, the procedural legislation operates with the concepts of procedural legal capacity and legal capacity, which extends to the institution of representation as well. There is an ordering of the norms of judicial representation, reflecting its institutionalization through the regulation in the procedural legislation of the circle of persons entitled to protect interests, as well as the definition of their powers and the procedure for registration.

The law of the Soviet period has gone from the complete deinstitutionalization of judicial representation, abolishing all its forms that have existed since 1864, establishing popular representation with the subsequent introduction of bar associations under the leadership of state principles, which, taking into account existing economic formations, as well as at all previous historical stages development of society, required a timely response from the legislator and reform of the relevant areas and indicated the need for codification of the norms on representation, thereby developing the legal regulation of the procedural protection of the parties as an independent civil procedural category with its inherent features.

And finally, the fourth stage in the development of the institution of representation is the modern one, which dates back to 1991 to the present day. Significant changes in social relations that have spread since the beginning of the 90s, as well as the constitutional declaration in 1993 of the legal foundations of a democratic state, guaranteeing as one of the basic rights of everyone to judicial protection and receiving qualified legal assistance, which predetermined the need for a radical review of the organization of all spheres society, including the judiciary, an

integral element of which are the rules governing the legal status of persons exercising representation and their functions.

The institution of representation was introduced into all procedural spheres of Russian sectoral legislation, respectively, by codified acts adopted by the legislator. Despite the general procedural nature, in the sectoral legislation at present, the requirements for representatives are not unified.

Thus, in the civil procedural sphere for a long time since the adoption of the code, the rule was preserved according to which all capable persons whose powers to conduct a case are properly executed have the right to represent [16] and this situation existed until 2019, when, in the light of the procedural reform, there was a tendency in the formation of a single professional basis – a qualifying criterion for the legal status of a representative is introduced – an educational qualification: advocate and other persons providing legal assistance who have a higher legal education or a degree in law can represent, with the exception of district and magistrate courts, where these requirements do not apply, as well as legal representatives, patent attorneys and other categories of persons to whom these requirements do not apply.

A general vector aimed at professionalism is necessary to increase the level of legal protection of citizens, on the one hand, and on the other hand, the effectiveness of the administration of justice by ensuring competitiveness and equality of the parties.

Representation in its literal sense has existed for many centuries, but has manifested itself in various forms. The development of society, state structure and government tirelessly led to the improvement of the legal regulation of social relations and, if at the pre-reform stage, representation was not developed and was allowed only in relation to relatives and social strata of the population, then with the change of power, socio-economic conditions and the onset of the post-reform period of procedural special attention was paid to the sphere – judicial representation was fixed in the corps of professional participants – sworn attorneys, along with whom all other citizens had the right to act as defenders in court. The norms were transformed and at each historical stage the representation developed, while undergoing characteristic difficulties in certain historical periods and acquiring the current form of existence, continuing to be the subject of legislative reform, the main vector of which is the qualified and effective representation of the interests of citizens and the presentation of increased requirements for persons speaking in their defense.

Reforming the institution of judicial representation at the present stage requires a comprehensive study, taking into account social orientation and the availability of high-quality legal assistance for citizens, as well as establishing not only qualification criteria, but also researching the issues of responsibility of judicial representatives in order to find optimal solutions, taking into account the historical past experience.

References:

1. Bychikhin A. V., Rubanov S. A. The historical aspect of the development of the institution of judicial representation // Actual research. 2019. № 1 (1). pp. 24-27.
2. Collection of domestic legal sources of the XI-XXI centuries on the history of the legal profession. M., 2005. pp. 44-45.

3. Pskov Judicial Charter // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. 2015. № 7. pp. 146-160.
4. Perepelkina N.V., Kuskov A.S. Evolution and legal essence of representation in civil law and process // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. № 9. p. 92.
5. Klishina A.A., Shugaeva A.A. Advocacy and advocacy: a textbook for undergraduate and specialist / ed. A.A. Klishina, A.A. Shugaeva. 2nd ed., corrected. and additional. M.: Yurayt Publishing House, 2018. 492 p. (Series: Bachelor and Specialist).
6. Ryzhov D.V. Judicial reform of Peter I in the legislation of the Russian Empire at the beginning of the XIII century // JUP. 2017. № 3 (82). pp. 11-15.
7. Akishin M.O. Judicial reform of Peter I: dis. ... cand. legal Sciences. SPb., 2005. P. 206.
8. Lyapina D.R. Features of the formation and development of the legal profession and advocacy in Russia during the XV-XX centuries // Problems of Economics and Legal Practice. 2010. № 3. pp. 47-49.
9. Rybkina, K.V. Commercial courts in Russia in the period up to October 1917 // Alley of Science. 2021. Vol. 1. № 12 (63). pp. 217-230.
10. Karpachev M.D. Judicial reform of 1864 in Russia: a step towards a rule of law state // Judicial power and criminal procedure. 2014. № 3.
11. Smolensky M. B. C 51 Advocacy and advocacy of the Russian Federation. Series «Higher Education» – Rostov n / D: «Phoenix», 2004. 256 p.
12. On the People's Court of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (Regulations): Decree of the All-Russian Central Executive Committee of November 30. 1918 // SU RSFSR. 1918. № 85, art. 889.
13. About advocacy. Story. Soviet Advocacy // Official website of the Federal Chamber of Advocates // URL: <https://fparf.ru/on-bar/history/sovetskaya-advokatura/>.
14. Code of Civil Procedure of the RSFSR (1923) // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. 2015. № 9. pp. 198-213.
15. Code of Civil Procedure of the RSFSR // Bulletin of the Supreme Court of the RSFSR. 1964. – № 24.
16. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Feder. Law of October 14, 2002. № 138-FZ: [ed. dated 09.12.2015] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532; 2015. № 48 (Part I). Art. 6724.

УДК 341.4

**ОПЫТ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ
В ИНДОНЕЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ**

Жигadlo Никита Павлович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: zhigadlo96@list.ru

Кондратьев Максим Витальевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: maksim.kondratev.0101@mail.ru

Рябцева Светлана Юрьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: Srabceva847@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Соединенные Штаты Индонезии, также как и Российская Федерация, имеют большие проблемы с ростом коррупционных преступлений. Ученые Индонезии отмечают неэффективность действующей пенитенциарной системы и подхода к исправлению преступников коррупционной направленности. Отмечаются пути разрешения проблем коррупционных преступлений в Индонезии. На основе существующего опыта исправления коррупционеров-преступников, ошибок в исправлении, а также предлагаемого опыта, предлагаются пути решения проблем борьбы с коррупцией в уголовно-исполнительной системе России. Изучен также опыт большого количества иных стран в сфере борьбы с коррупционной преступностью. Научная статья построена на изучении индонезийской научной литературы, и, соответственно, сравнительно-правовом анализе антикоррупционной политики Индонезии и Российской Федерации.

Ключевые слова: антикоррупционная стратегия, коррупция, конфликт интересов, исправительная система Индонезии, Индонезия, зарубежный опыт, уголовно-исполнительная система.

Abstract. The United States of Indonesia, as well as the Russian Federation, have big problems with the growth of corruption crimes. Indonesian scientists note the inefficiency of the current penitentiary system and the approach to correcting corruption-oriented criminals. The ways of solving the problems of corruption crimes in Indonesia are noted. Based on the existing experience of correcting corrupt criminals, errors in correction, as well as the proposed experience, the ways to solve the problems of combating corruption in the Russian penal system are proposed. The experience of a large number of other countries in the fight against corruption crime has also been studied. The scientific article is based on the study of Indonesian scientific literature, and, accordingly, a comparative legal analysis of the anti-corruption policy of Indonesia and the Russian Federation.

Key words: *anti-corruption strategy, corruption, conflict of interest, correctional system of Indonesia, Indonesia, foreign experience, angles*

В Индонезии остро стоит проблема борьбы с коррупцией, в том числе и в исправительной системе данного государства. Регулярно происходит большое количество коррупционных преступлений, которым дается широкая огласка. Как отмечают в научных источниках, коррупция распространена от правительства государства до местного уровня [5]. В Индонезии коррупцию называют раком, которые распространяется на клетки государственных органов и инфицирует все государственные ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Рост коррупции на местном уровне прямо пропорционален его росту на уровне государства [7].

Искоренение коррупции высшая цель Соединенных Штатов Республики Индонезия для улучшения благосостояния граждан и усиления государства, а также достижения иных национальных целей [3]. Коррупция может быть повержена только коллективно, когда нетерпимость к ней будет идти от всех граждан как нетерпимость к расизму, фашизму и иным радикальным явлениям, существующих и существовавших в мире [2].

Коррупционные преступления в Индонезии приводят к следующим страшным последствиям:

- снижение доверия к Правительству;
- снижение авторитета государства в обществе;
- сокращение государственных доходов;
- хрупкая безопасность и устойчивость государства;
- личное психическое разрушение личности коррупционера;
- правовой нигилизм.

Пенитенциарная система Индонезии создана с целью воспитания и исправления личности, возврата в общество более лучшего человека, чем он был до отбывания наказания. В Индонезии лица, совершившие преступления коррупционной направленности, содержатся в местах лишения свободы, специально созданных для таких лиц. Одно из них, исправительное учреждение в провинции Западная Ява в г. Бандунге «Sukamiskin». Система исправления в коррупционной тюрьме направлена на прививание уважения и веры в религию, улучшения поведения, повышения интеллектуальных навыков, а также исключение коррупционной направленности и осознание своих ошибок.

Однако как указывают в научной литературе [4], осужденные в данном учреждении содержатся в «роскошных» условиях и их исправление не происходит, а наоборот, становится только хуже. Это свидетельствует о моральной деградации правоохранительных органов. Тюрьма «Sukamaskin» располагает комнатами с кондиционерами, ЖК-телевизорами, холодильниками, мойками, ванными комнатами с душем и бойлером, а также с унитазом. Такой подход, по мнению ученых, не имеет должного эффекта на коррупционеров.

Исправительное учреждение для коррупционеров создана как крайняя инстанция исправления таких преступников, однако она потакает их интересам и запросам в части условий отбывания наказаний. Коррупционеры должны наказываться более строго, чем лица, совершившие более тяжкие преступления. При этом, Минюст Индонезии не может ухудшить условия коррупционеров, поскольку преступления коррупционной направленности считаются обычными преступлениями относительно терроризма, незаконного оборота наркотиков и других преступлений [6].

Индонезийцы считают, что нынешняя мера наказания для коррупционеров является мягкой. Тюрьма не «пугает» коррупционеров Индонезии, а количество осужденных за коррупцию, при этом, растет. Тем самым, можно сделать вывод, что, если тюремное заключение не является помехой совершения коррупционных преступлений, то необходимо внедрение иных видов уголовного наказания. Ученые отмечают, что уголовное законодательство Индонезии закрепляет минимальную санкцию в виде лишения свободы для коррупционеров – 2 года, что никак не влияет на преступника [1].

Индонезийские ученые предлагают использовать опыт КНР, Вьетнама, Малайзии, Саудовской Аравии и Сингапура. Данные государства осуществляют смертную казнь в виде обезглавливания или расстрела в отношении коррупционеров. Также, Соединенные Штаты Америки высылают коррупционеров из страны, в Йемене полагается пожизненное лишение свободы, а в Японии создана культура вечного позора для таких лиц (фактически поражение в гражданских правах). В Южной Корее схожая с Японией политика, при этом, гражданин изгоняется также из семьи и общества в целом. Политика Северной Кореи направлена на искоренение коррупции показательными примерами. Так, дядя Ким Чен Ына был расстрелян, а его тело отдано на растерзание собакам и после чего было выставлено на всеобщее обозрение.

Индонезийское антикоррупционное законодательство слабо, не является сдерживающим фактором для преступников. Имеющийся институт ремиссии еще сильнее усугубляет коррупцию, поскольку лицо может досрочно освободиться и через некоторое время снова баллотироваться на государственную должность.

Предлагается усиление борьбы с коррупцией посредством введения смертной казни для коррупционеров (смертная казнь для иных видов преступлений в государстве имеется и реализуется). Кроме того, борьба с коррупцией должна быть тесно связана с культурным и религиозным аспектами. То есть граждане должны воспринимать коррупцию как грех и неуважение государства, не следование целям страны.

Предлагается следующая модель исправления осужденных-коррупционеров:

Первый этап. Осужденный отбывает лишение свободы в виде 1/3 от представленного приговором суда срока. Ему запрещено видаться со своим адвокатом, родственниками и получать поддержку семьи.

Второй этап. Осужденный, после отбытия 1/3 срока, назначается на низшую должность (например, уборщик) в учреждение или орган, в котором совершил преступление. При этом, все еще также запрещены контакты с семьей.

Третий этап. Осужденный освобождается от отбывания наказания с сохранением лишения прав на занятие государственной должности и наличием обязательств возмещения вреда перед государством. Осужденный может улучшить свой правовой статус путем сообщения о совершенных или потенциально совершенных коррупционных преступлениях.

Таким образом, мы провели исследование современного состояния антикоррупционной борьбы в Соединенных Штатах Индонезии. Мы выделили имеющуюся ситуацию в государстве, имеющиеся аспекты борьбы с коррупцией, проблемы, а также пути решения на основе научной литературы индонезийских ученых и опыта иных государств.

В настоящей научной работе проведено мультигосударственное антикоррупционное исследования. На основании имеющегося эмпирического материала, мы считаем, что необходимо внесение следующих изменений в организационный и правовой аспекты борьбы с коррупцией в уголовно-исполнительной системе и государстве в целом:

1) внесение изменений в Концепцию развития УИС России до 2030 г. и планирование до 2030 г. [8] построения учреждений специально, предназначенных для коррупционеров. В настоящее время имеются учреждения для бывших сотрудников, судей и государственных служащих, однако там содержатся по всем статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [9, с. 15]. Создание специализированных учреждений для коррупционеров позволит сосредоточить в себе исключительно таких преступников. В такой ситуации наиболее легко будет продумать и разработать исправительную программу, применяемую исключительно для таких учреждений уголовно-исполнительной системы России;

2) усиление санкции за преступления коррупционной направленности в категорию особо тяжких преступлений для увеличения фактора воздержания от актов коррупции в связи с тяжестью уголовного наказания [9, с. 16]. Изменение категории преступления позволит также ухудшить права коррупционеров на условно-досрочное освобождение и иные возможности досрочного освобождения от уголовного наказания или освобождения от уголовной ответственности;

3) применение трехэтапной системы исправления коррупционеров, которая предлагается для Индонезии, только с некоторыми правками под правовые реалии нашего государства.

На первом этапе осужденный отбывает 2/3 уголовного наказания в специализированном учреждении для коррупционеров, ему запрещены краткосрочные и долгосрочные свидания с семьей, а также получение посылок и бандеролей. Контакты с адвокатом мы запретить не можем, поскольку это конституционное право на высококвалифицированную юридическую помощь.

На втором этапе осужденный направляется на совершение работы низшего уровня в место совершения коррупции. Например, начальник исправительного учреждения направляется в учреждение, в котором служил и совершил коррупционное преступление на должность уборщика. Контроль за ним осуществляется сотрудниками подразделений уголовно-исполнительных инспекций или службой пробации, которая должна быть создана в рамках Концепции развития УИС России до 2030 г.

На третьем этапе осужденный освобождается от отбывания наказания с поражением в гражданских правах и дальнейшим возмещением ущерба и может быть ослаблен в ограничениях за сообщение о коррупционном преступлении.

Список использованной литературы:

1. Andi Hamzah. (2005). Corruption In Indonesia, Problems And Solutions. Bandung: PT Gramedia Pustaka Utama.
2. Badjuri, A. (2011). The role of the corruption eradication commission (KPK) as an anti-corruption institution in Indonesia, 18(1), 84-96.
3. Bambang Waluyo. (2014). Optimization Of Corruption Eradication In Indonesia, 1(2), 169-182.
4. Mahardika D. et al. Formulation of Correctional System Model in Corruption Enforcement in Indonesia // International Journal of Criminology and Sociology. – 2021. – Т. 10. – С. 866-871.
5. Rahman, F. (2011). Corruption at the village level. 3 Te, 13-14.
6. Ridwan Zachrie Wijayanto. (2009). Corruptio In Indonesia. JAKARTA: Gramedia Pustaka Utama.
7. Zainul, Muhammad, A. (2019). Corruption Of Licensing In The Course Of Regional Autonomy In Indonesia, 5, 887-896.
8. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 г.: распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Российская газета. 2021.
9. Упоров А.Г. Развитие интернета и принцип территориальности в международном праве / А.Г. Упоров // Международное публичное и частное право. – 2022. – № 3. – С. 15-17.

УДК 342.92

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ
РЕЖИМ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ**

Жигadlo Никита Павлович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: zhigadlo96@list.ru

Шумская Виктория Алексеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: vikuha692@gmail.com

Рябцева Светлана Юрьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: Srabceva847@gmail.com

Рождественский Иван Константинович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: usb99@mail.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Специальный административно-правовой режим военного положения в России наделяет военные и государственные органы широкими полномочиями по реагированию на угрозы безопасности и чрезвычайные ситуации. Хотя режим может быть эффективным инструментом обеспечения общественной безопасности, он также вызывает беспокойство по поводу нарушений прав и свобод человека и возможности злоупотребления властью. В данной статье анализируется правовая база режима, рассматриваются ситуации, при которых он может быть введен, и оценивается его влияние на права и свободы граждан. Мы приходим к выводу, что введение специального административного положения о военном положении должно быть крайней мерой и что этот режим должен применяться таким образом, чтобы уважать права и свободы личности и обеспечивать прозрачность и подотчетность.

Abstract. The special administrative and legal regime of martial law in Russia gives military and state bodies broad powers to respond to security threats and emergencies. While the regime can be an effective tool for ensuring public safety, it also raises concerns about violations of human rights and freedoms and the possibility of abuse of power. This article analyzes the legal framework of the regime, examines the situations in which it can be introduced, and assesses its impact on the rights and freedoms of citizens. We conclude that the introduction of a special administrative provision on martial law should be a last resort and that this regime should be applied in such a way as to respect the rights and freedoms of the individual and ensure transparency and accountability.

Ключевые слова: специальный административно-правовой режим военного положения, угрозы безопасности, внешняя военная угроза, угроза конституционному строю, стихийные бедствия или техногенные катастрофы, права и свободы человека, демократия, прозрачность, подотчетность.

Key words: *special administrative and legal regime of martial law, security threats, external military threat, threat to the constitutional order, natural disasters or man-made disasters, human rights and freedoms, democracy, transparency, accountability.*

Введение

Военное положение – это особый правовой режим, который вводится правительством в период чрезвычайного положения или кризиса. Этот режим наделяет правительство и военные власти большими полномочиями по поддержанию общественного порядка, обеспечению национальной безопасности и реагированию на чрезвычайную ситуацию или иную угрозу безопасности. Применение военного положения является спорным вопросом, поскольку может иметь существенные последствия для прав и свобод граждан, а также для стабильности и функционирования правительства [1, с. 620].

В России военное положение регулируется Федеральным Конституционным законом «О военном положении» [2], в котором изложены обстоятельства, при которых может быть объявлено военное положение, полномочия, которые могут осуществляться в условиях военного положения, а также права и свободы граждан, защищаемые при введении военного положения.

Одной из форм военного положения в России является специальный административно-правовой режим [3, с. 111]. Этот специальный правовой режим применяется в определенных регионах или территориях страны и предназначен для устранения конкретных угроз безопасности или чрезвычайных ситуаций. В период введения специального административно-правового режима военного положения, государственные и военные органы имеют право ограничивать передвижение людей и транспортных средств, вводить комендантский час, ограничивать массовые собрания.

Введение особого административно-правового режима, является деликатным балансированием между поддержанием общественной безопасности и безопасности при защите прав и свобод граждан. Таким образом, решение о введении военного положения должно приниматься с должным учетом потенциальных последствий и воздействия на общество.

В этой научной статье мы рассмотрим специальный административно-правовой режим военного положения в России, в том числе его правовую основу, обстоятельства, при которых оно может быть введено, полномочия, которые могут быть реализованы, и влияние, которое оно оказывает на права и свободы граждан.

Описание проводимого исследования

Конституция Российской Федерации предусматривает введение военного положения в случае внешней агрессии, угрозы конституционному строю, стихийного или техногенного бедствия, создающего угрозу безопасности страны. Решение о введении военного положения принимается Президентом Российской Федерации и должно быть одобрено Советом Федерации. Федеральный закон «О военном положении» определяет правовые основы

военного положения, в том числе полномочия государственных, военных и правоохранительных органов, а также права и обязанности граждан [4, с. 30].

Данное положение может быть объявлено в нескольких случаях. Федеральный закон «О военном положении» выделяет три основных обстоятельства, при которых может быть объявлено военное положение:

1. Внешняя военная угроза: военное положение может быть объявлено, если стране существует внешняя военная угроза. Это может включать вторжение иностранной державы, угрозу нападения или другие виды военной агрессии. Если такая угроза будет сочтена достаточно серьезной, чтобы оправдать введение военного положения, правительство и военные власти будут иметь больше полномочий для поддержания общественной безопасности, а также для реагирования на угрозу. Эти полномочия могут включать в себя возможность ограничивать передвижение людей и транспортных средств, вводить комендантский час и ограничивать общественные собрания. Военные также могут быть призваны для помощи в поддержании порядка и реагировании на внешнюю угрозу [5, с. 87-88].

2. Угроза конституционному строю: военное положение также может быть объявлено, если существует угроза конституционному строю страны. Это может включать переворот, попытку свержения правительства или другие действия, угрожающие стабильности и функционированию правительства.

3. Стихийные бедствия или техногенные катастрофы. В случае стихийных бедствий, таких как ураганы, землетрясения или лесные пожары, военное положение может быть использовано для облегчения эвакуации пострадавших, предоставления неотложной медицинской помощи и поставок, а также обеспечения основных услуг, таких как продукты питания, вода и электричество, необходимые нуждающимся. Военные могут быть призваны для оказания материально-технической поддержки и помощи в усилиях по оказанию помощи, включая транспортировку припасов и персонала [6, с. 106-107].

В случае техногенных катастроф, таких как террористические акты или промышленные аварии, военное положение может быть использовано для обеспечения безопасности пострадавших районов, расследования причин катастрофы и задержания виновных. Военные также могут быть привлечены для обеспечения безопасности и защиты критической инфраструктуры и ключевых общественных объектов, таких как аэропорты, порты и электростанции.

Хотя введение военного положения в ответ на стихийные бедствия или техногенные катастрофы может быть эффективным средством защиты общественной безопасности и восстановления порядка, оно также может вызывать опасения по поводу возможности злоупотребления властью и подрыва гражданских прав и свобод. Поэтому важно, чтобы любое введение военного положения в ответ на такие кризисы подвергалось надлежащему юридическому и политическому надзору и ограничивалось по масштабам и продолжительности, чтобы гарантировать, что индивидуальные права и свободы граждан не ущемляются необоснованно.

Во всех случаях решение об объявлении военного положения принимается Президентом Российской Федерации и должно быть одобрено Советом

Федерации, верхней палатой российского парламента. После объявления военного положения правительство и военные власти обладают большими полномочиями по поддержанию общественного порядка, обеспечению национальной безопасности и реагированию на чрезвычайные ситуации или иную угрозу безопасности.

Военное положение в России может быть введено на всей территории страны или в отдельных регионах. Оно также может быть частичным, что означает, что положение применяется только к определенным видам деятельности или определенным группам людей. Во время военного положения правительство имеет право ограничивать передвижение людей и транспортных средств, а также вводить комендантский час и ограничивать массовые собрания. Военные и правоохранительные органы наделены расширенными полномочиями по поддержанию порядка и безопасности, могут проводить обыски, конфисковывать имущество и задерживать лиц без решения суда.

Военные действия имеют серьезные последствия для прав и свобод граждан. В течение этого периода правительство имеет право ограничивать свободу слова, право на протест и право на неприкосновенность частной жизни. Военные и правоохранительные органы обладают расширенными полномочиями по наблюдению и контролю за деятельностью граждан и могут применять силу для поддержания порядка и безопасности [7, с. 14]. Граждане также могут привлекаться к выполнению обязательных работ в чрезвычайных ситуациях, или к военной службе.

Продолжительность военного положения и сроки его введения обычно определяются правительством или законодательным органом в ответ на конкретный кризис или чрезвычайную ситуацию. В большинстве случаев военное положение задумано как временная мера с заранее установленной конкретной датой окончания или продолжительностью.

Период военного положения может широко варьироваться в зависимости от характера и серьезности кризиса или чрезвычайной ситуации, а также политического и социального контекста, в котором оно введено. Например, военное положение может быть введено на несколько дней или недель в связи со стихийным бедствием или на месяцы или даже годы в связи с затяжным вооруженным конфликтом или гражданскими беспорядками.

В некоторых случаях срок действия военного положения может быть продлен или возобновлен, если ситуация не урегулирована полностью. Однако решение о продлении или возобновлении действия военного положения подлежит рассмотрению в судах или других государственных надзорных органах и может быть оспорено на основании нарушения конституции или прав и свобод человека.

Продолжительность военного положения и сроки его введения являются вопросом политического и юридического решения и должны быть тщательно сбалансированы с необходимостью поддержания общественной безопасности и безопасности при соблюдении прав и свобод личности.

Результаты исследования и обсуждение

Проведя тщательный анализ специального административно-правового режима военного положения в России, мы пришли к нескольким выводам.

Во-первых, введение специального режима военного положения может стать действенным инструментом обеспечения общественной безопасности. Режим наделяет военные и правительственные органы широкими полномочиями реагировать на чрезвычайные ситуации или угрозы, а также вводить ограничения на передвижение и гражданские свободы, если это необходимо. Однако эффективность режима зависит от того, как он реализуется, и от конкретных обстоятельств угрозы безопасности или чрезвычайной ситуации [8, с. 10-13].

Во-вторых, вызывает озабоченность законности специального режима военного положения. Хотя режим задуман как временная мера для устранения угроз безопасности, есть опасения, что правительство может использовать его для подавления инакомыслия или оппозиции. Это особенно важно, учитывая отсутствие независимого надзора и возможность злоупотребления властью.

В-третьих, значительное влияние режима на права и свободы граждан. Введение режима может привести к ограничениям передвижения, собраний и других гражданских прав и свобод, что может быть особенно сложным для маргинализированных или уязвимых групп [9, с. 215]. Также существуют опасения по поводу возможных нарушений прав человека, включая произвольные задержания и жестокое обращение со стороны военных и государственных органов.

В-четвертых, необходимо обеспечить большую прозрачность и подотчетность при введении специального административно-правового режима. Отсутствие четких критериев установления режима, а также ограниченный контроль затрудняют понимание гражданами оснований действий правительства и привлечение властей к ответственности [10, с. 21-28].

В свете этих выводов мы рекомендуем российскому правительству принять меры для обеспечения того, чтобы специальный административно-правовой режим военного положения использовался только в ответ на реальные угрозы безопасности или чрезвычайные ситуации и чтобы она применялась таким образом, чтобы было уважение прав и свобод граждан. Это может включать: большую прозрачность и надзор, более четкие критерии для установления режима и меры по предотвращению злоупотреблений властью. Также предлагаем другим странам, рассматривающим возможность введения военного положения, изучить российский опыт и внимательно рассмотреть его потенциальное воздействие на права и свободы человека и демократические принципы.

Заключение и вывод

Проведенный нами анализ специального административно-правового режима военного положения в России позволил выявить как потенциальные преимущества, так и значительные проблемы, связанные с этим режимом. Хотя введение режима может предоставить военным и правительственным властям инструменты, необходимые им для реагирования на угрозы безопасности и чрезвычайные ситуации, оно также вызывает обеспокоенность по поводу нарушений прав человека и возможности злоупотребления властью.

Важно отметить, что введение военного положения всегда должно быть крайней мерой и что решение об этом должно основываться на четких и

объективных критериях. Режим должен осуществляться таким образом, чтобы уважать права и свободы граждан и обеспечивать прозрачность и подотчетность.

Учитывая значительное влияние, которое может оказать на общество специальный административно-правовой режим военного положения, необходимы постоянные исследования и диалог по этой теме. Дальнейшие исследования могут помочь определить передовой опыт реализации режима и могут способствовать разработке рамок, которые уравнивают потребность в безопасности с защитой прав и свобод личности.

В целом, использование специального административно-правового режима, должно основываться на принципах верховенства закона и уважения прав человека. Для правительства важно, чтобы этот режим использовался только в исключительных обстоятельствах и чтобы он применялся таким образом, чтобы поддерживать принципы демократии и человеческого достоинства.

Список использованной литературы:

1. Упоров А.Г. К вопросу о правовой основе, закрепляющей основания введения режима особых условий в исправительных учреждениях / А.Г. Упоров // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25, № 4. – С. 618-623.
2. О военном положении: федер. конст. закон РФ от 30 янв. 2002 г. № 1-ФКЗ: в ред. от 1 июля 2017 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.03.2023).
3. Гасаналиев А.Ш. К вопросу об административно-правовом режиме военного положения / А.Ш. Гасаналиев, А.А. Алиев // ЖУРНАЛ Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – Т. 33, № 2. – С. 111-118.
4. Мещеряков А.Н. Полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в области обеспечения режима военного положения // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 3 (33). – С. 30-35.
5. Степанов К.А. Вооруженные конфликты на территории Нагорного Карабаха. Международно-правовой анализ / К.А. Степанов // Chronos. – 2022. – Т. 7, № 8(70). – С. 87-92.
6. Упоров А.Г. О введении режима чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера в исправительном учреждении / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 3(36). – С. 103-110.
7. Квитко А.Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2007. – 28 с.
8. Долинин Д.Н. К вопросу о полномочиях государственных органов Российской Федерации в условиях военного положения // Военно-юридический журнал. – 2008. – № 7. – С. 10-13.
9. Зиборов О.В. Отдельные процедурные проблемы военного положения // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С. 215-218.
10. Федотова Ю.Г. Правовые средства ограничения прав и свобод граждан и организаций в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства // Современное право. – 2015. – № 4. – С. 21-28.

УДК 342.9

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРИНУЖДЕНИЕМ

Кондратьев Максим Витальевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: Maksim.kondratev.0101@mail.ru

Топчий Максим Васильевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: Topchiy.maks@inbox.ru

Чуханов Равиль Наилевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: Ravilcuhanov@gmail.com

Карасев Николай Сергеевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: Nik.fish2000@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Авторы в данной статье рассматривают основания для привлечения граждан к административной ответственности, а также соотношение административной ответственности и административного принуждения. Авторам удалось установить, что обе рассматриваемые категории являются важнейшими для всего механизма административно-правового регулирования в Российской Федерации. Совместная и эффективная связь в перспективе позволит на практике минимизировать степень административных нарушений и не только.

Abstract. The authors in this article consider the grounds for bringing citizens to administrative responsibility, as well as the ratio of administrative responsibility and administrative coercion. The authors managed to establish that both categories under consideration are the most important for the entire mechanism of administrative and legal regulation in the Russian Federation. Joint and effective communication in the future will allow in practice to minimize the degree of administrative violations and not only.

Ключевые слова: административная ответственность; административное право; административное принуждение; правонарушение.

Key words: administrative responsibility; administrative law; administrative coercion; offense.

Институт административной ответственности на сегодняшний день является одним из самых распространенных по причине частой применяемости в практической деятельности. Институт является универсальным. Данный вид ответственности устанавливается за достаточно обширный круг правонарушений, которые, в свою очередь, относятся к множеству отраслей права. Это придает административной ответственности межотраслевой характер.

Сама по себе административная ответственность – это многогранная и наисложнейшая дефиниция и категория по своей сущности и содержанию. Отсюда следует, что необходимо её глубокое исследование и изучение.

Административную ответственность справедливо выделяют как подвид государственного принуждения, в регулировании которой используются нормы административно-правового характера. Очень важно понять правовую природу административной ответственности, разобраться в различиях административной ответственности и остальных видов принуждения административного характера – эти задачи и на сегодняшний день являются важнейшими для науки административного права.

Если рассматривать общую массу видов государственного принуждения, то, как наиболее эффективное и востребованное, однозначно можно выделить административное. Сегодня достаточно важно обеспечивать непрерывное регулирование и контроль существующих общественных отношений государством при помощи специально уполномоченных на то органов. Отличительной чертой является то, что устанавливаются меры как прямого, так и внешнего принуждения административного характера. Такие меры по своей сущности носят межотраслевой характер, так как далеко не всегда это связано с совершением административного правонарушения [2, с.73].

Административное принуждение по своей сути раскрывается в наличии соответствующего административно-правового характера применяемой меры. А значит, мы имеем полное право на несогласие с мнением, согласно которому суть заключается во внесудебной, то есть, административной процедуре его применения. Наоборот характер административных мер определил их административное применение.

Цели же могут быть достигнуты при помощи пресечения и предупреждения таких правонарушений, а также в обязательном порядке привлечения лиц, являющихся виновными, к соответствующей ответственности. Административное законодательство относит, какие меры являются административными. Однако такие меры носят материальный, моральный и организационный характер. По общему правилу, негативные последствия проявляются в одно время.

Принуждение административного характера определяется ещё и как самостоятельный метод государственного управления, в свою очередь базирующегося на административно-правовых нормах, также определяется как совокупностью средств физического, психического и иного воздействия.

К признакам административного принуждения как самостоятельного института административного права можно отнести следующее [1, с.230]:

- основывается на нормах административного права;
- применяется как физическими, так и юридическими лицам;
- применяется в сфере общественных отношений, урегулированных как нормами административного права, так и нормами других отраслей права;
- закрепляется как в законных, так и в подзаконных нормативных правовых актах;
- применяется широким кругом уполномоченных субъектов;

- система мер административного принуждения отличается разносторонним характером (широкого спектра действия);
- применяется чаще всего в административном (внесудебном) порядке;
- порядок применения регламентируется административно-процессуальными нормами, создающими упрощенную процедуру;
- применяется как к лицам, совершившим правонарушения, так и к лицам, не совершившим правонарушения (меры административного предупреждения);
- законность применения обеспечивается системой гарантий;
- применяется в целях обеспечения правового порядка и общественной безопасности.

Административное принуждение, предусматривающее ограничение конституционных прав и свобод человека, ни в коем случае не может быть направлено на каким-либо образом унижение человеческого достоинства, а наоборот, является средством для побуждения к правомерному поведению, вытекающему из нормативных актов. То есть, объект воздействия административного принуждения – это не конкретная личность, а её поведение [3, с. 1840].

В разрез с уголовным наказанием, мера административного принуждения может быть применена независимо от того, есть ли конкретный состав правонарушения. В качестве примера можно привести ситуацию, когда необходимо ликвидировать последствия произошедших чрезвычайных ситуаций.

На научных просторах часто можно встретить отнесение мер, которые некоторое время назад и вправду могли применяться в административном порядке, однако на сегодняшний день их применение возможно только по решению суда. В качестве примера приведем норму о сносе самовольно возведенных строений, а также выселение и самовольно занятых помещений. Поясним, то есть изначально предполагается, что как бы эти меры более являются признанными судебным принуждением.

Актуальным вопросом сегодня является проблема соотношения административной ответственности и административного принуждения [4, с. 163].

Институт административного принуждения является комплексным административно – правовым институтом, который аккумулирует нормативные установления различного характера для регулирования правоприменительной и правоохранительной деятельности государства в специфической сфере – сфере функционирования исполнительной власти по обеспечению правопорядка.

В доктрине невозможно обнаружить единый взгляд на содержание понятие административного принуждения. Некоторые говорят об отнесении его к реализации соответствующих санкций, предусмотренных законом к лицу, которое виновно в совершении административного правонарушения. Другие же понимают более широко, они включают в эту категорию ещё и «психическое воздействие в виде угрозы применения административных санкций за уклонение от совершения предписанных действий неподчинение известным запретам и ограничениям».

Среди всех видов государственного принуждения ведущая роль все же принадлежит административному принуждению. Административное

принуждение осуществляется от имени государства и в его интересах полномочными представителями государства – органами государственного управления, должностными лицами, представителями общественных организаций, обладающими юрисдикционными полномочиями. Меры административного принуждения применяются только в процессе управленческой деятельности в сфере обеспечения правопорядка. Реализация этих мер осуществляется в строго определенных процессуальных формах.

Большое теоретическое и практическое значение имеет классификация административного принуждения по видам, поскольку это дает возможность осознать сущность разнообразных средств административного принуждения, применяемых в государственном управлении, их цели и взаимосвязи, обеспечить эффективное воздействие на правонарушителей, решать вопросы привлечения их к ответственности.

В некоторых случаях правопорядок обеспечивается путем использования средств предупреждения правонарушений, в других – пресечения правонарушений, в третьих – наказания за совершенные правонарушения. В юридической науке сложилась следующая классификация мер административного принуждения: а) меры административного предупреждения (административно-предупредительные); б) меры пресечения правонарушений; в) административные взыскания.

Наиболее часто под мерами административного предупреждения понимают действия уполномоченных органов или должностных лиц, направленные на принудительное обеспечение выполнения гражданами общественных обязанностей, обеспечение общественной безопасности и общественного порядка, предотвращение и борьбу со стихийными бедствиями, эпидемиями, эпизоотиями и ликвидацию их последствий. Условиями для возникновения конкретных отношений, связанных с использованием административно-предупредительных мер, являются разного рода юридические факты, в том числе противоправные действия отдельных лиц и организаций.

Меры административного предупреждения имеют свои особенности, они отличаются от мер пресечения административных правонарушений и административных взысканий тем, что их использование не связано с совершением неправомерных действий. Это предупредительные, профилактические меры.

Решением возникшей проблемы соотношения административной ответственности и административного принуждения достигается, возможность охарактеризовать понятие административной ответственности с точки зрения её объема, то есть, определить какие меры административного принуждения относятся к ней, а какие не относятся, хотя и применяются с административным принуждением, выработать критерии их классификации, определить признаки административного принуждения в целом. От того, какие меры административного принуждения следует относить к мерам административной ответственности зависят пределы объема и основные направления кодификации законодательства.

Соотношение административной ответственности и административного принуждения можно выразить такой формулой: административная ответственность составляет часть административного принуждения, только административные взыскания охватываются ее объемом.

Современная наука юриспруденции признает два основания юридической ответственности вообще и административной ответственности в частности:

– закон, как правовое основание, а второе основание составляет правонарушение;

– административный проступок как основание фактическое, которое приводит в движение всю структуру административной ответственности.

Соотношение административной ответственности и административного принуждения можно выразить такой формулой: административная ответственность составляет часть административного принуждения, только административные взыскания охватываются ее объемом.

Таким образом, удалось установить, что обе рассматриваемые категории являются важнейшими для всего механизма административно-правового регулирования в Российской Федерации. Совместная и эффективная связь в перспективе позволит практически минимизировать степень административных нарушений и не только.

Список использованной литературы:

1. Васюхно И.О. Взаимосвязь административного пресечения с административным принуждением // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 222-231.

2. Занина Т.М. Проблемы применения административного принуждения в отношении несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2021. – № 7-2. – С. 71-75.

3. Кузнецова Т.А. Проблемы определения понятия и сущности административного принуждения как правовой категории и института административного права // Право и политика. – 2010. – № 10. – С. 1835-1841.

4. Савочкина Д.О. Проблема реализации административного задержания, как меры административного принуждения сотрудниками полиции // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – № 13(31). – С. 162-164.

УДК 342.98

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ СОТРУДНИКОВ УИС В РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ ПРАВА

Лыморева Галина Олеговна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: glymoreva@mail.ru

Леонова Ангелина Александровна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: la576042@gmail.com

Росликова Екатерина Сергеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: roslikova.ek@mail.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В настоящее время отечественное законодательство находится на пути модернизации под общественные запросы и стандарты. На основе этого, согласно нормативной регламентации следует выделить основные виды правовой защиты, рассматривая их через призму различного рода отраслей права.

Abstract. Currently, domestic legislation is on the way of modernization and becoming in line with public standards and traditions. Based on this, it is necessary to distinguish, according to the regulatory regulation, the main types of legal protection, considering them through the prism of various branches of law.

Ключевые слова: права сотрудников УИС; лица, находящиеся в местах изоляции; осужденные; пенитенциарная система.

Key words: the rights of employees of the penitentiary system; persons in places of isolation; convicts; the penitentiary system.

На сегодняшний день в научной и публицистической литературе вопросы формирования и подразделения мер правовой защиты сотрудников УИС на виды в зависимости от различных областей, являются актуальными.

Стоит отметить, что законодательство РФ предусматривает виды правовой защиты, в зависимости от разнообразия отраслей права в рамках применения мер государственного принуждения: уголовная, административная, материальная и дисциплинарная. Для более глубокого изучения и дальнейшего анализа данных видов, стоит рассмотреть каждый из них более подробно [1, с. 174].

Уголовно-правовая защита находит свою регламентацию в рамках Уголовного кодекса Российской Федерации, который отражает меры государственного принуждения в отношении лиц, посягнувших на законные интересы, а также права сотрудников УИС. Дело в том, что в уголовно-правовом законе существуют виды преступлений, непосредственно относящиеся к деятельности сотрудников ИУ, а также их здоровью и жизни.

В качестве примеров необходимо рассмотреть пункты статей, которые выделяют в качестве законодательного закрепления правовую защиту сотрудников УИС от преступных посягательств.

Своей спецификой Уголовный кодекс отличается тем, что предусматривает различного рода составы преступлений, которые в таком элементе структуры нормы, как санкции, предусматривает определённые виды ответственности. Ряд преступлений непосредственно относятся к деятельности УИС, а также отражают угрозу жизни и здоровью сотрудников. Примером такого преступления стоит назвать статью 321 – «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» [2, с. 620-621].

Данная правовая норма охраняет и регулирует такие общественные отношения, которые обеспечивали бы функционирование уголовно-исполнительных учреждений в соответствии с действующим федеральным законодательством. Это преступление полностью или частично, временно или навсегда затрудняет реализацию социальных возможностей в области исправительного воздействия на осужденных, либо делает такую реализацию невозможной.

Название данной статьи подчеркивает, что ради уголовно – правовой охраны значимых общественных отношений и существует уголовный закон, на основе которого создаются уголовно-правовые запреты.

Помимо данной статьи, стоит также рассмотреть и иные нормы, которые регламентируют уголовную ответственность за преступления, против сотрудников УИС, а именно [2, с. 620-621]:

- статья 317 УК РФ, регламентирующая наказание за посягательство на жизнь сотрудника УИС, либо его близких;
- статья 318 УК РФ, рассматривающая аспект применения насилия в отношении сотрудника, либо его близких, в связи с исполнением своих должностных обязанностей;
- статья 319 УК РФ, устанавливающая санкции за публичное отношение сотрудника;
- статья 320 УК РФ, характеризующаяся установлением уголовной ответственности в отношении лиц, разгласивших сведения о мерах безопасности, применяемыми в отношении сотрудника и его близких;
- статьи 285, 286, 292, 293 УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за несоблюдение должностными лицами гарантий социальной и правовой защиты, за ненадлежащее выполнение мер безопасности сотрудников.

При рассмотрении сферы административного права стоит сказать, что основной спектр правовой защиты, выражающихся в применении мер государственного принуждения за правонарушения в отношении сотрудников УИС, находит своё отражение в Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ). Для примера стоит обратиться к статье 17.13 КоАП РФ, которая устанавливает ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности. Сведения о мерах безопасности являются конфиденциальными, то есть обладают закрытым характером. Сведения должны содержать информацию о мерах безопасности только в отношении должностных лиц правоохранительных органов, к которым так же относятся сотрудники УИС и, в частности, сотрудники отдела безопасности [3, с. 162].

Помимо данной нормы, необходимо также обратиться к статье 19.3 КоАП РФ, которая регламентирует привлечение к административной ответственности лиц за деяния, связанными с неповиновением законным распоряжениям сотрудников УИС.

С точки зрения материальной правовой защиты, стоит отметить следующие аспекты, которые находят своё выражение в гражданско-правовых отношениях:

а) наложение санкций на граждан, которые своими действиями допустили ущерб сотруднику, в ходе выполнения им своих служебных обязанностей;

б) применение мер государственного принуждения в отношении должностных лиц, которые, своими действиями, повлекли ущерб, оказанный пенитенциарной системе, посредством увольнения из данной системы, незаконного перемещения по службе.

Дисциплинарная ответственность должностных лиц предусмотрена за нарушение законодательства о службе в УИС, к которым относится дисциплинарный устав УИС, должностная инструкция сотрудника отдела безопасности. Так же дисциплинарная ответственность за неприятие или ненадлежащее осуществление мер безопасности.

Необходимо отметить, существуют определенные права у сотрудников для эффективного исполнения своих должностных полномочий, к таким следует отнести [4, с. 357]:

1. Право на обжалование наложенного на сотрудника УИС дисциплинарного взыскания;

2. Право на получение судебной защиты в случае увольнения из системы;

3. Право на объединение или вступление сотрудников в профессиональные ассоциации для обеспечения собственной защиты, выражающейся в личном профессиональном интересе.

Дело в том, что именно правовой статус сотрудника УИС обеспечивает специфический спектр защиты данных должностных лиц в правовом отношении. Посредством наделения сотрудника конкретными профессиональными правами, обеспечивается его охранительная функция в отношении воздействия общества в целом.

Некоторые ученые рассматривают меры правовой защиты сотрудников УИС с точки зрения рассмотрения их как представителей государства и закона, а также меры правовой защиты в отношении конкретного сотрудника УИС в период прохождения службы в органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Данные меры можно разделить на общие и специальные.

Общее и специальное назначение характеризуется выделением внешних и внутренних факторов, для которых существует необходимость выделения самостоятельных целей. В отношении внешних факторов, стоит сказать, что целью будет являться защищённость сотрудников от различных негативных проявлений окружающей среды, а также защищённость от внешних возмущающих деятельность сотрудника факторов. В данном случае стоит говорить о поддержании баланса между УИС и окружающей среды.

С точки зрения рассмотрения внутренних факторов стоит отметить, что для них характерна цель по правовой защищённости сотрудников внутри системы, в период прохождения в ней службы и выполнения своих должностных обязанностей. Здесь рассматривается вопрос о поддержании баланса между личностью сотрудника, его прав и интересов с государственным органом. Данные факторы являются основными, поскольку правовые отношения складываются на основе несогласованности собственной воли с установками государства и службы в целом [5, с. 45].

В заключении стоит сказать, что сама по себе правовая защита – это правоприменительная и правотворческая деятельность государственных органов в области обеспечения защиты посредством юридических средств политических, служебных и личных неимущественных обязанностей, прав и законных интересов сотрудников УИС, как субъектов правоохранительных отношений, с целью достижения состояния их правовой защищённости.

Помимо этого, рассматривать правовую защиту сотрудников УИС следует рассматривать через призму двух аспектов: меры правовой защиты сотрудников УИС, с точки зрения рассмотрения их как представителей государства и закона; меры правовой защиты в отношении прав и законных интересов личности конкретного сотрудника УИС, в период прохождения службы в учреждениях и органах УИС.

Список использованной литературы:

1. Горбунов А.А. О дезорганизации нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества в условиях построения правового государства в Российской Федерации и путях борьбы с нею. // Россия на рубеже тысячелетий: социальные и правовые проблемы. – Рязань. – 2002. – С. 170-176.
2. Упоров А.Г. Сотрудничество Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества / А.Г. Упоров, О.В. Драгун // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3(34). – С. 44-49.
3. Филиппев Р.А. Социально-правовая защита сотрудников УИС // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Новосибирск, 25 мая 2022 года. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 161-163.
4. Цыбулина М.И. Гражданско-правовые способы защиты сотрудников УИС // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: Материалы Международной научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов, Самара, 27 апреля 2018 года. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 355-359.
5. Упоров А.Г. Сотрудничество Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества / А.Г. Упоров, О.В. Драгун // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3(34). – С. 44-49.

УДК 342.92

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛА ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Станковский Семен Александрович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: Semenst345@gmail.com

Булгаков Семен Дмитриевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: Bulgakov.semen02@mail.ru

Козырев Данил Игоревич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: Mrsij@yandex.ru

Загороднев Владислав Юрьевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: Zagorodnev.vl4@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Авторы в данной статье рассматривают процесс зарождения нормативно-правовых базы для правовой защиты сотрудников пенитенциарной системы. Авторы затрагивают несколько периодов, начиная с принятия закона о создании Главного тюремного управления, а заканчивая принятием в Российской Федерации Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

Abstract. The authors in this article consider the process of the emergence of a regulatory framework for the legal protection of employees of the penitentiary system. The authors affect several periods, starting with the adoption of the law on the creation of the Main Prison Directorate, and ending with the adoption in the Russian Federation of the Federal Law "On State Protection of Judges, Law Enforcement and Regulatory Officials".

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, сотрудники УИС, пенитенциарная система, история УИС.

Key words: penal law, UIS employees, the penitentiary system, history of UIS.

Для того, чтобы разобраться с проблемами настоящего времени, необходимо ознакомиться с идеями, учесть ошибки прошлого и расставить приоритетные задачи пенитенциарного ведомства. Следовательно, есть необходимость изучения и анализа исторического опыта становления нормативной базы по защите персонала пенитенциарной системы.

Пенитенциарная система прошла большой путь становления и развития, на протяжении всего периода прошла множество изменений в разных сферах своей деятельности [1, с. 157-158].

27 февраля 1879 года было создано Главное тюремное управление, которое в свою очередь являлось проводником тюремной политики царизма. Главное тюремное управление (далее – ГТУ) за период своего существования закрепляло

множество писем, регулирующие различные сферы, в том числе и о защите персонала пенитенциарной систем [4, с. 30].

На тот момент была большая нагрузка на надзирателей и надзирательниц. Приходилось от 30 до 85 арестантов на каждого надзирателя, с учетом того, что не было деления на подразделения по каждому направлению деятельности, а также организационно-штатной структуры в целом, как в настоящее время.

С 1884 года циркуляром №5 ГТУ при приеме на службу составлялись письменные обязательства, схожие с нынешними контрактами о службе, в которых оговаривались размер жалования, обязанность приобретения формы одежды и условия проживания. В этом же году были установлены Правила о назначении пенсии персоналу тюремного ведомства, вследствие получения увечья или неизлечимой болезни от действий арестантов, препятствующие исполнению ими обязанностей.

Законом «Об устройстве управления отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи» от 15 июля 1887 года закрепляется временный штат стражи. Тюремная система на тот период времени была подведомственна Министерству внутренних дел, и персонал пользовался правом выхода на пенсию по льготному возрасту, в связи с особыми условиями труда, а также освобождаются от призыва в армию.

Переломным моментом дореволюционного периода стал февраль 1917 года в период перехода власти к Временному правительству, многие места заключения подвергались разгрому, были уничтожены, материальные ценности похищены. Был нанесен глобальный вред не только материальный, но и управленческий, что не позволяло возможным функционировать в нормальном режиме и выполнять все задачи в полном объеме. В процессе восстановления пенитенциарной системы возникало большое количество трудностей, в виду жесточайшего кризиса.

После Октябрьской революции в пенитенциарной системе прогрессировал хаос, деятельность была крайне затруднена, следовательно, о полном восстановлении пенитенциарной системы не было и речи. Единственные изменения в наименовании центрального тюремного ведомства и его органов в Центральный карательный отдел, а Министерство юстиции в Наркома юстиции. Необходимо было заново распределять все права и обязанности сотрудников, определять основные направления деятельности карательной политики и вносить коррективы в порядок оплаты труда и социального страхования работников.

В период гражданской войны и перехода власти к большевикам происходит активная работа по реорганизации всей системы мест лишения свободы. Оплата труда происходила исключительно в соответствии с нормативными актами по единой системе оплаты труда госслужащим.

Новым этапом развития правовых источников регулирующий деятельность пенитенциарной системы связан с образованием Союза Советских Социалистических Республик в 1924 год. Например, был отменен подоходный налог, и сотрудники тюремного ведомства вошли в льготную категорию, которая освобождалась от данного вида налога.

Интересным представляется мера правовой защиты сотрудников УИС в 30-ые годы XX века: для лиц, закончивших образовательные ведомственные организации была вдвое увеличена заработная плата с целью повышения престижа службы и закрепления кадров в тяжелый государственный период страны [3, с. 44].

С ростом исправительно-трудовых учреждений в виду репрессий в 40-ые XX века, количество спецконтингента значительно возросло. Для обеспечения организации ГУЛАГа необходимо было расширять кадровый аппарат сотрудников, проблема обострилась тяжестью условий службы в связи с проложением Байкало-Амурской магистрали в необжитых местах. Для привлечения сотрудников и сохранением действующего кадрового состава, НКВД СССР приняло решение и включении дополнительных мер правовой защиты сотрудников, а именно социальные гарантии при прохождении службы в тяжелых условиях (зачёт стажа и выслуги, повышенные выплаты), а также разрешение на ношение и применение огнестрельного оружия для обеспечения личной безопасности в трудпоселках и обеспечения строгого режима содержания осужденных.

Достаточно самобытным и неоднозначным выдался период Великой Отечественной войны, когда положение сотрудников ГУЛАГа несколько было ухудшено в виду сложной социальной, политической, экономической обстановки в стране и отдачи всевозможных ресурсов для фронта. Произошли следующие изменения: сокращение выплат, задержка денежного довольствия, отмена полная или частичная социальных выплат и т.д.

5 июня 1941 г. на основании ст. 56 Закона «О всеобщей воинской обязанности» Совет народных комиссаров ССР принял Постановление № 1474 «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава, лицам младшего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям», в соответствии с которым для лиц начальствующего состава органов НКВД, имеющих военные или специальные звания, лиц начальствующего состава (среднего и выше) военизированных охран исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР, а также на семьи умерших указанных ранее лиц начальствующего состава устанавливался порядок назначения пенсий и пособий. Постановление определяло порядок назначения пенсий за выслугу лет, по инвалидности, в случае смерти сотрудника. Пенсионерам, вышедшим на пенсию после 1 ноября 1938 г., денежные выплаты исчислялись из штатного оклада содержания по последней должности в соответствии со ст. 2 и 19 Постановления; лицам, уволившимся по пенсионному возрасту после 1 июля 1939 г., пенсии исчислялись из штатного оклада содержания по последней должности в соответствии со ст. 19 Постановления.

Постановление также отменило:

– Положение о государственном обеспечении, утвержденное Постановлением ЦИК и Совнаркома СССР от 21 февраля 1931 г. № 57/129, и все последующие постановления о распространении этого Положения на работников НКВД СССР, военизированных охран, а также о приравнивании этих

работников в отношении обеспечения пенсиями к начальствующему составу Красной Армии;

– Постановление Совнаркома СССР от 19 марта 1935 г. № 471 «О надбавках к пенсиям».

Послевоенный период государственной политикой был призван стабилизировать обстановку в стране и возродить и компенсировать положение сотрудников НКВД, которые проходили службу на период войны и после. Для чего были приняты ряд нормативно-правовых документов, которые установили порядок назначения и выплат всех видов социального обеспечения сотрудников (решение Президиума ВЦСПС – 1955 г.), восстановление социального страхования сотрудников НКВД (Закон «О государственных пенсиях» – 1956 г.) [1, с. 51].

Новый виток был положен в 70-80-ые годы XX века социальной политикой государства по отношению к сотрудникам правоохранительных органов РСФСР. В этот период времени была образована система социального страхования сотрудников и начисления пенсионных выплат в 55-75 % от получаемого денежного довольствия на конец прохождения службы.

После была проведена в 90-ые годы XX века аттестация сотрудников, в результате которой более 5000 сотрудников были признаны не соответствующими требованиям прохождения службы. Аттестационная кампания призвана была увеличить приток новых сотрудников с учетом новых более строгих требований кадрового обеспечения пенитенциарной системы РСФСР [2, с. 65].

На постсоветском пространстве институт государственной защиты развивался параллельно с законодательством России, в силу чего отечественное законодательство в данной области выступает базовым, исходным правовым инструментом. Так, в конце 1998 г. на одном из заседаний стран – участниц СНГ был принят Модельный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» был ратифицирован и имплементирован Российской Федерацией. На основе него был создан Федеральный закон «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», который не определяет четкий механизм защиты, это связано с отсутствием систематизированного целостного правового акта, допуская отсылочные нормы, в котором будут указаны конкретные организационные мероприятия по планированию, реализации и контролю.

Анализируя данных два нормативного акта, следует что Закон о государственной защите точно воспроизводит первоначальную редакцию Модельного закона.

В статье 2 Модельный закон закрепляет лиц, подлежащие государственной защите, к которым относятся и сотрудники УИС, а также применение мер правовой защиты, предусматривающих, в том числе повышенную уголовную ответственность за посягательство на их жизнь, здоровье и имущество.

При наличии объективной и достоверной информации о возникновении реальной угрозы, направленной на жизнь, здоровье или иные блага сотрудника,

соответствующие органы обязаны использовать все возможные способы и меры по предотвращению противоправных деяний. После привлечение виновных к видам юридической ответственности, вплоть до уголовной ответственности в зависимости от степени и характера общественной опасности посягательства [1, с. 54-55].

Подводя итог, необходимо отметить следующие положения. Становление отечественного законодательства о правовой защите сотрудников уголовно-исполнительной системы шло неоднородно и неоднозначно, поскольку выделялись периоды расширения норм и мероприятий по правовой защите, а также рассмотрены период сокращения мер правовой защиты сотрудников. В большей степени, неоднородность проводимой социальной и правовой политики защиты в отношении сотрудников УИС была обусловлена особенностями социально-экономических и политических факторов.

Список использованной литературы:

1. Упоров А.Г. О целесообразности объединения ФССП и ФСИН России в единую службу исполнения наказаний и принудительного исполнения судебных и иных решений Российской Федерации / А.Г. Упоров, О.В. Мошненко // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 3(195). – С. 157-160.
2. Реент Ю.А. Академия ФСИН России: страницы прошлого и настоящего // Преступления и наказания. – 2014. – № 3 (86). – С. 25-32.
3. Голикова О.А. История учреждений и органов уголовно-исполнительной системы на территории Кузбасса во второй половине XX века: сборник воспоминаний ветеранов и сотрудников уголовно-исполнительной системы // Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – 44 с.
4. Баранов В.М. Истинность норм советского права: Проблемы теории и практики / Под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – с. 51.
5. Волошина В.В., Титов К.А. Государственная служба в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование. – М.: Луч, 1995. – С. 60-67.
6. Упоров А.Г. Характеристика разграничения хулиганства в уголовном и административном праве / А.Г. Упоров // Право: история и современность. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 52-60.

УДК 342.9

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Сыджилова Анастасия Анатольевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: sydzilovanasta@gmail.com

Дубчак Софья Артуровна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: sonyaxv134@gmail.com

Калашник Валерия Анатольевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: lerakalash003@gmail.com

Воднева Надежда Геннадьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: vodnevanad@yandex.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Уголовно-исполнительная политика как результат стройной системы в сфере исполнения наказаний на территории Российской Федерации имеет одно единое направление, которое выражается в установлении единых и общих требований к осужденным, подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, а именно в установлении режима и режимных требований, которые обязательны ко всем видам исправительных учреждений. Единство политики достигается за счет правовой иерархии субъектов и их нормотворческой деятельности, которая предполагает единое правовое направление развития уголовно-исполнительного законодательства и отсутствие явных логических противоречий в ней. К тому же стоит отметить, что принципы в сфере исполнения наказаний, рассматриваемые нами ранее, находят свое отражение в том числе и проведении и реализации уголовно-исполнительной политики.

Abstract. The penal enforcement policy as a result of a coherent system of the sphere of execution of punishments on the territory of the Russian Federation has one single direction, which is expressed in the establishment of uniform and general requirements for convicts, suspects and accused persons in custody, namely in the establishment of regime and regime requirements that are mandatory for all types of correctional institutions. The unity of the policy is achieved due to the legal hierarchy of subjects and their rule-making activities, which presupposes a single legal direction for the development of penal enforcement legislation and the absence of obvious logical contradictions in it. In addition, it is worth noting that the principles in the field of execution of punishments, which we have considered earlier, are reflected in the conduct and implementation of the penal enforcement policy.

Ключевые слова: государственное управление, уголовно-исполнительная система, Российская Федерация, исправительные учреждения, режим, осужденные, правила внутреннего распорядка, Министерство Юстиции России.

Key words: *state administration, penal enforcement system, Russian Federation, correctional institutions, regime, convicts, internal regulations, Ministry of Justice of Russia.*

По справедливому замечанию А.Г. Упорова, уголовно-исполнительная система (далее – УИС) создается для реализации определенных обусловленных объективными потребностями общественного развития задач, многообразие и масштабность которых требуют рассмотрения ее как сложного социального организма, состоящего из большого количества составных частей, разнообразно взаимосвязанных друг с другом. Это позволяет подходить к уголовно-исполнительной системе как к функционирующей системе, т. е. как к ограниченному множеству взаимодействующих взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов [1, с. 90].

Основополагающий и центральный элемент уголовно-исполнительной системы в сфере правового обеспечения осужденных, подозреваемых и обвиняемых – это организация режима в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы. На территории Российской Федерации имеет место единство уголовно-исполнительной политики, что означает, что во всех исправительных учреждениях установлен режим исполнения и отбывания наказания в соответствии с установленным в нормативно-правовом акте трактования режима.

Под режимом в исправительных учреждениях понимается установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания (ст. 82 УИК РФ).

Необходимо отметить, что в УИК РФ впервые было дано и закреплено понятие режима отбывания и исполнения наказания, предыдущие нормативно-правовые документы, как исправительно-трудовые кодексы разных годов выпуска, не давали формулировки понятия режима [2, с. 158]. Законодатель делает акцент на самом понятии, закладывая в него принципы уголовно-исполнительного права, тем самым унифицируя и стандартизируя организацию режима во всех территориальных органах ФСИН России. Наравне с этим стоит отметить, что научная литература давала определение режима задолго до его официального опубликования. Можно предположить, что это связано с разностью подходов к организации режима и его содержания как деятельности в различных исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России.

С заложения понятия режима в УИК РФ можно считать, что правовое регулирование режима в исправительных учреждениях организуется стандартно по умолчанию, поскольку в понятии заложены те направления, которые должно

обеспечивать элементы содержания режима. Также необходимо отметить, что УИК РФ – это федеральный закон Российской Федерации, обязательный для исполнения соответствующими субъектами, и в его положениях и правовых нормах установлено, что такое режим, какие его элементы и основы, что предполагает стандартизацию при реализации режима во всех исправительных учреждениях. Наравне с этим важно понимать, что УИК РФ образует основу уголовно-исполнительного законодательства и один из элементов уголовно-исполнительной политики, поэтому справедливо говорить, что уголовно-исполнительная политика единая.

Говоря о нормативно-правовом регулировании, по общему правилу выделяют федеральное и подзаконное законодательство, которое можно разделить на подгруппы нормативно-правовых документов [3]. Выделение групп по основаниям может быть различным, поскольку оснований для классификации множество. Мы берем за основу основания для классификации по принципу юридической силы, сферы правового регулирования (общие и специальные).

Федеральное законодательство традиционно рассматривают с изучения положений Конституции РФ как основного Закона Российской Федерации, акцентируя внимание на верховенстве права. Поскольку, Конституция РФ – это декларативный нормативно-правовой акт, закладывающий основы прав и свобод, законных интересов и обязанностей граждан, то прямого правового регулирования специального характера в ней не будет отражено. Однако необходимо обратиться к некоторым положениям Конституции РФ.

Ст. 4 Конституции РФ устанавливает, что верховенство на территории Российской Федерации имеют Конституция и федеральные законы. Данное положение имеет непосредственное отношение к правовому регулированию режима в исправительном учреждении и уголовно-исполнительной политике, поскольку их порядок и организация устанавливается только федеральным законом и не может быть противоречия по нормативно-правовым актам нижестоящих. Этот принцип является основополагающим и организационным, поскольку устанавливает строгий порядок подчиненности и иерархичности между источниками права.

Ч. 3 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что законы имеют законную силу только если были официально опубликованы. Данное положение относится к нормативно-правовому регулированию режима в исправительном учреждении посредством определения порядка. То есть мы говорим о том, что официальное опубликование закона о режиме, которым является УИК РФ, который устанавливает в ст. 82 обязательный его характер, является необходимым элементом, без наличия которого общество не осведомлено, что означает нарушение права на информацию и ущемление данного права [4, с. 120].

Мероприятия по организации режима в исправительном учреждении проводятся с учетом охраны личности осужденного в соответствии с положением ч. 1 ст. 21 Конституции РФ. Согласно данной норме, достоинство личности охраняется государством, и оно не может быть умалено никоим образом, поэтому общая профилактика не должна в своей реализации опираться на такие действия, которые могут ущемить или умалить личность гражданина (осужденного).

Ч. 3 ст. 55 Конституции РФ имеет важное и центральное значение при осуществлении и организации режима в исправительном учреждении, поскольку ранее мы говорили о назначении данной деятельности. Так, положение данной нормы закрепляют, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в соответствии с федеральным законодательством Российской Федерации в той мере, в какой необходимо для защиты основ конституционного строя РФ, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Далее по юридической силе следует УИК РФ как основополагающий документ, закрепляющий основы режима в исправительном учреждении. Принципиальным является положение, сформулированное в ч. 1 ст. 82 УИК, о том, что режим в исправительных учреждениях устанавливается федеральным законом, иные нормативные правовые акты, определяющие те или иные элементы режима, должны соответствовать закону, т. е. УИК. Это положение предопределяет иерархию норм, регулирующих режим, их соподчиненность, устанавливает компетенцию соответствующих органов по принятию нормативных правовых актов, регулирующих отдельные правила режима.

Режим отражает сущность и содержание наказания, поскольку в нем выражается кара, т.е. совокупность применяемых к осужденным правоограничений. Одновременно режим устанавливает правила поведения всех субъектов и участников правоотношений, их права и обязанности, возникающие по поводу исполнения и отбывания наказания. Нормы режима обеспечивают порядок реализации правоограничений, прав и обязанностей соответствующих субъектов и участников процесса исполнения и отбывания наказания.

Наконец, нормы режима создают необходимые предпосылки для применения к осужденным других средств исправления (ч. 2 ст. 82 УИК РФ), а также для предупреждения совершения преступлений и иных правонарушений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 83, ч. 1 ст. 84 УИК РФ).

Режим как основное средство исправления предъявляет требования ко всем субъектам, на которые он распространяется. Так, режим может быть, как исполнения, так и отбывания наказания в зависимости от того, на кого его требования распространяются. Требования режима исполнения наказания предъявляются сотрудникам и иным лицам, находящимся на территории исправительного учреждения, а также на прилегающей к нему. Требования режима отбывания наказания распространяются исключительно на осужденных, которые отбывают наказание в исправительном учреждении. Требования режима отбывания наказания отражены не только в обязанностях осужденных, перечисленных в УИК РФ, но и иных документах.

Так, необходимо перейти к подзаконному законодательству специализированного типа, которое является основным специальным инструментом правового воздействия на осужденных. Речь идет о Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений, следственных изоляторов и исправительных центров (далее – ПВР ИУ). Поскольку, мы говорим об уголовно-исполнительной политике и правовом регулировании режима отбывания и исполнения наказания в ней, то данные нормативно-правовые акты

наиболее объемно и локально в отличие от федерального законодательства регулируют данные возникающие правоотношения.

ПВР ИУ закрепляют весь блок режимных требований для всех субъектов посредством установления обязанностей, запретов и правил поведения. Так, ПВР ИУ, СИЗО, ИЦ установлены Приказом Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 г. № 110. Министерство Юстиций России является главным федеральным органом исполнительной власти на территории Российской Федерации, что предопределяет характер издаваемых им нормативно-правовых актов. Однако, на этом перечень нормативно-правовых актов подзаконного характера специализированного назначения не исчерпывается, поскольку в уголовно-исполнительной системе есть специальные субъекты – несовершеннолетние осужденные, которые отбывают наказание в воспитательных колониях.

Выделение несовершеннолетних осужденных как специальных субъектов уголовно-исполнительных правоотношений обусловлено рядом факторов правового, физиологического характера. Так как назначение наказания и возраст уголовной ответственности по общему правилу составляет 16 лет, то лица, достигшие данного возраста отбывают наказание в специальных исправительных учреждениях отдельно от взрослых осужденных – в воспитательных колониях.

Рассмотрим на примере правовое регулирование режима в исправительных учреждениях посредством выявления общих режимных требований для ИК, СИЗО и тюрем, ВК, а после отдельные положения режимных требований по конкретному виду исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы.

Поскольку режим понимается как строго установленное правило поведения, выполнение которого достигается за счет дисциплины, то режимные требования наиболее ярко выражаются через обязанности осужденных, которые они обязаны выполнять. В этом направлении уголовно-исполнительная политика выстроила органичную систему нормативно-правовых актов, которые по иерархии к друг другу закрепляют и выполняют одну миссию – стандартизацию уголовно-исполнительной политика через одно из средств – установление режима для исправительных учреждений.

Так, п. 16 ПВР ИУ устанавливает, что одной из обязанностей осужденного является выполнение законных требований сотрудников исправительного учреждения. Наряду с этим, ПВР ВК содержат подобное режимное требование, однако в иной формулировке, а именно являться по вызову должностных лиц колонии, давать письменные объяснения по их требованию по фактам нарушения установленного порядка отбывания наказания.

Таким образом, мы наблюдаем, что правовое регулирование режима в исправительных учреждениях имеет типичную структуру по характеру режимных требований как формы организации режима, однако, существуют различия, наличие которых обусловлено спецификой самого исправительного учреждения, так и субъектов, на которых они распространяются.

Во-первых, режим как основное средство исправления и фундаментальное начало уголовно-исполнительных правоотношений, а также его организация в правовом плане выстроена иерархично, начиная от Конституции РФ как

федерального конституционного законодательства, продолжая федеральным законодательством в виде Уголовно-исполнительного Кодекса, и завершая правовое регулирование посредством издания подзаконного законодательства специализированного назначения, а именно Правилами внутреннего распорядка исправительного учреждения [5, с. 77]. Далее, в правовом регулировании необходимо выделить, что режим, как общеправовое явление, подразделяется по субъектам и, соответственно, делится на режим исполнения и режим отбывания наказания в зависимости от субъекта, на который он распространяется. Режим свойственен всем исправительным учреждениям, что отражено в правовом регулировании его организации.

Подводя итог, необходимо отметить следующее: уголовно-исполнительная политика как результат стройной системы государственного управления в сфере исполнения наказаний на территории Российской Федерации имеет одно единое направление, которое выражается в установлении единых и общих требований к осужденным, подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей, а именно в установлении режима и режимных требований, которые обязательны ко всем видам исправительных учреждений. Единство политики достигается за счет правовой иерархии субъектов государственного управления и их нормотворческой деятельности, которая предполагает единое правовое направление развития уголовно-исполнительного законодательства и отсутствие явных логических противоречий в ней. К тому же стоит отметить, что принципы государственного управления в сфере исполнения наказаний, рассматриваемые нами ранее, находят свое отражение в том числе и проведении и реализации уголовно-исполнительной политики.

Список использованной литературы:

1. Упоров А.Г. Основы организации управления в уголовно-исполнительной системе / А.Г. Упоров // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. – 2020. – № 3 (11). – С. 87-95.
2. Упоров А.Г. Конституционно-правовые основы режима особых условий в исправительных учреждениях / А.Г. Упоров // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы научно-практической конференции, Новокузнецк, 09-10 ноября 2016 года / Ответственный редактор: А. Г. Антонов. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. – С. 154-161.
3. Попов Л.Л., Мигачев Ю.И., Тихомиров С.В. Административное право России: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. Л.Л. Попов. – М.: Проспект, 2010 // Система "ГАРАНТ" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/5850686/#ixzz6HCjkzVSP> (дата обращения: 19.03.2023).
4. Вобликов А.Б. Органы внутренних дел в механизме политической власти: Философско-политологический анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.10. – М., 2000. – 145 с.
5. Бабанов А.А. Силовые структуры в системе политической власти правового государства (на примере армии и правоохранительных органов). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 184 с.

УДК 342.98

**КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА СЛУЖБЕ
В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ:
ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРОФИЛАКТИКА**

Хатуев Ислам Алиевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: Bismillah99952@mail.ru

Мельник Евгения Алексеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: evgesha.mlka@gmail.com

Калашиник Валерия Анатольевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: lerakalash003@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, касающиеся возникновения и разрешения конфликта интересов в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, а также процесс урегулирования конфликта интересов. Особое внимание обращается на профилактику возникновения конфликта интересов в служебной деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений.

Abstract. The article deals with issues related to the emergence and resolution of a conflict of interest in institutions and bodies of the penitentiary system, as well as the process of resolving a conflict of interest. Particular attention is drawn to the prevention of conflicts of interest in the official activities of employees of penitentiary institutions.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, сотрудник, коррупция, конфликт интересов, профилактика.

Key words: employee, conflict of interest, penitentiary system, prevention.

Пресечение возникновения конфликта интересов на государственной службе в уголовно-исполнительной системе определяется как профилактика коррупции и одно из направлений борьбы с коррупционными проявлениями в области исполнения уголовных наказаний.

Согласно федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» под конфликтом интересов следует понимать ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное

исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) [1].

Хочется отметить, что служба в пенитенциарной системе отличается повышенной коррупционной составляющей. К факторам, которые порождают коррупционные проявления на службе УИС можно отнести:

- связь на постоянной основе сотрудников с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными;
- большой круг служебных обязанностей;
- отдаленность пенитенциарных учреждений от контролирующей деятельности органов;
- низкая заработная плата сотрудников [2, с. 45].

При верном понимании понятия «конфликт интересов» нужно разграничить конфликт интересов от близкого с ним понятия «коррупция». Анализируя практическую деятельность, можно увидеть главное различие между этими понятиями заключается в мотивационной части поведения сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний. Лицо, совершающее коррупционное правонарушение имеет цель – заработать путём совершения антисоциального деяния, которое должно принести материальную выгоду сотруднику, тем самым удовлетворяя преступные потребности спецконтингента.

В некоторых случаях коррупционных проявлений на высоких постах служебной деятельности УИС конфликт интересов будет составляющей нематериальной служебной коррупции по причине возможной широкой сферы воздействия служебного авторитета и обширности штата подчиненных [3, с. 86]. Также хочется отметить, что среди коррупционных правонарушений встречаются деяния, при которых конфликт интересов входит в понятие коррупции в Федеральной службе исполнения наказаний.

Одними из главных причин проявления конфликта интересов в УИС является замещение руководящих должностей близкими родственниками, которые ранее служили на нижестоящих должностях [4, с. 113]. Целесообразно отметить, что существуют ситуации, при которых избежать прохождения службы в одном учреждении родственникам не имеется возможности. Данный факт обусловлен тем, что большинство пенитенциарных учреждений находятся в территориальной отдалённости от административных центров, крупных городов и поселений, поэтому в некоторых случаях значатся единственным местом службы членов семьи сотрудника. При перемещении либо увольнении одного из сотрудников с целью урегулирования данной ситуации конкретное подразделение УИС может лишиться квалифицированного специалиста [4, с. 114].

Однако стоит заметить о том факте, что некоторые семейные пары не регистрируют свои отношения и проходят службу в одном пенитенциарном учреждении. Подобные отношения могут привести к конфликту интересов на

службе, но правовые нормы их не регулируют. Необходимо во внимание взять тот факт, что некоторые сотрудники имеют слабое понимание термина конфликта интересов, характерных ситуаций образования и механизма урегулирования [5, с. 80].

Конфликт интересов также может возникнуть из-за совместного прохождения службы друзьями и знакомыми. На законодательном уровне запрет данных отношений на службе в уголовно-исполнительной системе не урегулирован. В отличие от российского законодательства нормативно-правовое регулирование Соединённых Штатов Америки запрещает оказывать содействие в приеме на службу лиц, с которыми у сотрудника есть дружеские отношения личного характера, а лица, нарушившие данный запрет являются лицами, которые совершили коррупционные преступления небольшой тяжести [6, с. 160].

Сотруднику УИС необходимо уведомить непосредственного начальника о возникшем конфликте интересов или возможном его возникновении, как только ему станет об этом известно. Порядок данного уведомления регламентирован положением, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 22.12.2015 № 650 «О порядке сообщения лицами, замещающими отдельные государственные должности Российской Федерации, должности федеральной государственной службы, и иными лицами о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, и о внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».

Для устранения проблемы в понимании сотрудниками УИС конфликта интересов и необходимо детализировать нормативно-правовое определение конфликта. Данный факт может исключить источник конфликтного потенциала в государственном управлении. Также имеет необходимость в улучшении обнаружения конфликта интересов путем постоянного контроля со стороны руководителей. Также руководителям следует информировать сотрудников об их правовом статусе, о возможных ситуативных проявлениях конфликта интересов в служебной деятельности, а также информировать их с обязанностями по предотвращению и урегулированию конфликта интересов на службе в УИС. Это потребует создания системы оценки рисков конфликтов. Также для профилактики конфликта интереса на службе существует необходимость в контроле круга лиц, наиболее близких для сотрудника путем владения обстановкой в учреждении. Лица, не состоящие в браке, но имеющие близкие отношения не должны находиться в соподчиненности друг с другом.

Таким образом, конфликт интересов в УИС – сложное явление, требующее законодательного совершенствования. В результате конфликта интересов понижается качество выполнения служебных обязанностей, снижается важность разных государственных и общественных сфер. Более качественной реализации государственных полномочий будет способствовать пресечение конфликта интересов на начальном этапе его проявления.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 18.03.2023 № 471-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.03.2022).
2. Упоров А.Г. Сотрудничество Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества / А.Г. Упоров, О.В. Драгун // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3(34). – С. 44-49.
3. Гапонов А.Ю. Организационно-правовая характеристика конфликта интересов в уголовно-исполнительной системе / А. Ю. Гапонов // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития: Материалы III Международной научно-практической конференции, Псков, 15 июня 2021 года / Ответственность за содержание материалов несут авторы. – Псков: Псковский филиал федерального казенного образовательного учреждения высшего образования "Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний", 2021. – С. 86-90.
4. Максимчук В.Ю. Конфликт интересов на службе в уголовно-исполнительной системе / В.Ю. Максимчук // Сборник научных трудов победителей и призеров конкурсов на лучшую научную работу. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 113-118.
5. Упоров А.Г. Применение профессионально-ориентированных образовательных технологий обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 3(16). – С. 79-82.
6. Степанов К.А. Сущность коррупции и современные реалии ее развития / К.А. Степанов // Вестник молодого ученого Кузбасского института: Сборник научных статей / Отв. редактор Н.Н. Ивашко. Том Выпуск 9. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 159-162.

УДК 342.92

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Шумская Виктория Алексеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: vikuha692@gmail.com

Нестеренко Владимир Владимирович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: fallendaun20rubal8@inbox.ru

Гасан Вячеслав Ильич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: gasanslava722@gmail.com

Зорин Михаил Александрович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: zisha.morin@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В статье рассматривается анализ коррупции в уголовно-исполнительной системе России. Исследуются многие факторы, которые могут способствовать возникновению коррупционных ситуаций, и предлагаются меры по их предотвращению в региональных органах ФСИН России. Отмечается, что борьба с коррупцией в уголовно-исполнительной системе требует не только системного подхода, но и активного участия всех заинтересованных сторон. Обращается особое внимание на работу комиссии по соблюдению требований к служебному поведению сотрудников, которая должна принимать сложные решения, учитывая все проблемы, связанные с прохождением службы в уголовно-исполнительной системе.

Abstract. The article deals with the analysis of corruption in the penal system of Russia. Many factors that can contribute to the emergence of corruption situations are investigated, and measures are proposed to prevent them in the regional bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia. It is noted that the fight against corruption in the penal system requires not only a systematic approach, but also the active participation of all stakeholders. Special attention is paid to the work of the commission on compliance with the requirements for the official conduct of employees, which must make difficult decisions, taking into account all the problems associated with service in the penal system.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, пенитенциарная система, коррупция, сотрудник, осужденные к лишению свободы, администрация исправительных учреждений, исправительные учреждения, места лишения свободы, государственная служба, злоупотребление властью.

Key words: penal enforcement system, penitentiary system, corruption, employee, sentenced to imprisonment, administration of correctional institutions, correctional institutions, places of deprivation of liberty, public service, abuse of power.

В уголовно-исполнительной системе возникают проблемы в понимании коррупции из-за разных факторов. Еще в римском праве термин «*corruptere*» использовался для обозначения негативной деятельности, направленной на разрушение процесса управления делами общества. Слово «коррупция» (от лат. «*corruptia*») имеет несколько значений: продажность, порча, подкуп и моральное разложение [1, с. 294].

Согласно определению в юридическом словаре, коррупция является опасным явлением в обществе, государстве, а также в сфере политики и государственного управления [2, с. 372]. Данное явление заключается в том, что человек, который занимает должность представителя государственной власти, преднамеренно использует свой служебный статус для получения определенных благ в материальной, духовной или имущественной форме [3, с. 355].

Прежде чем был принят Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ [4], не было единого официального определения понятия «коррупция». Это стало одной из главных причин создания эффективного механизма борьбы с этим явлением в уголовно-исполнительной системе, и это остается актуальным.

Согласно ученым-юристам, коррупция в России имеет сложный и многогранный характер, который можно разделить на несколько типов. Первый тип – это взяточничество, которое является нарушением законодательства о поведении государственных служащих, включая служебные и этические нормы. Второй тип связан с экономическими отношениями и представлен в виде купли-продажи [5, с. 101]. Третий тип – это политический и экономический захват власти на всех уровнях, начиная с криминального бизнеса [6, с. 72]. Это может приводить к деструктивным действиям политической направленности, распродаже имущественных активов, включая государственные, и захвату собственности при помощи рейдерских атак.

Коррупция в системе уголовно-исполнительной системы (УИС) проявляется особенно ярко из-за профессиональной специфики ее сотрудников. Множество юристов-исследователей подтверждают, что коррупция в УИС является очень серьезной проблемой, требующей снижения. Мы согласны с мнением С. А. Сивцова, что необходимо принимать комплексные меры для борьбы с коррупцией, так, как только их совокупное применение может привести к желаемому результату – уменьшению проявлений коррупции в органах и учреждениях ФСИН России, если не к ее полному уничтожению, то по крайней мере к стабильному минимуму [7, с. 67].

Одна из важных мер, предусмотренных законодательством и реализуемых в пенитенциарной системе, – это создание комиссий по соблюдению требований к служебному поведению сотрудников, получивших названия «специализированных» или «конфликтных». Эти комиссии были созданы в соответствии с Приказом ФСИН России от 31 июля 2015 года № 693. В Плане противодействия коррупции Федеральной службы исполнения наказаний на 2021-2024 годы уделено повышенное внимание этим комиссиям, отмечается эффективность их работы за прошедшие годы [8, с. 44].

Мы считаем, что комиссии, которые занимаются анализом и принятием решений по сотрудникам, имеют серьезные полномочия. Важно найти баланс

между объективностью и беспристрастностью, а также пониманием трудностей, связанных со службой в пенитенциарной системе в целом и в подразделениях охраны и конвоирования, в частности.

В своей работе Е. А. Трегубова подчеркивает, что комиссии, которые анализируются, были созданы законодателем с целью выступать в качестве посредника и выполнять функции, напоминающие досудебную процедуру. Их главной задачей является защита сотрудников от необоснованных обвинений, которые могут поступать как со стороны третьих лиц, так и со стороны коллег, которые могут преследовать свои личные интересы [9, с. 69].

Приказ ФСИН России № 693 устанавливает правила формирования территориальных комиссий, которые исключают возможность коррупции, влияющей на принимаемые решения. Данный приказ распространяется на все службы УИС, включая службу охраны и конвоирования. Пункт 10 Приказа включает широкий круг вопросов, которые рассматривает комиссия и выносит мотивированные заключения с рекомендациями, включая применение юридических мер ответственности [10, с. 157-158].

Из высказанного следует, что было бы логичным разработать и утвердить специальные принципы, которые бы не позволяли злоупотреблять деятельностью комиссий. Среди таких принципов можно выделить: предположение о невиновности сотрудника УИС, уважительное отношение к личности сотрудника, конфиденциальность полученной информации в процессе рассмотрения вопроса, беспристрастность и независимость членов комиссии [11, с. 85-86].

В 2021 году К.И. Голубцовой и Д.А. Седовым было проведено исследование уровня коррупции и коррупционных рисков среди сотрудников УИС территориальных органов ФСИН России, расположенных в Приволжском и Уральском федеральных округах РФ [12, с. 29-34]. Для этого были направлены анкеты в 20 территориальных органов этих округов, и в исследовании приняли участие 12 777 сотрудников уголовно-исполнительной системы. Целью исследования было оценить распространенность коррупционных нарушений при поступлении в образовательные организации ФСИН России и в процессе службы в территориальных органах ФСИН России. Анкета включала в себя 46 вопросов, и часть из них была посвящена личности сотрудника, а оставшаяся часть – оценке возможных коррупционных рисков при исполнении некоторых должностей, а также отношению сотрудников к коррупционным правонарушениям и соблюдению антикоррупционного законодательства. Анкетирование было анонимным, и самый высокий процент участия в нем был в УФСИН России по Оренбургской области, а самый низкий – в территориальном органе по Свердловской области.

Респонденты были опрошены на тему коррупции в УИС. Большинство из них считают, что коррупция – это получение взятки, а также считают эту проблему очень серьезной. Они также категорически отрицательно относятся к даче взяток и считают, что этого фактора нужно избегать всеми возможными способами. Более 70% опрошенных, имеющих стаж работы более 5 лет, должны быть достаточно осведомлены об этой проблеме. Большинство респондентов не

сталкивались с коррупционными проявлениями в своей служебной деятельности. Основной причиной коррупции в УИС респонденты считают низкий уровень заработной платы. Респонденты также считают, что наиболее распространенными видами коррупции в УИС являются дача и получение взятки, злоупотребление полномочиями, использование своего служебного положения и наличие неслужебных связей со спецконтингентом.

Во время исследования, направленного на выявление уровня коррупции в среде сотрудников УИС территориальных органов ФСИН России в Приволжском и Уральском федеральных округах, было выяснено, что большинство опрошенных сотрудников считают проблему коррупции важной и требующей непрерывных улучшений. Сотрудники уголовно-исполнительной системы выражают крайнее негативное отношение к коррупции и призывают к активному ее противодействию.

Для борьбы с коррупцией в УИС рекомендуется использовать несколько мер профилактики. Во-первых, необходимо обеспечить прозрачность и открытость процесса принятия управленческих решений и их реализации. Во-вторых, следует проводить своевременную ротацию кадров в потенциально коррупционных отраслях деятельности, таких как образование и другие [13, с. 79-80]. В-третьих, возможно рассмотреть назначение руководителей на определенный срок после проведения гласного конкурсного или комиссионного отбора. В-четвертых, необходимо повысить требования к профессиональному, морально-нравственному и психологическому уровню кандидатов на службу в УИС. В-пятых, следует обеспечить защиту лиц, сообщающих о коррупционных преступлениях в УИС. В-шестых, необходимо регулярно проводить научные исследования, чтобы выработать научно обоснованные решения по противодействию коррупционным преступлениям сотрудников УИС.

Важно учесть, что для борьбы с коррупцией в УИС необходимо применять все перечисленные меры, которые помогают создать уважительное отношение к сотрудникам.

Таким образом, системы, которые должны противодействовать коррупционным преступлениям в рамках деятельности УИС, не могут функционировать автоматически. Они могут быть эффективными только при условии использования высококвалифицированных и хорошо обученных специалистов.

Список использованной литературы:

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ, 2014. – 736 с.
2. Белов В.А., Сухарев А.Я. Большой юридический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 703 с.
3. Чаттаев А.Р. Трансграничная коррупция и предпринимательская деятельность / А.Р. Чаттаев // Цифровая трансформация: образование, наука, общество. – Москва: Автономная некоммерческая организация Центральный научно-исследовательский институт русского жестового языка, 2019. – С. 351-357.

4. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Российская газета. – 2008. – № 266.
5. Голубцова К.И. Понятие и признаки служебных преступлений в уголовно-исполнительной системе // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2018. – С. 100-102.
6. Мухачев В.А. Противодействие коррупции в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы России. – Киров, 2019. – 100 с.
7. Сивцов С.А. Комплексная стратегия противодействия коррупции в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 1 (224). – С. 66-72.
8. Упоров А.Г. Сотрудничество Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества / А.Г. Упоров, О.В. Драгун // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3(34). – С. 44-49.
9. Трегубова Е.А. Коррупционная составляющая в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Вестник Самарского юридического института: научно-практический журнал. – 2021. – № 4 (45). – 2021. – С. 65-70.
10. Упоров А.Г. О целесообразности объединения ФССП и ФСИН России в единую службу исполнения наказаний и принудительного исполнения судебных и иных решений Российской Федерации / А.Г. Упоров, О.В. Мошненко // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 3(195). – С. 157-160.
11. Степанов К.А. Социально-правовая природа коррупции и современные реалии ее развития / К.А. Степанов // Правовая позиция. – 2022. – № 10 (34). – С. 85-91.
12. Голубцова К.И., Седов Д.А. Анализ феномена коррупции в УИС // Вестник Самарского юридического института. – 2022. – № 3 (49). – С. 29-34 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-fenomena-korrupsiiv-uvis> (дата обращения: 25.03.2023).
13. Упоров А.Г. Применение профессионально-ориентированных образовательных технологий обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 3(16). – С. 79-87.

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Международный научный журнал

Выпуск № 4 / 2023

Подписано в печать 15.04.2023

Рабочая группа по выпуску журнала

Ответственный редактор:

Морозова И.С.

Редактор: Гараничева О.Е.

Верстка: Мищенко П.А.

Издано при поддержке

ГОУ ВПО «Донбасская
аграрная академия»

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»

приглашает к сотрудничеству студентов,
магистрантов, аспирантов, докторантов,
а также других лиц, занимающихся научными
исследованиями, опубликовать рукописи
в электронном журнале
«Правовая позиция».

Контакты:

E-mail: donagra@yandex.com

Сайт: <http://donagra.ru>

